

Иван
Новиков

Вера ХОРУЖАЯ

**Иван
Новиков**

Вера ХОРУЖАЯ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1973**

ЗКП1(092)

Н73

Новиков И. Г.
Н73 Вера Хоружая. Изд. 2-е, перераб. М., По-
литиздат, 1973.
159 с. с ил.

Книга И. Г. Новикова посвящена комсомолке двадцатых годов, героической дочери белорусского народа — Вере Хоружей. В подполье и тюрьмах, на стройке и в партизанском отряде она всегда и везде оставалась верной партии, Родине.
Книга рассчитана на массового читателя.

И $\frac{0164-245}{079(02)-73}$ 255—73

ЗКП1(092) +ЗКСМ

© ПОЛИТИЗДАТ, 1973 г.

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Было это летом 1961 года. Вместе с Василием Захаровичем Хоружим мы поехали туда, где на высоком, обрывистом берегу Западной Двины, в самом центре Витебска, словно старинный замок, возвышается станкостроительный завод. Желтоватые стены его видны далеко за пределами города. Но нас привлекали не просторные корпуса предприятия, не новейшие станки, которыми оснащено оно, не замечательная продукция, выпускаемая чудесными мастерами своего дела — витебскими станкостроителями. Со всем этим мы уже были знакомы. Нам нужен был административный корпус завода.

Сняв головные уборы, мы медленно спустились в его сырой, затхлый подвал. Здесь находится филиал областного краеведческого музея.

Впереди, с трудом сдерживая волнение и пытливо всматриваясь в каждую деталь, шел высокий, худощавый Василий Захарович. В центре подвала он мог двигаться во весь рост, но стоило ему сделать шаг в сторону, как уже нужно было пригибаться, чтобы не ушибиться о сводчатый потолок. Кроме нас тут были пожилые люди — старые партизаны и юноши и девушки — школьники.

В подвале расположены низкие длинные каменные мешки, разделенные между собой стенами более чем метровой толщины. Даже свет электрических лампочек не может разогнать густую тьму, которая прячется по углам. Огромные тени мечутся по стенам и потолку.

Неуютно, холодно становится на душе, когда заходишь сюда и сзади захлопывается дверь, как бы отрезая тебя от всего мира. Взволнованным голосом экскурсовод рассказывает о пытках и истязаниях, которым подвергали гитлеровцы в этих застенках честных советских людей.

Экскурсовод включил еще несколько лампочек, и на стене стали видны многочисленные надписи. Они тут повсюду, на каждом кирпиче: и короткие, в одно-два слова, и более пространные, написанные карандашом и нацарапанные гвоздем. Каждая свидетельствует, что здесь бесстрашно боролись и погибали с честью советские люди, беспредельно любившие свою Родину.

Василий Захарович останавливается и пристально всматривается в нацарапанные почти под самым сводом буквы: «Хоруж...» Слово не закончено. Видимо, писалось оно в минуту, когда палачи уже стояли у дверей подземного карцера.

Известно, что в этом каменном мешке сидела славная дочь белорусского народа, бесстрашная революционерка, пламенная советская патриотка Вера Захаровна Хоружая. Вместе с Василием Захаровичем десятки людей всматриваются в предсмертные буквы, так много говорящие сердцу каждого человека.

Слезы застилают глаза Василия Захаровича. Годы не сняли боли, не стерли память о родном и близком человеке.

Все находившиеся рядом с нами люди тоже волнуются. Им хорошо известна легендарная жизнь Веры Хоружей.

Долго стояли мы, склонив головы перед этой надписью, отдавая дань глубокого уважения светлой памяти Веры Захаровны Хоружей и ее друзей, вместе с которыми она бесстрашно боролась против немецко-фашистских захватчиков.

Прямо отсюда мы с Василием Захаровичем поехали в 19-ю среднюю школу Витебска, где юные краеведы проводили слет, посвященный жизни и деятельности Героя Советского Союза Веры Захаровны Хоружей.

В новом здании школы собрались не только школьники. В гостях у них — люди различных возрастов и профессий. На груди некоторых сияют золотые Звезды Героев, ордена и медали — боевые и трудовые. Здесь и

комсомольцы двадцатых годов, и бывшие подпольщики Западной Белоруссии, и учителя, и отважные партизаны Великой Отечественной войны. Многие из них хорошо знали Веру Хоружую: когда-то учились с ней или она учила их, работали в комсомоле или воевали в тылу врага. Они пришли сюда, чтобы рассказать о том светлом, хорошем, незабываемом, что осталось в памяти людей о Вере.

Затрубили пионерские горны, и в переполненном зале взметнулась боевая песня о ней.

И вот из отдельных, разрозненных воспоминаний друзей, боевых соратников, из писем и записок самой Веры Хоружей, прочитанных взволнованными детскими голосами, возник удивительно цельный, яркий образ героини, которой по праву гордится советский народ.

С тех пор прошло более двенадцати лет. Школьники, которые участвовали в слете, стали взрослыми людьми. Каждый выбрал себе путь в жизни. И каждый несет в своем сердце светлый образ Веры Хоружей. Быть похожим на нее в служении социалистической Отчизне — такую клятву дали они тогда на пионерском сборе, теперь стараются сдерживать ее.

А туда, где Вера Хоружая провела последние дни и часы, идут и идут люди всех возрастов и профессий, школьники и седые старцы. В Белоруссии появилось много следопытов, которые изучают героинку своего народа. Их путь тоже проходит через этот темный подвал, где с честью выдержала тяжелейшие испытания Вера Хоружая. Но они знают, что и до 1942 года у нее была удивительно яркая жизнь революционерки, которая борьбу за народное счастье считала великой целью и сделала ее своей профессией.

НАВСТРЕЧУ ГРОЗЕ

Этот эпизод Веринаго детства хорошо запомнился ее старшему брату Василию Захаровичу.

Маленькая Вера была очень пуглива и ежилась от страха, когда слышала шорох мышей под полом. У нее было живое, богатое воображение. Играя со сверстниками, она могла населить темный угол квартиры сказоч-

ными существами, от чего самой становилось страшно. В грозу затыкала уши, зажмуривала глаза.

Она стыдилась своего страха и слабость эту долго не могла побороть.

Их дом стоял у самой Припяти. Весной, как только выпадало свободное время, Вера собирала подружек и младших сестер и устраивала различные игры. Она была неистощима на выдумки.

Однажды дети заигрались и не заметили, как за Припятью почернело небо и за клубились черные тучи. Спихватились, когда по небосводу резко черкнула огромная яркая молния и с треском громыхнул гром. Девочки побежали по домам. А Вера смотрела на клубящуюся сизовато-черную тучу. Стояла оцепеневшая, словно загипнотизированная.

Туча быстро надвигалась. Рванул порывистый ветер, подхватил все, что смог поднять с земли, и понес по улицам притихшего города. А Вера все смотрела и смотрела на небо.

Вдруг она взвизгнула, сорвалась с места и помчалась навстречу грозе. Она неслась, махая руками, как мельничными крыльями, на гору, к обрыву над рекой, и в восторге кричала:

— А я не боюсь, не боюсь!.. Не боюсь!..

Ее хлестали холодные капли дождя вперемежку с крупными градинами, ветер зло рвал платье, и грозно, устрашающе гремел гром. Но глаза девочки сияли радостью победы. Она поборолла свой страх и теперь знала, как стать сильной.

Мать забеспокоилась, когда увидела, что Веры нет дома. Выскочила, звала, кричала: ни звука в ответ.

В разгар грозы Вера прибежала домой — радостная, торжествующая, промокшая до нитки. С порога бросилась к матери:

— Мамочка, я теперь не боюсь грозы! Ничего не боюсь...

Настроенная отчитать дочь за шалость, мать поняла, что творится в душе ребенка, и беззлобно сказала:

— Ладно уж... Переодевайся быстрее, а то простудишься...

РОМАНТИКА БОРЬБЫ

Как и многие девочки Мозыря, Вера училась в женской гимназии, училась прилежно, старательно. В отличие от своих сверстниц более внимательно прислушивалась и присматривалась к взбудораженному миру, более остро реагировала на малейшие проявления социальной несправедливости.

Этому помогало неудержимое влечение к литературе. Преподавательница русского языка и литературы Вера Николаевна Тризно заметила любовь Веры Хоружей к яркому, образному слову, к произведениям Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Горького, Гюго и тактично, ненавязчиво рекомендовала для чтения книги, которые пробуждали у юной читательницы чувство справедливости, высокое человеческое достоинство, любовь к угнетенным, простым людям, к тем, среди которых росла и постоянно находилась маленькая Вера.

Вера Николаевна по совместительству заведовала гимназической библиотекой. Однажды во время перемены к ней подошла Вера Хоружая и попросила разрешения помогать ей в библиотеке.

— Пожалуйста,— охотно согласилась учительница.— Дела нам хватит на двоих.

Вера сразу принялась за расстановку книг, привела в порядок картотеку. Особенно любила выдавать книжки маленьким читательницам: расспросит, кто чем интересуется, что уже прочитали, и обязательно найдет для них что-нибудь интересное.

Однажды весной 1918 года во время перемены, когда школьный коридор огласился звонкими криками девчонки, в вихрь голосов ворвалось нечто необычное и странное для захолустного белорусского городка — звук духового оркестра.

Вера вдавила в стекло свой нос, превратив его в белый пятячок. Ее окружили подруги и тоже прильнули к окну. Все смотрели недоуменно и сосредоточенно.

На улице показалась колонна солдат в незнакомой серо-зеленой форме. За спиной Веры раздался приглушенный голос учителя:

— Немцы...

Оглянувшись, Вера увидела его бледное лицо.

Потом она снова смотрела на пришельцев. Оркестр

играл оглушительно. Вере казалось, что кто-то бьет ее по голове: «На тебе, на тебе, на тебе!»

Не глядя на подруг, она чувствовала, что они переживают то же, что и она. Большое недетское горе захлестнуло Веру. Она впиалась пальцами в подоконник, потом, не выдержав нахлынувших чувств, рванулась от окна, повалилась на парту и заплакала навзрыд...

Осенью в мужской гимназии умер один ученик. Подчиняясь оккупационным порядкам, директор гимназии разрешил участвовать в похоронах только его одноклассникам, чтобы похороны не выглядели демонстрацией.

В мужскую гимназию пришла Вера:

— Наша гимназия поддержит вас. Приготовьте красное знамя!

Услышав об этом, директор запротестовал:

— Ни в коем случае! Представляете, что произойдет?

— А вы предупредите военные власти, что мы хороним товарища,— возразила Вера.— Знамя будет с траурной каймой.

На похороны вышло около шестисот гимназистов. Впереди всех Вера. Над колонной реяло красное знамя с черной лентой. Жители Мозыря высыпали на улицу. Это была открытая демонстрация революционной молодежи, не побоявшейся оккупантов.

Но тем было уже не до гимназистов: в самой Германии свергли кайзера Вильгельма.

Закончились Верины школьные годы. Хотелось учиться дальше, в университете, но время сложное, трудное — не до учебы.

В марте 1920 года Мозырь захватили войска белополяков.

Вчерашней гимназистке пришлось идти батрачить к мельнику в деревню Рогали. Вера уже неплохо разобралась в обстановке и разъясняла сельским парням и девушкам, кто их друзья и кто классовые враги. Не боялась, что за такие разговоры ее могут расстрелять.

Как только Мозырь был освобожден в июне 1920 года войсками Красной Армии, Вера получила место учительницы в сельской школе.

ЧЕСТЬ СМОЛОДУ

Став учительницей, Вера включилась в общественную жизнь: выступала на собраниях, учительских конференциях, решительно отстаивала позиции большевиков. Такой и запомнил ее заведующий уездным отделом народного образования Людовой.

Вернувшись из деревни в Мозырь, Вера пошла в уком партии.

— Хочу стать коммунисткой,— сказала она секретарю укома, человеку огромного роста, медлительному и, как казалось Вере тогда, чрезвычайно флегматичному.

Он посмотрел на нее с улыбкой сверху вниз и спросил:

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— В партию рановато. Поработай сначала в комсомоле, там тебе сподручнее.

У кого взять рекомендацию? Ведь она из семьи служащего — требуется рекомендация коммунистов. Пришлось просить Людового. Тот покрутил головой, сказал:

— По правде говоря, я знаю тебя маловато. Ведь речь идет о рекомендации, хотя выступала ты на учительских конференциях всегда правильно, хорошо. Знаешь, городу опять угрожает опасность?

— Знаю,— спокойно ответила Вера.

— Представляешь, что ждет тебя, если попадешься белобандитам?

— Хорошо знаю и не боюсь.

— Вот это похвально,— одобрил Людовой.— Знают, не с корыстными целями стремишься вступить в комсомол,— и дал ей рекомендацию.

Вера поспешила в уком комсомола. Там было шумно, суетливо. Готовились к эвакуации. Секретарь комитета взял Верину анкету, внимательно прочитал ее и удивленно поднял глаза на девушку:

— В такое время в комсомол?

Больше всего его удивило, что заявление подает учительница, вышедшая из семьи служащего. Тогда интеллигенции в Мозырской комсомольской организации почти не было.

— Я хочу быть вместе с вами,— настойчиво сказала Вера.

— Слышишь, как гремят орудия?

— Ну и что же?

— Пойми, мне некогда заниматься приемом в комсомол. Прогоним беляков, вернемся к этому вопросу. Кстати, ты здесь останешься или эвакуируешься?

— Я буду с вами! — не задумываясь, ответила Вера.

Через два дня вместе с мозырскими комсомольцами она выехала в Гомель.

В день эвакуации секретарь комитета комсомола спросил:

— Кто согласится выполнить самое опасное и самое ответственное дело — везти комсомольское знамя и документы комитета?

— Я! — первая отозвалась Вера.

Все удивленно оглянулись на нее, а секретарь комитета заметил:

— Это, конечно, хорошо, но ты еще не комсомолка, мы не имеем права поручить тебе такое дело.

До боли закусив губу, Вера отошла в сторону. Она не обиделась, понимала, что надо еще заслужить право быть комсомолкой.

Ждать пришлось недолго. По прибытии в Гомель из числа эвакуированных комсомольцев сформировали отряд для борьбы с бандой Булак-Балаховича, переброшенной из Польши. Отбирали придирчиво — самых надежных, самых смелых. Из девушек взяли сначала Ольгу Тихонову и Веру Хоружую. Потом еще двух. Их зачислили в разведку.

Вместе с частями Красной Армии в ноябре 1920 года девушки вошли в освобожденный от белобандитов Мозырь. Вера доказала, что она достойна быть комсомолкой. На одном из первых после возвращения в Мозырь собраний ее единогласно приняли в комсомол, назначили библиотекарем.

Она ездила по деревням, раздавала комсомольцам книжки, разъясняла политику партии, организовывала кружки по ликвидации неграмотности. Ее беседы, неутомимость и увлеченность в работе заражали молодежь. Вскоре Веру избрали членом комитета комсомола, назначили заведующей политпросветотделом.

Забот и тревог добавилось. Она добирается до самых

глухих полесских деревень, беседует с крестьянами, несет им большевистскую правду о новой жизни. А по лесам в это время шныряют недобитые банды, люто расправляются с коммунистами и комсомольцами.

Позже в декабре 1922 года в воспоминаниях о погибшем комсомольце Бернацком, опубликованных в газете «Красная смена», Вера Хоружая ярко и взволнованно описала обстановку, в которой ей пришлось работать:

«...В маленьком Ельске Мозырского уезда вырос товарищ Бернацкий. Он был рабочий-сапожник. Еще задолго до вступления в комсомол он уже принимал участие в революционной работе — сначала в местечковом Совете, потом в политбюро (уездной чека).

Летом 1921 года в Ельске организуется комсомольская ячейка, и Бернацкий становится комсомольцем. Ему 18 лет. Еще более горячо берется он за работу.

А бандитизм растет, разливается шире, растет и опасность. И в самом опасном месте, в самых «бандитских» волостях — комсомолец Бернацкий.

Свою нелегальную работу по борьбе с бандитизмом он совмещает с не менее важной и опасной по тому времени — сбором продналога. Бандиты его уже знают.

Вот он едет из одной волости в другую. На несколько верст кругом — лес.

Вдруг сзади: «Стой!»

Трое их. Вооруженные с ног до головы.

Бежать? Бесполезно. Бернацкий остановился, ждет врагов. В руках у него граната.

Он не сдастся ни живым, ни мертвым. Вместе с ним погибнут и враги.

Минута между жизнью и смертью. Момент беззаветного героизма. С проклятиями и угрозами сворачивают бандиты в сторону. Бернацкий спасен.

Еще месяц величайшего напряжения, вечно висящей над головой опасности. Бернацкий носится из волости в волость, иногда проездом заглядывает в Мозырь. И тогда комсомольцы видят его высокую, статную фигуру в комсомольском клубе. Там он проводит целый вечер...

А бандиты его уже стерегут и не теряют надежды уничтожить. Целая ложная организация раскинулась по всему уезду. Даже сельсоветы предоставляли в их распоряжение подвод, оружие.

Бернацкому срочно надо было переменить в Буйновцах лошадей и скакать дальше.

«Председатель сельсовета» любезно предоставил ему подводу. Даже двух спутников дал: «Время опасное, втроем веселее ехать».

У бандитов все было рассчитано, предусмотрено...

Только скрыл лес деревню, как «невинные» на вид спутники с обеих сторон набросились на Бернацкого. Миг — и руки скручены. В упор глядят два глаза — дула револьверов.

Теперь он не опасен. Теперь никакая граната его не спасет.

И расправились с ним бандиты по-своему...

На следующий день проезжавший мимо крестьянин нашел на дороге шапку и окровавленный листок комсомольского билета. А еще через день в лесной чаще разыскали и обезображенный до неузнаваемости труп комсомольца.

Похоронили Бернацкого. Спели над его могилой песни революционные — не унылые и слезливые, а бодрые, бесстрашные, огневые, такие же, каким был он сам...»¹

Описывая жизнь и борьбу комсомольца Бернацкого, Вера как бы раскрыла страничку своей собственной жизни. Она ездила по тем же опасным дорогам, по которым ездил он, ночевала в тех же волостях, в которых ночевал он, выступала на деревенских вечеринках перед молодежью, не боясь, что в любой момент может получить пулю из обреза.

Однажды бандиты напали на местечко Копаткевичи. Они зверски расправились со многими коммунистами и комсомольцами.

Вера приехала в местечко, когда там еще дымились пожарища и на улицах валялись убитые. Не теряя ни минуты, она собрала оставшихся в живых коммунистов и комсомольцев, беспартийных активистов.

— Товарищи, мы должны отомстить бандитам! — обратилась она к жителям Копаткевичей. — Наши враги жестоки, но и трусливы. Давайте догоним и уничтожим банду!

Быстро нашли оружие, и отряд, созданный Верой Хоружей, погнался за преступниками. Те, не ожи-

---

¹ *Вера Хоружая. Письма на волю. М., 1962, стр. 41—42.*

дая нападения, были застигнуты врасплох и уничтожены.

Весной 1921 года она подала заявление о вступлении в партию. Партийное собрание проходило активно, Веру теперь знали все, знали не только ее еще совсем коротенькую биографию, но, что важнее всего, как она ведет себя в трудную минуту, в момент опасности. Поэтому проголосовали за прием кандидатом в члены партии единогласно.

В июне 1921 года по решению ЦК комсомола Белоруссии ее перевели на политпросветработу в Бобруйскую комсомольскую организацию. Вера возвращалась в город, где она родилась 27 сентября 1903 года.

Сменилось место работы, а характер ее остался тот же. С пачкой газет, книжек и журналов под мышкой она шагала из села в село, организовывала новые комсомольские ячейки, помогала укреплять ранее созданные, подсказывала, как отличить классового врага от человека темного, заблуждающегося, говорила, какой замечательной станет жизнь в деревне, когда будет построен социализм. Из деревни Вера всегда приносила с собой ворох новостей и запах лесов и лугов. Летом в ее руках непременно был букет полевых цветов, зимой — душистая ветка ели.

И не было в Бобруйске субботника или воскресника, в котором не участвовала бы Вера. Парни и девушки не видели ее усталой, грустной. Там, где она работала, всегда звенел смех.

В декабре 1921 года ее принимали в члены партии. На этот раз она волновалась не меньше, чем когда принимали в кандидаты. Требования к вступающим предъявлялись строгие. Звание коммуниста можно было заслужить только самоотверженным трудом, смелостью, мужеством в борьбе с классовыми врагами.

Выступало на собрании много коммунистов. И все говорили: Вера Хоружая — настоящий большевик. И на этот раз голосовали за нее единогласно.

И В УЧЕБЕ, КАК В БОЮ

Чем больше она вела пропагандистскую работу, тем острее чувствовала, что ей не хватает теоретической подготовки. До многих понятий и оценок приходи-

лось доходить самой, ощупью. А время требовало прочных политических знаний, которые помогали бы оценивать факты и события, происходившие в мире.

Предложение поехать в Минск, в Центральную партийную школу Белоруссии, Вера приняла с восторгом. С первого же дня учебы с жадностью набросилась на книги, читала произведения Маркса, Ленина. Каждую лекцию ждала с нетерпением, потому что узнавала что-то новое, интересное и нужное в работе. Вместе с ней учились люди уже немолодые, прошедшие большую школу революционного подполья. Ежедневное общение с ними обогащало Веру знаниями жизни и политической работы. Она расспрашивала их о том, как они выполняли партийные поручения в условиях подполья, как сохраняли конспирацию и в то же время поддерживали связь с массами.

Слушатели партшколы издавали свой рукописный журнал. Вера была одним из наиболее активных его авторов.

Учеба не мешала ей участвовать в общественной жизни. Ей поручили работу с детьми. По тому времени это было ответственное и нелегкое поручение.

Империалистическая и гражданская войны, а затем засуха в Поволжье вызвали в стране разруху, голод. Появились беспризорники. По указанию В. И. Ленина партия и комсомол направили на борьбу с беспризорностью лучшие свои силы.

Вера выполняла это поручение не по обязанности, а по зову сердца: она по призванию была воспитательницей.

«Помните ли вы, товарищи, Провиантскую улицу в нашем Минске?— писала она много позже, в 1942 году.— Разумеется, помните. Вот она — прямая и длинная, с небольшими приветливыми домиками, садами и палисадниками, зеленая и веселая от детского и птичьего щебета»¹.

На Провиантской улице, в доме № 10, располагалась комсомольская коммуна. Отпочковалась она в 1923 году от Дома юношества, который находился на Загородной (ныне Обувной) улице. В нем жили бывшие беспризорники.

---

¹ Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 225.

Появилась Вера в Доме юношества в гимнастерке и юбке цвета хаки и с первого же дня завоевала симпатии воспитанников детского дома.

Коллектив Дома юношества был дружный, сплоченный общим трудом, совместной учебой и жизнью. Заведовал домом старый опытный педагог А. А. Соколовский.

Хотя в доме царил порядок, Вера сразу же почувствовала, что в таком порядке есть и теневые стороны. Воля руководителя была слишком велика и потому несколько сковывала инициативу ребят. А что может быть ущербнее для воспитания сознательных граждан, чем слепая покорность?

— Александр Антонович, нужно создать в коллективе самоуправление,— предложила Вера заведующему.

— Оставьте эти выдумки,— возразил он.— Слава богу, и без самоуправления обходимся недурно. Для чего оно нам? Разводить дискуссии?

— Вы глубоко ошибаетесь, Александр Антонович,— стояла на своем Вера.— Самоуправление ничуть не пошатнет ваш авторитет руководителя. Надо приучать воспитанников самостоятельно решать все жизненные вопросы. Что о вас скажет партия, если вы выпустите из своего коллектива беспомощных, робких людей, способных действовать лишь по чужой указке?

Не сразу сдался Александр Антонович Соколовский. Он знал, из какой страшной бездны совсем недавно вырваны эти парнишки и девчонки, какое тлетворное влияние оказывала на них улица. Своей строгостью заведующий Домом юношества хотел оградить воспитанников от скверных поступков, привить им дисциплину и повинение. День за днем Вера убеждала его в обратном. Наконец, было созвано общее собрание. Избрали самоуправление. Распределили обязанности. Часть функций, которые прежде выполнял педагогический совет, взяло на себя самоуправление. Оживилась общественная работа. Юноши и девушки стали самостоятельно решать хозяйственно-бытовые вопросы. И все это связывалось с приходом Веры Хоружей.

А потом она начала поход за создание самоуправляющейся комсомольской коммуны, во главе которой должен стоять не педсовет и заведующий, а комсомольская организация. «Штурм» руководящих инстанций закон-

чился успешно: органы народного образования решили создать комсомольскую коммуны. Вот тогда и разместили ее в деревянном одноэтажном доме с палисадником на Провиантской улице (ныне улица Захарова).

И хотя формально Вера не числилась в коммуне, она была душой и мозгом молодого коллектива. Инициатива так и была ключом там, где за дело бралась эта девушка.

Регулярно в клубах Дома юношества и коммуны устраивались диспуты, вечера художественной самодеятельности. Талантов нашлось много. Были свои драматические артисты, певцы, танцоры, акробаты. Особенно выделялась Лида Шинко, впоследствии ставшая актрисой, заслуженной артисткой БССР.

На репетициях кружков, в перерывах между занятиями Вера подсаживалась к одному из коммунаров и незаметно, исподволь расспрашивала, что его больше всего интересует, кем он хотел бы стать, советовала, подсказывала, а когда нужно было, добивалась, чтобы человек освоил любимую профессию, поступил в то учебное заведение, о котором мечтал. Да и сами коммунары обращались к ней за помощью и никогда не получали отказа.

Вспоминая Провиантскую улицу в 1942 году и возвращаясь мыслями в прошлое, Вера Хоружая думала, где сейчас те, кто под ее руководством входил в большую жизнь. Абсолютное большинство из них стали видными инженерами, хозяйственными и партийными работниками, педагогами, военными, мастерами высокой квалификации. Она знала, что в трудную для Родины минуту они с честью выполнят свой сыновний долг.

Шефство над Домом юношества и комсомольской коммуной на Провиантской улице — это только частица той работы, которую вела Вера во время учебы в партийной школе. Она помогала организовывать демонстрации пионеров и комсомольцев в поддержку революционной молодежи Германии, Польши, проводила литературные вечера, диспуты, писала статьи для газеты «Красная смена». А главное — училась, набиралась знаний, постигала теорию марксизма-ленинизма, которая открывала перед ней лучезарное будущее.

ГОЛОСА БОЕВЫХ ДРУЗЕЙ

Молодежь в то кипучее время жила делами не только своей страны, но и интересами всего революционного пролетариата мира. Юношам и девушкам казалось, что мировая пролетарская революция близка к осуществлению, нужно только напрячься и еще раз ударить по мировой буржуазии.

Особенно остро воспринимались события, происходившие в буржуазной Польше и оккупированной белополяками Западной Белоруссии. Доходили сообщения о революционных выступлениях польских, белорусских и украинских пролетариев. На «кресах восточных» (восточные земли), как стали называть поляки Западную Белоруссию, еще шла партизанская борьба против оккупантов. Компартия Западной Белоруссии (КПЗБ) — она входила в Коммунистическую рабочую партию Польши (КРПП) — возглавляла эту борьбу.

Вера постоянно интересовалась революционной работой западнобелорусской комсомолки.

Время от времени оттуда через границу приходили партийные и комсомольские работники. Разумеется, приходили тайком, и лишь ограниченный круг людей знал об этом.

На одном из городских комсомольских собраний председатель объявил:

— Товарищи, к нам прибыл представитель нашего братского комсомола Западной Белоруссии. В условиях сурового подполья, жестоких преследований со стороны польской буржуазии и ее цепного пса — дефензивы комсомольцы Западной Белоруссии ведут героическую борьбу за воссоединение белорусского народа в едином Белорусском Советском государстве. Вы знаете, что всю работу наши братья проводят подпольно. Чтобы соблюсти конспирацию, представитель ЦК комсомола Западной Белоруссии не может выступить здесь открыто. Сейчас мы затемним помещение.

На окнах были спущены плотные шторы, и в зале стало темно. С той стороны, где стояла трибуна, раздался звонкий голос юноши:

— Дорогие товарищи! Мне предоставлена великая честь приветствовать вас, авангард молодежи Советской

Белоруссии, от имени авангарда молодежи Западной Белоруссии.

Зал задрожал от аплодисментов. Волны их то затихали, то снова бурно всплескивались. Вместе со всеми азартно, не жалея ладоней, аплодировала и Вера. Желание быть вместе с этим невидимым мужественным юношей на баррикадах революции и в глубоком подполье, быть там, где труднее и опаснее всего, захлестнуло ее.

Сквозь шум оваций юноша продолжал:

— В этот момент, когда я выступаю перед вами, тысячи моих друзей с оружием в руках сражаются в партизанских отрядах против белопольских оккупантов. Сотни и тысячи моих товарищей в городах ведут подпольную работу, объединяя польскую, белорусскую, украинскую трудящуюся молодежь.

Многие мои дорогие друзья сейчас мучаются в застенках дефензивы и в тюрьмах. Несмотря ни на какие пытки, они высоко держат голову, с честью несут звание комсомольца. Тем, кто вступил в ряды революционеров, не страшны никакие испытания.

Юноша рассказывал о героических подвигах простых парней и девушек, отдавших свою жизнь делу пролетарской революции. «Так поступают мои братья и сестры, мои неведомые друзья,— думала Вера.— Почему же я не среди них? Только потому, что нас разъединяет граница? Так ведь она же незаконная, она раскроила живое тело моей Белоруссии на две части, заставив кровоточить ее западную часть ежедневно и ежечасно. Как могу я спокойно сидеть здесь, когда мои братья и сестры терпят такие муки? Мое место там. И я встану в их ряды...»

Такие встречи с комсомольцами Западной Белоруссии проводились все чаще и чаще. Как-то после одной из них Вера обратилась к заведующему отделом культуры и пропаганды ЦБ КП(б) Б. Ю. Ленскому:

— Скажите, пожалуйста, как мне перейти на подпольную работу в Западную Белоруссию? Я там могла бы больше принести пользы, чем здесь.

Ленский внимательно посмотрел на нее, улыбнулся и сказал:

— Думаешь, все это просто делается: захотел — поехал?

— Нет, я так не думаю,— возразила Вера.— Догадываюсь, что дело это не простое. Потому и обратилась к вам за советом.

— Хорошо, попытаюсь кое-что выяснить,— пообещал Ленский.— Но учти, для работы в подполье нужно многое знать: и условия, в которых придется работать, и язык, и нравы людей, среди которых придется жить, и иметь крепкую теоретическую подготовку. Ну, а об опасностях в работе подпольщика ты уже слышала.

— Вот потому я и хочу пойти туда,— твердо сказала Вера.

Она тайком от подруг штудировала географию, экономику, литературу Польши. Нашла девушку — польку, которая согласилась обучать ее польскому языку. Иногда казалось, что Ленский забыл о ней.

И вдруг — приглашение к секретарю Центрального бюро КП(б) В. А. Богудкому! Он расспросил ее о работе, товарищах, родных, поинтересовался, какие произведения Ленина Вера читала, как понимает их.

Ничего определенного ей не сказал, но характер его вопросов уже наводил на размышления. Ушла от него Вера окрыленная. Даже самые близкие подруги не знали о ее замыслах. Уже здесь, в Минске, она училась умению держать язык за зубами. Да никто из друзей и не думал, что Вера намерена сменить работу — так увлеченно выполняла она свои общественные и служебные поручения.

Из-за кордона продолжали поступать телеграммы о революционной работе коммунистов Польши, Западной Белоруссии, о боевых действиях партизан. Вера знакомилась с ними как редактор газеты «Малады араты»¹, и неудержимая сила тянула ее туда, в водоворот борьбы.

А вечером, перечитывая стихи Гете, она то и дело возвращалась к строкам:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!

Эти слова стали ее девизом.

---

¹ «Молодой пахарь» — орган ЦК комсомола Белоруссии.

ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ

Как и все советские люди, с тревогой читала Вера бюллетени о состоянии здоровья Владимира Ильича. Читала и верила, что он поправится, одолжит болезнь, что Ленин способен на необычайное, сверхчеловеческое.

И вот страшная весть, словно низринувшийся горный обвал: Ленин умер!

Свои обязанности в тот день она выполняла как обычно. Непривычно суровая, говорила с товарищами мало, глуховатым голосом. Под глазами обозначились синие круги.

Вечером в городском клубе должен был состояться траурный митинг. Вера пошла туда. Собрались рабочие кожевенных, швейных, металлообрабатывающих предприятий, ребята из комсомольской коммуны, партийные и комсомольские работники. Приспущенные красные знамена перевязаны черными лентами. Портреты Ленина в черной рамке.

Секретарь горкома партии подошел, молча пожал руку и коротко спросил:

— Выступишь?

— Выступлю.

На трибуну поднимались представители горкома партии, горкома комсомола, предприятий города. Говорили с трудом сдерживая рыдания. Предоставили слово Вере.

Взошла она на трибуну не как всегда — быстро, а тяжело, будто поднимала непосильный груз. Боялась, сорвется голос, разрыдается. Но голос поддался силе воли, звучал приглушенно, однако без надрыва.

— Свое горе и несчастье женщина обыкновенно выражала в слезах и рыданиях, — начала она. — В рыданиях женщина изливала все, что наболело у нее, о чем хотелось кричать. А мы, женщины-большевички, сегодня, несмотря на то что потеряли самое огромное, я бы сказала, необъятное, несмотря на то что мы сегодня потеряли Ленина, — мы не прольем ни одной слезы. И мы сегодня, говоря о Ленине, не будем вздыхать. Мы будем говорить о Ленине гордые и сильные слова, какие только мы сможем сказать, несмотря на то что душа наша сегодня придавлена огромной, огромной тяжестью. Жен-

щине сегодня многое придется сказать. Ведь это же Ленин сказал, что социализма до тех пор не будет на земле, пока половина человечества — женщины не поднимутся из того рабского состояния, в котором они были до сих пор.

Слова о Ленине приходили сами собой. Вера взволнованно говорила о вожде, словно не замечая, что ее слушает огромная аудитория, переживающая то же, что и она.

Тот холодный мучительный январский день 1924 года запомнился ей на всю жизнь.

НА ПУТИ К ЦЕЛИ

Почти через месяц после этого тяжелого события Богущкий пригласил Веру к себе на квартиру. Встретил ее у порога, провел в кабинет. В небольшой скромно обставленной комнатке сидел еще довольно молодой человек.

— Вот она какая, наша Вера, — представил хозяин.

— Стэфан, — назвал себя незнакомец. — Присаживайся...

Это обращение на «ты» ничуть не удивило Веру: так было принято среди комсомольцев и членов партии.

— Ну, расскажи о себе, — предложил Стефан.

— Что рассказывать? — уточнила Вера.

— Сначала биографию. Потом о работе.

Биография была коротенькая, много времени не заняла. Да и говорить о себе — удовольствие невелико. А вот о работе она рассказывала с воодушевлением: кто пишет в газету «Малады араты», кто работает в аппарате, какие проблемы интересуют читателей. Стефан внимательно слушал Веру, не отрывая от нее взгляда. Богущкий сидел в сторонке и не перебивал их.

Под конец беседы Стефан спросил:

— Надеюсь, ты понимаешь, почему я расспрашиваю?

— Догадываюсь.

— Один я решения по таким серьезным вопросам не принимаю. Обсудим твою кандидатуру, где положено, потом сообщу результат.

— И за это спасибо,— весело сказала Вера.

Через несколько дней ее опять пригласили на квартиру Богуцкого. И снова там был Стефан. Встретил улыбкой:

— Можешь радоваться: решение в твою пользу...

Она не удержалась, протянула Стефану руку и крепко, по-мужски пожала:

— Спасибо, товарищ Стефан! Заверяю, что справлюсь с любым делом, которое поручите мне.

Перед отъездом познакомил ее с человеком, который вместе с ней направлялся на подпольную работу.

— А мы знакомы,— взглянув на своего будущего попутчика, неприветливо сказала Вера.

— Тем лучше,— заметил Стефан.

Вера только пожала плечами. Она знала этого морально нечистоплотного человека. С таким идти на опасное дело не хотелось: от морального до политического падения расстояние невелико.

— Ты хотела что-то сказать? — спросил Стефан у Веры, когда гости собрались уходить.— Останься на минутку.

Гурин вышел.

— С этим типом я не хотела бы иметь ничего общего. Такой может подвести в любой момент,— выпалила Вера.

— Ты уверена? — недовольно спросил Стефан.

— Абсолютно.

Он пожал плечами:

— Сейчас я уже ничего сделать не могу. Вопрос о Гурине решен. Кстати, его рекомендует всяма ответственный товарищ. Придется смириться...

Вера ушла домой с чувством досады.

Первым населенным пунктом «восточных кресов», в котором остановились Вера, Стефан, Гурин и еще одна незнакомая попутчица, было типично белорусское местечко Раков, примыкающее к красивому сосновому бору, с костелом и церковью, с маленьким искусственным озерцом.

Встретили их приветливо, несмотря на строгий пограничный режим.

Назавтра на крестьянской подводе Вера и Стефан поехали на железнодорожную станцию Олехновичи.

Там под видом молодой парочки взяли билеты и поездом отправились в Вильно.

Вера много слышала об этом городе. Готовясь к работе в подполье, она перечитала все, что могла найти о Вильно, старалась запечатлеть в своем воображении.

Именно такой представляла она себе гору Гедимины с остатками древнего замка на ее вершине. «Интересно,— думала она, вглядываясь в узкие улочки с почерневшими от времени домами,— где здесь печатали свои книги Франциск Скорина и Петр Мстиславец? Вот посмотреть бы первые славянские типографии...

В Вильно приезжал Ленин, чтобы встретиться со своими соратниками». В этом городе жили, работали, создавали свои произведения белорусские писатели Францишек Богусевич, Янка Купала, Якуб Колас, Змитрок Бедуля, Тетка (Алоиза Пашкевич). Здесь в годы первой русской революции выходили белорусские прогрессивные газеты «Наша нива» и «Наша доля». В Вильно Игнат Буйницкий организовал первую белорусскую театральную труппу.

Будучи на стыке этнографических границ белорусского, литовского и польского народов, город вобрал в себя особенности многих национальных культур. В казематах Вильно сидели революционеры, которые боролись, как они сами говорили и писали, «за нашу и вашу свободу». Но здесь же орудовали и буржуазные националисты всех мастей. Их-то никто тогда не преследовал.

Все это было хорошо известно Вере еще до того, как она вступила на булыжную мостовую древнего города.

Теперь, шагая по узеньким старинным улочкам, она узнавала их. Стефан потихоньку давал самые необходимые пояснения. Он бывал здесь уже не раз, выполняя задания Коммунистической рабочей партии Польши и Компартии Западной Белоруссии, и знал город не хуже квалифицированного гида.

Сначала Стефан устроил Веру в гостинице по улице Велька, потом звонил куда-то, кому-то, о чем-то условливался, со стороны непонятно было о чем. На прощание сказал:

— Сиди в помере и жди. Завтра к тебе придут, и ты получишь дальнейшие указания.

Дал пароль и ушел. Потом жизненные пути-дороги их не раз перекрещивались и по-хорошему и по-плохому, всякое было. В тот момент, оставшись одна в чужом городе, где на каждом шагу подстерегала опасность, Вера почувствовала себя неуютно: не привыкла быть одной, сидеть, ничего не делая, и ждать. Ее деятельная натура рвалась к работе, а законы конспирации неумолимо требовали: сиди и жди!

Она быстро подавила те чувства, которые мешали делу.

Назавтра в номер постучали.

— Войдите! — обрадованно произнесла Вера.

Вошел человек средних лет, поздоровался, назвал пароль.

— Давайте пройдем по городу, — предложил он. — Я должен познакомить вас с одним товарищем.

В условленном месте их ждал представитель ЦК Компартии Западной Белоруссии по кличке «Юльян». Связной познакомил их и раскланялся, они остались вдвоем.

Юльян, еще молодой человек, держался уверенно, солидно, говорил не спеша, взвешивая каждое слово, внимательно, изучающе смотрел на Веру. Странно, но даже под его пристальным взглядом она не чувствовала неловкости, скованности. С ним было легко. Ее непосредственность и веселый характер понравились Юльяну, а неосведомленность об условиях, в которых придется работать, огорчила его.

— Как это они направили вас, не познакомив, с чем столкнетесь здесь? — возмущался он.

— Видимо, считали, что на месте мне легче будет усвоить... — высказала предположение Вера.

Они вышли на глухую, малолюдную окраину. Юльян взял девушку под руку, наклонился к ней и стал тихонько рассказывать, какова обстановка в Польше, как следует соблюдать конспирацию, как проводить собрания молодежи, как держаться в случае слежки, в случае провала.

Это была лекция для одной слушательницы. Зато какой внимательной и благодарной, интересующейся буквально всем, что касается работы в подполье. Видя это, Юльян сказал:

— Холодная, ясная голова и горячее сердце — вот, что необходимо подпольщику. На все случаи жизни инструкции никто не даст. Самой надо соображать. Но есть неперенные правила, которые обязан соблюдать каждый подпольщик. О них я и рассказывал.

НАЧАЛО

Через пару дней Веру разыскал секретарь ЦК комсомола Западной Белоруссии Роланд.

— Теперь имеешь понятие об условиях работы? — спросил он. — Приступай к делу. Ты кооптирована в состав ЦК комсомола Западной Белоруссии и в Секретариат ЦК. Поедешь в Белосток, проведешь комсомольские собрания, расскажешь о жизни трудящихся Советской Белоруссии. Думаю, для начала такая тема доклада будет самой подходящей.

Поезда приходили в Белосток дважды в день. И дважды в день в условленные часы на явочную квартиру, недалеко от Рыбного рынка, наведывалась связная Валя. Обычно, если не было посторонних, разговаривала с хозяйкой пару минут, а то и после двух-трех слов возвращалась домой.

На этот раз хозяйка радостным шепотом сообщила:

— Там вас ждут...

Как только Валя открыла дверь соседней комнаты, светловолосая девушка стремительно направилась ей навстречу. На ходу сообщила пароль. Валя ответила:

— Ох, как я вас заждалась. Часы, как годы, тянулись.

С первого взгляда девушки понравились друг другу.

— К сожалению, — виновато сказала Валя, — я смогу познакомить вас с нужными людьми только через час.

— Меня зовут Вера, а вас?

И когда познакомились, попросила Валю ввести ее хоть немного в курс местных дел.

Сдержанная молодая подпольщица рассказала, как девчата-работницы собираются вечерами под видом вечеринок или посиделок и читают подпольную литературу, как помогают малосознательным рабочим разобрать-

ся во всем, как в революционные праздники ребята изготавливают и вывешивают на видных местах красные флаги. Вера слушала внимательно, расспрашивала, уточняла и все старалась запомнить.

— Где и когда я могла бы встретиться с вашими комсомольцами? — спросила она.

— Организуем встречу, — пообещала Валя.

Беседа состоялась на одной из явочных квартир комсомольской организации. Веру привели туда, когда все уже были в сборе.

Само собой получилось так, что разговор повела Вера. Она сначала расспросила, кто как живет, у кого какая семья, сколько зарабатывают, какая у кого квартира. Потом незаметно перешла к политическим вопросам. Не столько сама говорила, сколько наталкивала собеседниц на размышления. Если кто-то затруднялся ответить, подсказывала деликатно, чтобы не обидеть.

— Хотите знать, как живет молодежь в Советской Белоруссии? — спросила она.

— Конечно! — в один голос воскликнули ее собеседницы.

Вера начала с того, что ей было ближе, с комсомольской коммуны и Дома юношества. Рассказала, как живут ребята, работают, учатся, участвуют в самодеятельности. И о трудностях говорила, и об успехах — все как есть, подробно, до мелочей. Вспоминала самые веселые и интересные случаи из жизни коммунаров.

— Матка боска! — вздохнула одна девушка. — Хотя бы одним глазком взглянуть на такую жизнь.

— Нам бы так, — поддержала ее вторая.

— Вот за это мы и должны бороться, — подхватила их мысли Вера. — Только активной борьбой мы сможем добиться такой жизни и для вас. Для того чтобы победить своих врагов, нам надо быть смелыми, преданными учению Ленина, хорошо организованными. Наша сила — в боевой сплоченной организации.

— Ну, девушки, заговорились мы о серьезных вещах, — вдруг прервала она беседу. — Давайте теперь споем что-нибудь. Какие песни вы знаете?

Они назвали несколько белорусских и польских народных песен.

— А «Молодую гвардию» не слышали?

— Нет.

— Вот послушайте...

Не очень сильным, но приятным голосом Вера спела им «Молодую гвардию». Песня понравилась.

— Научите и нас, мы будем петь ее на наших вечеринках.

Сидели допоздна. Расходились по одному. Перед уходом условились провести комсомольское собрание, решить, что делать в ближайшие три месяца. Назревала забастовка текстильщиков, требовавших повышения зарплаты. Надо было совместно обсудить, как лучше принять участие в ней.

Следующий день ушел у Веры на составление листовки — обращения к текстильщикам. В ней она приводила факты, о которых рассказали ей девушки, объясняла, что только организованными выступлениями трудящиеся могут добиться улучшения своей жизни. Через связанных текст листовки переслала в «Центральную технику» (аппарат, который ведал подпольными изданиями КПЗБ), оттуда его отправили в подпольную типографию, которую здесь же, в Белостоке, создали коммунисты. Назавтра листовку читали белостокские текстильщики.

Однажды вечером Вера зашла на явочную квартиру и застала там много знакомых девчат. Они сидели хмурые, некоторые украдкой вытирали глаза.

— Что случилось? — спросила Вера у хозяйки.

— Да комсомолец один попал в полицию. Правда, при нем ничего не нашли, коробку с клеем и помазок он успел выбросить. Но в дефензиву все равно отвели. Сидит. Жалко, вот мы и приуныли.

Больше всех расстраивалась текстильщица Сидранская, молодая девушка. Она не могла скрыть слез. Вера обратилась к ней:

— А если бы тебя арестовали во время расклейки листовок? Сидела бы в дефензиве и плакала? Думаю, что нет. А ты нюни распустила... То же может случиться с каждым из нас. К этому мы должны быть готовы в любую минуту. На то мы и комсомольцы, чтобы не гнуться под ударами врага...

Девушки подтянулись, перестали шмыгать носами. Из Белостока Вера вернулась в Вильно. Там ее ждали. В Москве созывался V конгресс Коминтерна и

IV конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи. Роланд избран делегатом, ему необходимо срочно выехать. Ведь путь предстоял неблизкий, круговой — через другие государства. На период, пока не вернется Роланд, Веру оставили секретарем ЦК КСМЗБ.

Началась напряженная организационная работа. То из одного, то из другого округа в ЦК поступали тревожные вести: арестован секретарь окружкома комсомола, дефензива схватила секретаря окружкома партии, выявлен провокатор, надо срочно менять явки... ЦК КПЗБ давал Вере одно поручение за другим: выезжай на место, восстанавливай порванные подпольные связи, готовь новые явки, вовлекай в партию и комсомол новых людей. А это непросто, когда не знаешь, какую явку дефензива раскрыла, какую держит под наблюдением; когда неизвестно, кто предал товарищей. Можешь беседовать с человеком, советоваться с ним, а он и есть главный виновник провалов. Вот здесь нужно полагаться не только на твердые знания фактов, но и на интуицию, на острый глаз, на чуткое ухо.

Вера ездила почти непрерывно. Хозяйке квартиры, которая знала ее как безработную учительницу Веронику Корчевскую, объясняла, что отлучается в поисках работы.

А когда возвращалась домой, садилась писать. Наблюдения, сведения, полученные во время поездок, встреч, превращались в строки воззваний, в пламенные статьи для подпольной газеты.

Хозяйка души не чаяла в новой постоялице, которая хотя и не могла найти работу — это в Польше не так просто, — но, возвращаясь домой, сразу же бросалась помогать пани господине по хозяйству, рассказывала разные забавные истории. Хозяйка замечала, что пани Вероника живет очень скромно: ест мало, покупает самые дешевые продукты, одевается чистенько, опрятно. Словом, бережет каждый злотый. В ее положении это понятно. Тем более приятно, что девушка не ноет, не жалуется на тяжкую судьбу. «Хорош у нее характер, повезет кому-то из парней, — думала хозяйка. — Жаль только, что пани Вероника, видно, не увлекается ими. По крайней мере разговоры на эту тему не заводит. Да и в гости к ней редко заходят. А если и заходят, то больше люди средних лет, степенные интеллигенты.

Вероятно, они тоже ищут ей работу, да не могут найти».

Вот и опять у нее побывал пожилой человек. Когда он ушел, Вероника сказала хозяйке:

— Уезжаю, пани. Теперь, возможно, совсем. Пац, который заходил сейчас, подыскал мне место в Варшаве.

Выехала Вера Хоружая не в Варшаву, а в Гродно.

ВОЖАК МОЛОДЕЖИ

По адресам и паролям, данным ей в ЦК КПЗБ, Вера разыскала в Гродно нужных людей. Вскоре было назначено заседание городского комитета комсомола.

Незнакомыми улочками шла она на явочную квартиру, где должно было состояться заседание комитета. Улицы немощные, местами поросли густой зеленой травой. Острый глаз схватывал каждую мелочь. Домашки на окраине деревянные, преимущественно старые. На некоторых крышах темнел коричневый моховой ковер. Узорчатые ставни покрашены зеленой или синей краской. Под окнами палисадники. Тихие, неприметные, но по-своему уютные улицы, так похожие на Провиантскую улицу Минска. От этого сладко защемило сердце.

Вот и нужный ей дом. Вошла, назвала пароль. Хотя здесь были только свои, в основном комсомольцы, с которыми Вера предварительно познакомилась, разговаривали полупшепотом. Когда все собрались, а приходили по одному, секретарь горкома комсомола Зина вполголоса объявила:

— Доклад о текущем моменте сделает представитель ЦК комсомола Западной Белоруссии товарищ Вера.

— Мы, комсомольцы, — сказала докладчица, — при всякой возможности должны разъяснять молодежи и всем трудящимся, что избавление от капиталистов само к нам не придет, что за него надо бороться не жалей жизни.

В ее голосе, в тоне чувствовалась огромная уверенность и убежденность в правоте дела коммунистической

партии. Вера рассказала о том, как в СССР строится первое в мире социалистическое общество, как рабочие и крестьяне, взяв власть в свои руки, преобразуют лицо прежде отсталой страны. Несмотря на трудности строительства новой жизни, в Советской Белоруссии кипит работа, царит небывалый энтузиазм. Там люди уверены в завтрашнем дне.

Беседовали долго. Вера интересовалась условиями работы молодежи, постановкой агитации на предприятиях, в мастерских, в школах. Тут же, по ходу беседы, давала советы, кое-что и критиковала.

Расходились по одному, как и собирались. Секретарь комитета Зина повела Веру на ночевку. Шли под руку, будто старые знакомые. Проходя по людным улицам, говорили о пустяках: о модах, о новых романах.

— Я — Вероника Корчевская, безработная учительница. Так и рекомендуй меня хозяевам.

Вечером, когда пришла с работы дочь хозяйки, разговор с ними затянулся до полуночи. Каких только вопросов не касались они! Наконец хозяйка доверила новой знакомой тайну: в Советском Союзе живет ее вторая дочь, и она очень гордится этим. Тогда Вера стала рассказывать о жизни советских людей, о радости творческого труда, о трудностях, которые успешно преодолеваются белорусами, живущими по ту сторону кордона.

— Пани Вероника, откуда вы так хорошо знаете все это? — не удержалась хозяйка.

— Кто хочет знать, тот узнает.

Проснулась она на рассвете и хотела тихонько уйти, но хозяйка услышала и остановила ее:

— А завтракать? От нас добрые люди так не уходят.

Наскоро поев, Вера расспросила, как пройти в ближайшие деревни, и распрощалась с гостеприимной хозяйкой и ее дочерью.

— Когда бы вам ни пришлось быть в Гродно, в любое время заходите к нам, будете дорогой гостьей, — сказала хозяйка на прощание.

Вера обняла и крепко поцеловала женщину, голос которой так напоминал голос ее матери.

И вот она уже шагает по шляху, обсаженному старыми раскидистыми ветлами. От постоянных ветров они наклонились в одну сторону, сережки свисают до самой

земли. Дорога малолюдная, воздух свежий, дышится легко, свободно.

В деревне, куда Вера направлялась, комсомольская организация держалась пассивно. Секретарь не имел опыта, а партийной организации в селе еще не было, и помочь комсомольцам некому.

Познакомившись с делами, Вера решила, что лучше всего собраться вечером на опушке леса. Была суббота, и прогулка молодежи в ближайший лес не вызвала ни у кого подозрения.

Парни и девушки подходили осторожно, с оглядкой, чинно садились в кружок и молча ждали, что будет дальше. Вера наблюдала за ними. Когда собралось уже больше десяти комсомольцев, она вдруг заметила:

— До чего же вы постарели за последние полчаса! Кажется, не только у парней, но и у девчат седые бороды отросли. А ну, становитесь в круг, начнем играть в горелки!

Куда девалась скованность! На полянке началось настоящее веселье. Наконец все в сборе. Вера стала расспрашивать о настроении и жизни молодежи, о порядках в деревне, о произволе местной администрации, о налогах, реакции крестьянина на действия властей.

Беседа увлекла всех. Вдруг один паренек спохватился:

— Заговорились мы совсем... Когда же доклад будет?

— Доклада не будет, — сказала Вера. — Считайте докладом нашу беседу.

Август — чародей года. Катится он по крестьянским полям желтым пламенем созревших хлебов, разливаётся лиловой краской по вереску, яблоны гнуты под тяжестью плодов.

Смолк птичий перезвон. Лишь с наступлением сумерек голосисто поют в поле перепела: «Шить-полоть, шить-полоть...» Звериное и птичье царство жирует, набирается сил: одним скоро отправляться в дальние заморские края, другим ждать белорусскую зиму.

Сытный месяц август. Сочными красками залил он все вокруг. Места чудесные. Если бы Вера была художницей, она непременно писала бы пейзажи только на Брестчине, там, где начинается Беловежская пуца. Дорога из Пружан на Ружаны сама просится на полотно.

Невдалеке от этой дороги, в деревне Смолянице, в августе 1924 года собрался антивоенный митинг. Сотни крестьян Пружанского уезда на подводах съехались сюда на базар. В 12 часов на одну из телег поднялась группа местных партийных активистов, и среди них Вера Хоружая.

— Товарищи! — громко воскликнула она.

Люди с интересом и любопытством смотрели на худенькую, стройную девушку, призывно вытянувшую вперед руку.

— Десять лет назад империалисты развязали мировую войну. Буржуазия ради наживы совершила самое тяжкое преступление — бросила в мясорубку миллионы человеческих жизней. Вы помните, что творилось здесь, на вашей земле! Некоторые из вас видели, как лилась человеческая кровь, вы слышали стоны искалеченных, изуродованных людей, вас выгоняли из жилищ, жгли их. А что вы получили за это? Вам, крестьянам, прибавилось земли? А может, поубавилось налогов? Или, возможно, рабочим на фабриках и заводах стали платить больше за работу, предоставили лучшие жилища? Нет, нет и еще раз нет! Вы маялись в нищете и продолжаете маяться.

Польская буржуазия вместе со своими хозяевами — английскими, французскими и американскими империалистами — мечтают о новой войне, на этот раз против Советского Союза. Так давайте же, товарищи, на этом митинге выразим свое отношение к империализму и его войнам, выразим свое заветное стремление свергнуть гнет польских панов, сделать нашу Западную Белоруссию свободной, воссоединиться с нашими родными братьями, живущими в Советской Белоруссии!

Небольшая речь Веры, произнесенная с азартом, взволновала слушателей. Крестьяне поднимались на трибуну один за другим и говорили. Говорили не всегда складно, но крепко и выразительно.

— Надо раз и навсегда покончить с буржуазией. Пока она хозяйничает, будет проливаться человеческая кровь.

— Неужели у народа сил не хватит, чтобы турнуть ее? Смотрите, как сделали русские рабочие. Учиться у них надо.

Митинг прошел бурно. Единодушно приняли реше-

ние: беспощадно бороться против польской буржуазии и панов, за воссоединение Западной Белоруссии с Советской Белоруссией.

Из Смояницы Вера отправилась в деревню Чахец Шеневской гмины (волости), на юго-запад от Пружан. В полдень в деревне Чахец базар был в разгаре. Толпа гудела, словно огромный улей. Вдруг, перекрывая гомон огромного сборища людей, раздалось:

— Товарищи! Внимание! Внимание! Внимание! Прошу сюда поближе! Антивоенный митинг трудящихся Шеневской гмины объявляется открытым! — возвестил высокий широкоплечий мужчина с могучей грудью и отступил на шаг. Его место заняла «молодая худощавая блондинка среднего роста», как охарактеризовал ее потом шпик дефензивы в своем доносе.

— Товарищи! — бросила она в толпу родное и близкое простому человеку слово. — Плохо живется рабочим и крестьянам Польши. Фабрики закрываются. Рабочих выбрасывают из квартир. С крестьян берут налоги, чтобы содержать полицию, которая сидит на нашей шее. А все потому, что у нас панское правительство. Дальше терпеть мы не можем. Мы, коммунисты, призываем вас к борьбе против реакционного буржуазного правительства. Одной из форм борьбы является отказ от уплаты налогов. Будьте смелыми и решительными! Не бойтесь никого и ничего. Враг не так страшен, если поднимется весь народ.

Затаив дыхание, слушали крестьяне Веру. Людская стена вокруг телеги, ставшей трибуной, была настолько плотной, что шпик дефензивы никак не мог пробиться поближе. Издали он старался запомнить ее облик и речь.

А она продолжала:

— У меня, как у каждого из вас, есть мать и отец, которые любят меня и дрожат при мысли о том, какой опасности я подвергаюсь. Борьба требует бесстрашия и преданности. Трудящиеся должны организовываться, и тогда враги не устоят. Да здравствует коммунистическая партия — передовой отряд рабочих и крестьян! Долой полицию! Долой буржуазную армию! Долой буржуазное правительство панской Польши!

Ее поддержали.

После митинга Вера исчезла, будто растаяла в тол-

пе. Шпик так и не смог проследить, куда направилась она.

Вскоре на базаре в городе Бельске Вера вместе с бельскими коммунистами и революционно настроенными беспартийными рабочими провела еще один митинг.

Комсомольцы Бельска организовали его охрану. Они подняли на это дело несколько десятков дюжих крестьянских парней, которые охотно поддержали комсомольцев:

— Сунутся полицаи — всыпем.

Как только начался митинг, появилась полиция.

Молодежь кольцом сжала толпу, слушавшую оратора. Юноши приготовились к защите. Вера продолжала говорить. Она призывала трудящихся Бельска к сплочению.

Словно шакалы, вцепились полицейские в рабочих и крестьянских парней. Началась свалка.

Комсомольцы Савчук, Корнилюк, Карпук возглавили боевую дружину молодежи, которая вначале потеснила полицейских. Но силы были неравные. Десятки участников митинга были схвачены и отправлены в тюрьму.

И на этот раз Вера ушла с митинга цела и невредима.

Открытые выступления перед трудящимися были только частью ее работы. Главная же обязанность состояла в том, чтобы укреплять подпольные комсомольские организации. С этой целью Хоружая объездила всю Западную Белоруссию. Была в Пинске и Новогрудке, Барановичах и Вилейке, Белостоке и Гродно, в десятках местечек и деревень.

Только приехала в Белосток — новая беда: в Пинскую городскую комсомольскую организацию пробрался провокатор — некий Грек и предаёт одного комсомольского активиста за другим. Не отдохнув ни дня, Вера отправилась туда, поддержать пинских комсомольцев. Оставшиеся на свободе не должны растеряться в такой трудный момент.

Она любила тихий полесский городок Пинск, любила живописную, неторопливую реку Пину, плакучие вербы на ее песчаном берегу. А еще больше любила некогда не увывающих пинских парней и девочек. Кто из

них еще на свободе, а кто уже корчится в муках под пытками палачей из дефензивы?

Ехала туда, рискуя в любой момент нарваться на засаду: ведь не была уверена, что явки, которыми пользовалась прошлый раз, не провалены. Правда, с Греком она прежде не встречалась, он не знал ее связей.

Хозяйка явки встретила Веру как обычно:

— Ты прямо с вокзала? Не слышала, что говорят в городе?

— Не успела. Да и некогда было прислушиваться. У вас ведь беда?

— Да, неприятности. Этот подлец Грек многих завалил. Но не всех. Одних он не знал, другие успели скрыться.

— Кто из комитета не арестован? — спросила Вера.

— Додюк на свободе.

— Вызови его, пожалуйста.

Фамилия Додюка была знакома Вере еще по Мозырю. Знала она там парня с такой фамилией — учился в реальном. А может, совпадение?

Когда он вошел вслед за хозяйкой, Вера сразу узнала его.

— Здравствуй, земляк! — обрадованно протянула ему руку. — Вот где свиделись!

Он смотрел на нее и тоже сиял от радости — приятно встретиться с однокашницей.

Вера не стала предаваться воспоминаниям, расспрашивать Додюка, как он тут оказался. Путь молодых революционеров в той или иной степени схож. Еще в то время, в Мозыре, она знала, что Додюк из беженцев, а родом откуда-то из-под Пинска. Ничего удивительного, что он сейчас здесь.

— Ну, рассказывай, что у вас стряслось.

Села напротив, чуть склонила набок голову и приготовилась слушать. А он рассказывал, с чего начался провал, как ребята успели оповестить друг друга о беде, кто как вел себя в минуту опасности.

— Сможем собрать оставшихся на воле комсомольцев?

— Если нужно, соберем.

— Подбери подходящее место, чтобы в случае чего была возможность уйти. Назначь на пять часов вечера. Заходить по одному.

Домик, где проходило собрание, находился в глубине двора, из которого можно было выйти на две разные улицы. На опасных точках подпольщики поставили своих наблюдателей.

Вера, сидя у стола, уверенно говорила:

— Нашим ответом на провокацию и аресты должно быть усиление борьбы, сплочение наших рядов, рост числа комсомольцев. Вся молодежь Пинска должна учиться у нас мужеству, стойкости, боевитости, — и ни тени уныния в наших сердцах. Я предлагаю выпустить листовку, в которой разоблачить коварные методы дефензивы, засылающей в наши ряды провокаторов, и бросить в лицо оккупантам, что мы не боимся их! Листовку я напишу, а городской комитет партии поможет отпечатать. Ваша задача распространить ее в самых людных местах одновременно. Сможете?

— Сможем! — в один голос ответили присутствующие.

— Додюк получит листовки у меня, раздаст вам. Условитесь с каждым в отдельности, где и когда получите.

Через день Пинск только и говорил, что о комсомольских листовках. Людская молва уверяла, что их были тысячи, что власти беснуются от злобы, но не могут найти тех, кто писал, печатал, распространял.

Обстановка в Западной Белоруссии в то время была очень сложной. В странах Западной Европы революционное движение шло на спад, уменьшалось оно и в Польше. А здесь, на «восточных креслах», еще гремели выстрелы, партизанские отряды нападали на посторунки (полицейские участки), фольварки. Отлив революционной волны в Польше развязывал руки военным властям для расправы с партизанами. Все очевидное становилось, что вооруженными выступлениями, тем более разрозненными, главная цель — воссоединение Белоруссии в едином Советском государстве — не может быть достигнута. Надо было менять стратегию, тактику и средства борьбы.

Вот тогда особенно пригодились литературные способности Веры Хоружей. Она писала статьи в подпольные газеты «Чырвоны сцяг» и «Большевик», воззвания к населению Западной Белоруссии, в которых разъясняла политику КПЗБ, призывала трудящихся спло-

тяться вокруг коммунистов, разоблачала лжеревольюционеров.

Однажды августовским вечером, вернувшись после очередной поездки в Слоним, Вера села писать письмо в Советскую Белоруссию.

С душевным трепетом начинала первые фразы письма. Знала, что это уже не ее личная переписка, что за каждым ее словом — жизнь комсомола Западной Белоруссии. Еще никогда она не чувствовала такой большой ответственности за написанное.

«...Что же тебе написать обо мне? — не спеша выводила она слово за словом. — Живу по-прежнему, широко и жадно хватая жизнь. По-прежнему вокруг меня разлита огромная яркая радость».

Да, самое подходящее слово «радость». Как же иначе назовешь то чувство, какое испытывает она, видя, как ее братья и сестры находят свое место в рядах борцов за свободу и счастье трудящихся, как решительно бросаются они в бурный водоворот политических событий и, несмотря на самые тяжкие испытания, крепко держатся друг за друга. Разве это не счастье?

Вера никогда не кривила душой, не мирилась с полуправдой. Она писала своим друзьям только правду, рассказывая им о жизни комсомольцев-подпольщиков Западной Белоруссии.

А жизнь эта очень сурова. То из одного, то из другого воеводства приходят вести об арестах комсомольцев. Многих она знала лично. В застенки дефензивы попадают целые организации. За арестом следуют пытки, а потом тюрьма. Парням и девушкам, только что вступающим в жизнь, приходится долгие годы проводить за тюремной решеткой. Она видит их молодых, здоровых, жадных к жизни и борьбе. Нет, не только радость заливает сердце Веры Хоружей, но и глубокое человеческое горе. Об этом следует рассказать друзьям из Советской Белоруссии, чтобы они поняли, в каких условиях приходится жить и бороться их западным братьям. Открыто обо всем не напишешь, да не беда, можно и намеками.

Рука сама выводила:

«Но кроме радости, есть теперь и очень, очень много горя. Обстоятельства, условия жизни так жестоки, так суровы, так не хотят считаться с планами, намерениями

и желаниями отдельных людей. Жить стало страшно трудно. «Эмиграция» (так для конспирации Вера Хоружая называла аресты и казни подпольщиков.— *Авт.*), всегда сильная, теперь приняла необычайные размеры. «Уезжают» близкие и дальние, родные и знакомые. «Уезжают» целыми группами и в одиночку. Больше всего бывает при «отъезде» целых групп»¹.

Что-то очень уж грустные мысли ее одолевают. Еще, чего доброго, товарищи подумают, что она начала ныть. Нет, Веру и ее друзей не сломят никакие невзгоды. Лично она готова вынести любые испытания. А что товарищей любимых жалко, то это же вполне естественно.

«Я пока «уезжать» не собираюсь, — уверенно писала она далее. — Со всей моей энергией, с жаждой жизни я хочу побороть скверные обстоятельства, хочу жить именно там, где я хочу, делать то, что я хочу...»²

Уложив письмо в конверт, долго не могла еще заснуть от волновавших ее мыслей. И даже в постели, далеко за полночь, все думала и думала о недавно арестованных друзьях, о трудностях подпольной работы, о том, как лучше обойти дефензиву, привлечь к подпольной работе новых парней и девушек на смену арестованным.

Вскоре Вере предстояло присутствовать на партийном собрании, которое будет принимать комсомольцев в партию.

Местом для собрания выбрали лес, километрах в пяти от города. Грибной сезон был в разгаре. В воскресенье многие горожане с корзинками отправлялись в ближайшие рощи за боровиками, подберезовиками, подосиновиками.

Надев простенькое платье и повязав по-деревенски синенький платочек, Вера взяла лукошко и отправилась в назначенное место.

Выбрали его удачно — небольшая полянка в густых зарослях молодого ельника. Прорваться к ней между плотно прижавшимися друг к другу елками можно было только по еле заметным тропинкам. Заросли эти расположены в стороне от дороги и от грибных мест. Без надобности человеку незачем брести сюда.

---

¹ Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 59—61.

² Там же, стр. 61.

Как только Вера свернула с дороги, сразу же наткнулась на охрану. Молодой парень сидел у тропинки и перебирал грибы. Вера назвала пароль. Он ответил и улыбнулся всем своим курносым веснушчатым лицом: дескать, тебя я знаю и без пароля, не впервой встречаю.

Она чувствовала, что сегодня необычный день, особый праздник. Среди именинников будут парни и девушки, которых она лично вовлекала в комсомол и которым сейчас дает рекомендацию в партию.

День был, как по заказу, ясный, солнечный. Подступающая осень уже насыпала под березками и осинами медяки листьев. Они шуршали, приятно хрустели под ногами. Осень, так красиво воспетая многими поэтами, надевала свой праздничный наряд.

На полянке уже было много людей. Они разбились на небольшие группы и тихо о чем-то говорили. Как только все собрались, приступили к обсуждению достоинств и недостатков каждого, кто подал заявление о приеме в партию. Вступавшие клялись, что жизнь отдадут делу Коммунистической партии, борьбе с буржуазией, помещиками и осадниками (кулаками).

Вера была взволнована не меньше тех, кого принимали в партию. В конце собрания она взяла слово:

— Я уверена, что сегодняшний день на всю жизнь останется в памяти каждого из присутствующих здесь. Мы радуемся тому, что наша родная партия растет и крепнет, набирается новых сил. Да еще каких сил! Молодых, здоровых, энергичных. Ни одна партия не может похвалиться такими боевыми и сплоченными рядами, как партия коммунистов.

Она с гордостью посмотрела на своих молодых друзей и продолжила:

— Я желаю вам быть всегда сильными, стойкими, мужественными бойцами партии. Никогда не забывайте того, что дал вам комсомол. В его рядах вы приобщились к политической жизни. Он открыл вам глаза на действительность, подготовил вас в партию. Так будьте же всегда молодыми, не теряйте азарта в борьбе, который привил вам комсомол.

К тому времени Хоружая уже была не только секретарем ЦК комсомола Западной Белоруссии, но и членом ЦК Компартии Западной Белоруссии, членом ЦК комсомола Польши. За ее плечами — большой опыт под-

польной работы. Всю Западную Белоруссию исколесила она, сколачивая боевые ряды комсомола. По поручению ЦК Компартии Западной Белоруссии проводила районные и окружные партийные конференции и пленумы комитетов, бывала в низовых партийных организациях. Однажды она выехала в одну из гмин недалеко от Бреста. Справившись с делами, спросила у коммунистов:

— А как у вас комсомол действует?

— Слабо, — ответили ей. — Молодежи у нас немало, все хорошие ребята, а вот организовать их некому. Сонные какие-то, старичками заделались. Нужно всколыхнуть их, показать им, что и они способны на большие дела. Ведь подвиг, романтика рождаются в преодолении трудностей.

Вера предложила созвать молодежное собрание под видом деревенской вечеринки. Пригласили надежных парней и девушек.

Пока собирались, цимбалист и скрипач старались всю. Хата, казалось, плыла в вихре танца. Вера сидела в уголке, окруженная девчатами, и расспрашивала, чем они занимаются в свободное время, много ли читают, какие книги их интересуют. К ним подошел разгоряченный танцами секретарь комсомольской организации и сказал:

— Все в сборе, можно начинать.

— Тогда открывай собрание, — предложила Вера.

— Друзья! — громко сказал секретарь. — Будем считать наше собрание открытым. Сейчас товарищ из Белостока сделает нам доклад о текущем моменте.

Вера вышла в светлый угол, под лампу, пристально осмотрела присутствующих и спросила:

— Знаете ли вы, товарищи, кто входит в Коммунистический союз молодежи?

Выждав минуту, продолжала:

— Тот, кто готов в борьбе за дело рабочих и крестьян отдать свою жизнь, кто ничего не боится, кто не предаст ни своих идей, ни своих друзей при любой пытке. А попасть в застенки дефензивы и подвергнуться пытке нетрудно: сделал неосторожный шаг — и прощай воля! Но настоящий комсомолец не покупает милости врага ценой предательства. Так вот, друзья, давайте открыто смотреть правде в глаза. Здесь пусть останутся

те, кто верит в свои силы. Так будет лучше и для нас, и для нашего дела.

В хате наступила такая тишина, что слышно было взволнованное дыхание присутствующих. В молчании прошла целая минута. Вера продолжала пристально вглядываться в лица девушек и парней, сосредоточенные, напряженные.

Впрочем, не у всех. В углу сидел сильный, широкоплечий, чубатый парень. Он несмело глянул на Веру и тут же опустил глаза. Видно было, что колеблется, борется с собой и, наморщив лоб, напряженно думает.

Заметив его нерешительность, Вера остановила на нем свой взгляд, и все повернулись в его сторону. Одно-два робких движения — и парень, тяжело поднявшись, направился к двери под осуждающими взглядами присутствующих.

— Что ж, не будем слишком строги к нему, — сказала Вера, когда дверь за ушедшим глухо захлопнулась. — Хуже было бы, если бы он струсил не здесь, а в дефензиве. Может, еще кто сомневается в себе?

Но слабовольных больше не нашлось. Тогда Вера начала доклад о задачах комсомольцев.

Через год после этого случая ей уже в тюрьму передали рассказ секретаря окружка комсомола, который побывал в той деревне. К нему обратился чубатый парень и спросил:

— Вы Веру увидите?

— Возможно, и увижу. Зачем она вам?

— Тогда скажите ей, что вы были в нашей деревне и парень, который ушел тогда с вечеринки, уже достоин, чтобы его приняли в комсомол. Без ее согласия ячейка не решается принять меня.

Секретарь ячейки подтвердил, что парень в самом деле оказался хорошим товарищем:

— В тот вечер, когда Вера делала доклад, он не был уверен, что выдержит трудности борьбы и решил проверить себя. Выполняя одно наше поручение, попал в дефензиву, держался стойко, вынес истязания и ни слова не проронил. Теперь он достоин звания комсомольца. Только вот организация не знает, как Вера посмотрит на это дело. Может, она считает, что нужно продлить для него испытательный срок?

— Зачем же нам отказываться от такого человека? —

сказал секретарь окружкома. — Ведь Вера сказала: «Не принимать малодушных». А ты сам подтверждаешь, что он герой! Иного мнения у нее не будет, можете не сомневаться. И вообще вопрос о приеме в комсомол решаете вы сами. Самостоятельно. Вам виднее, кто достоин, а кто нет.

— Так-то оно так, но Вера лучше нас разбирается, — не соглашался секретарь ячейки.

Такая оценка ее работы рядовыми комсомольцами была для Веры дороже самой высокой награды. Значит, она нашла прямую дорогу к сердцам людей.

В потоке будничных дел время проходило быстро. Налаживались подпольные связи, создавались новые комсомольские организации, готовились тексты для листовок — все это захлестывало с головой.

«Живется у нас бурно, как никогда, — писала Вера друзьям. — Дни у нас — это целые месяцы, а месяцы — годы, конечно, не по объему времени, а по объему происходящих событий, по объему их содержания. Представь себе, что уже лето 1925 года. Ты понимаешь, что это значит. И этим самым летом я еще имею возможность писать тебе письмо. Не верю своим ушам и глазам. Как хорошо! Как чудесно и неожиданно, необыкновенно!»¹

И в самом деле сколько раз ускользала она прямо из-под носа шпиков.

Однажды на вечер было назначено комсомольское собрание. Там впервые должны были присутствовать новички, с которыми Вера хотела ближе познакомиться. Кроме того, предстояло разъяснить комсомольцам одно из важных решений ЦК Компартии Западной Белоруссии о новой тактике борьбы.

В сумерках Вера вышла из дому и направилась на окраину города. Когда умышленно кружила по улицам, почувствовала, что ее кто-то преследует. Осторожно оглянулась. Так и есть — «хвост».

Что делать? Под угрозой не только она сама, но и вся организация. Хорошо, что вовремя обнаружила. Блуждая по улицам, Вера думала, как бы провести шпика: «Ну погоди же, мерзавец, я тебя проучу...» Темнота густела, моросил частый дождь. Шпик преследовал по пятам, боясь упустить свою жертву. Улучив момент,

---

¹ Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 62.

Вера метнулась во двор небольшого дома, огородами перебежала на другую улицу и — к речке. Шпик старался не отстать.

Подбежав к знакомому броду, Вера шагнула в речку. Пройдя немного, оглянулась. Шпик стоял на берегу, нерешительно переступая с ноги на ногу. Она показала ему «нос» и зашагала на другой берег.

Вышла из воды, отбежала в сторону и прислушалась. Нет, шпик не решился вместе с ней принять ванну. За деньги даже шпики не рискуют здоровьем.

Вся мокрая явилась она на собрание. Девушки быстро нашли сухую одежду. Приняв дополнительные меры предосторожности, собрание все же провели.

А иногда Вере просто везло.

Весной 1925 года в Гродно был созван пленум ЦК комсомола Западной Белоруссии. Горком комсомола получил задание подобрать квартиры, которые прежде не использовались для подпольной работы.

Заседания проходили не в одном месте, а поочередно на разных квартирах, в строгой тайне. Все обошлось благополучно, и члены ЦК сразу же после пленума разъехались.

Вера, отобрав необходимые материалы, на своей квартире писала воззвание. С нею работал еще один член ЦК. Вдруг дверь быстро открылась и в комнату влетела встревоженная секретарь горкома комсомола Зина.

У Веры заглодело в груди.

— Большая неприятность, — выпалила Зина с ходу. — Полиция что-то пронюхала...

— Что пронюхала? — спокойно спросила Вера.

— Вчера вечером был налет на квартиру, в которой мы утром заседали...

— Ну и что?

— Ничего не нашли... Но...

Вера задумалась.

— Ты говоришь, были? Вчера? Ну и шут с ними! Чудесно!

— Что чудесно?

— Они были вчера вечером, а мы сегодня еще заседали.

Уже не раз Вера попадала в сложные переплеты, но никогда не теряла голову. Может, потому, что давно

приготовилась к самому худшему и ее ничто не страшило. Если товарищи заговаривали на эту тему, просили быть осторожнее, резко отмахивалась:

— А, ерунда, цела буду!

Странно, как в последнее время начали раздваиваться ее ощущения. Порой она чувствовала себя совсем девчонкой и вместе с тем ощущала, что прожитое и пережитое уже легло на плечи заметным грузом. Как-то в Вильно она зашла к своей приятельнице-подпольщице. Та молча подала ей обвинительное заключение по делу большой группы комсомольцев. Вера взяла толстую папку и села у окна. Облокотившись на стол и утопив пальцы в волнах кудрей, сосредоточенно читала. Перед ней предстали ее боевые друзья — отчаянные парни и девушки. Так мало прожить и уже испытать побои и голод, сырость казематов и чувство утерянной свободы.

Год такой жизни равен десятку обыкновенных лет. Вот и сейчас, получив письма родных, Вера смотрела на них так, будто целых два десятилетия назад оставила Минск. словно из необозримых глубин времени выплыли и стали физически ощутимыми узкие, горбатые, но такие милые улицы Минска, зеленая окраина города и надо всем — голубое, ярко-голубое небо. Никогда она не видела такой чистой голубизны, как над Минском. Вспомнились слова из недавно прочитанного рассказа белорусского писателя, ее близкого друга:

«Хорошая девушка!.. Какой же подарок ей преподнести? Вот если бы кусок неба сорвать ей на платок голубой!»

А может, он думал о Вере, когда писал это. Как хотелось бы сейчас взглянуть на него, убедиться, что он по-прежнему такой же веселый и симпатичный парень.

Но нет, это все нереальные мечты... Не скоро ей удастся увидеть своих далеких советских друзей.

А пока надо ответить им:

**«Центральному Комитету
Коммунистического союза молодежи
Советской Белоруссии**

Дорогие товарищи!

Много раз мы уже пытались завязать с вами тесную и регулярную связь. Но до сих пор по различным, по-

нятым и вам, конечно, известным причинам связи этой у нас нет.

В декабре прошлого года мы получили от вас коротенькое письмо с приглашением приехать на вашу годовщину.

Не станем описывать вам, какую радость, какую бурю восторга вызвало это у нас. Письмо ваше мы перечитывали много-много раз. Приехать на годовщину мы к вам не могли. Не знаем, получили ли вы наше приветствие к годовщине. К сожалению, с тех пор связь наша прекратилась.

Недавно проходила у нас II конференция комсомола Западной Белоруссии. Для нас это был исторический день. Несмотря на громаднейшие провалы, несмотря на все усиливающиеся преследования, мы от I конференции, которая была в январе 1924 г., до II, т. е. до июля 1925 г., выросли в 10 раз, т. е. от 120 до 1200 человек! Вам, конечно, такая цифра кажется смешной, вы ваших комсомольцев считаете уже десятками тысяч, но у нас в подполье это громадная цифра.

Тяжелый путь мы прошли за это время. 130 активных боевых комсомольцев пошли сидеть в тюрьмы. Два раза целиком была разгромлена Виленская организация; несколько раз частично проваливались организации в Белостоке, в Пинске, в Барановичах, в Гродно, в Бресте. За это время сменилось пять составов Центрального Комитета, причем только трем товарищам удалось спастись — все остальные в тюрьмах. Но зато мы за эти полтора года завоевали деревню, крупнейшие фабрики и почти все секции профсоюзов. На 1200 комсомольцев у нас теперь около 700 крестьян, все остальные комсомольцы — рабочие. У нас теперь шесть вполне окрепших и сформировавшихся округов — Виленский, Гродненский, Белостокский, Брестский, Пинский и Барановичский. И теперь мы создаем, воспитываем наш комсомольский актив. Задача в наших условиях, конечно, трудная, но мы твердо верим, что и эту задачу выполним.

Посылаем вам приветствие, принятое нашей II конференцией, и скоро пришлем специальную корреспонденцию для вашей газеты...

Напишите нам, как можно скорее, большое и под-

робное письмо о жизни в Советской Белоруссии, о вашей работе, о ваших завоеваниях...»¹

Догадаются ли друзья, что это писала она.

Спасибо им, родным. Не забывают и шлют письма, обращения к комсомолу Западной Белоруссии. На большом расстоянии, через кордон Вера ощущала пожатие их мужественных, сильных рук. Так пусть же знают далекие друзья — она не изменилась.

Отдельно написала одному из близких друзей:

«...передай всем от меня горячий сердечный привет. Скажи, что я не только живу, но и горю жизнью, работой, восторгом, энергией. Скажи, что мы жизнь берем за жабры, не даем себя съесть с кашей, что пока это блестяще удастся, что мы — победители — постараемся побеждать до конца!»²

Жизнь подпольщиков трудна и опасна. Всеми силами враги пытались проникнуть в ряды компартии и комсомола, выследить активистов и посадить их за решетку. Так, в 1925 году стало известно, что в Варшавскую партийную организацию пробрался провокатор Цехновский. Члену Варшавского комитета партии Владиславу Гибнеру и комсомольцам Владиславу Кневскому и Генриху Рутковскому было поручено ликвидировать его. В последний момент, когда подпольщики намеревались выстрелить в него, агенты полиции напали на патриотов. Началась перестрелка. Тяжело раненных героев схватили. Их пытали, но они даже не назвали своих имен.

Буржуазная печать подняла клеветническую кампанию против коммунистов.

С болью и ненавистью читала Вера всю эту газетную мерзость. Нет, надо давать буржуазии сдачи, отвечать двойным ударом на удар!

Вечером она села писать листовку. Ей всегда легко работалось, когда нервы напряжены, когда дыхание спирает от ненависти или радости. И на этот раз коротенькая листовка была составлена единым духом. По-советовавшись со своими друзьями — членами ЦК комсомола Западной Белоруссии, Вера немедленно выехала из Белостока в Вильно, где в то время находился секре-

---

¹ *Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 72—73.*

² *Там же, стр. 64.*

тариат ЦК Компартии Западной Белоруссии. Когда собралась секретари ЦК, она торопливо изложила им свои соображения:

— Буржуазная печать обливает партию грязью. Вокруг трех наших товарищей ведется безудержная свистопляска. Мы должны реагировать. Не имеем права молчать. Народ должен знать правду.

— Что же ты предлагаешь?

— Вот проект воззвания. Если он подойдет, отпечатаем и распространим.

Стали читать фразу за фразой. Дошли до места, где упоминались подпольщики, готовившие уничтожение провокатора.

— А как быть с ними? Нужно ли называть их в листовке по именам? А может, дефензива до сих пор не знает, кто они. Тогда мы окажем плохую услугу им.

Решили фамилий не указывать. Трое рабочих — это и правильно, и исчерпывающе. Партия их не забудет, придет время, и их имена станут широко известны.

С небольшими поправками воззвание было одобрено секретарями ЦК. А через пару дней трудящиеся Западной Белоруссии читали пламенные слова, написанные Верой Хоружей.

С БОЛЬШОЙ ТРИБУНЫ

Вера находилась в самой гуще политической борьбы и со всей присущей ей страстью осуждала оппортунистов, которые сбивали трудящихся с правильного пути борьбы за свое освобождение.

Дел у Веры прибавилось. Оправдались ее опасения в отношении Гурина-Морозовского, который еще в ноябре 1924 года сколотил антипартийную националистическую группу раскольников¹.

¹ Воспользовавшись тем, что руководители Коммунистической партии Западной Белоруссии выехали на III съезд КРПП, Гурин и его немногочисленные сторонники 31 декабря 1924 года захватили нелегальную типографию, в которой издавалась газета «Большевик», и опубликовали так называемый «Коммюникат» (коммюнике, извещение). Группа Гурина повела атаку на марксизм-ленинизм, на пролетарский интернационализм. Она даже объявила себя новым ЦК КПЗБ, независимым от ЦК Коммунистической рабочей партии Польши (на III съезде переименована в Коммунистическую партию Польши).

При очередной встрече она напомнила Стефану их разговор в Минске о Гурине, хотя сама понимала, что теперь это ни к чему. Коль он уж докатился до политической борьбы с партией, его нужно разоблачать до конца. И она разоблачала его на всех собраниях коммунистов и комсомольцев.

Участвуя в работе III съезда Коммунистической рабочей партии Польши, который проходил с 14 января по 4 февраля 1925 года, Хоружая внимательно слушала все, делала пометки в маленьком блокнотике своим, только ей понятным шифром. Тому, чье выступление считала правильным, аплодировала, с чьим была не согласна, жирной чертой подчеркивала слова его речи в блокнотике.

Когда представитель Компартии Западной Украины выступил с позиций правых уклонистов, Вера направила в президиум записку: «Прошу слова. Брестская».

Ей тут же его предоставили. Говорила она по-белорусски. Сначала обрушилась на предыдущего оратора.

— Он рассуждал на этой трибуне как типичный правый оппортунист! Оппортунисты, как известно, не верят в силы партии, не верят в то, что партия может повести за собой трудовое крестьянство. Да, раньше мы были плохо связаны с деревней. Но партия нашла правильный подход к душе крестьянина. Мы объявили антиалоговую кампанию, и трудовые крестьяне поддерживают нас. Мы научились руководить ими в борьбе с правительством. Наша партия стоит во главе масс, получила их доверие. Не видеть этого значит ничего не видеть и не понимать. Это свойственно правым оппортунистам.

Потом перешла к другому вопросу:

— А теперь о молодежи. Часто в округах случаются недоразумения между партийцами и молодежью. Наши партийные товарищи много говорят о провокаторах, о необходимости борьбы с ними, но не пользуются помощью комсомольских организаций в борьбе с ними. Нужна координация в деятельности партийных и комсомольских организаций. Для руководства молодежью надо отбирать наиболее развитых и деятельных работников, а получается так, что часто посылают слабых, которые своей бездеятельностью, неумением и незнани-

ем дела принижают партию в глазах молодежи. Мы надемся, что партийные организации возьмут курс на большевизацию молодежи.

На съезде все острее и острее развертывалась борьба взглядов, направлений. Вера вынуждена была еще раз просить слова и еще раз напоминать, что оторванность комсомола от партии еще слишком велика и необходимо укреплять комсомол, усиливать партийное руководство им. Это больше всего волновало ее, потому что сегодняшние комсомольцы — это завтрашние коммунисты, и от их политической подготовки, закалки будет зависеть будущее партии.

Во второй своей речи она высказалась за единый фронт прогрессивных сил, который позволил бы вовлечь массовые организации в революционную борьбу, одновременно решительно разоблачать партии, которые изменяют рабочему классу.

После съезда ей разрешили встретиться с родными. Казалось, на крыльях летела она в Марфино, где жили мама, сестры — Надя, Люба и брат Василий. Появление ее в доме было неожиданным и радостным. Родные не знали, куда ее усадить, как лучше приветить. А она жадно набросилась на них с расспросами. Времени в ее распоряжении было мало, а знать хотелось так много — о каждом из близких (по нелегальной почте обо всем не напишешь и все не спросишь) и вообще о жизни в Советской стране. Ведь это самый дорогой капитал для коммуниста-подпольщика.

Встреча пролетела, как один миг. Вера расцеловалась со всеми на прощание и не разрешила провожать себя.

— Отвыкла от провожатых! — сказала она.

— Береги себя, доченька, — умоляюще говорила вслед ей мать.

— Обязательно, — пообещала Вера. — Ты за меня, мамочка, не беспокойся. Я везучая, со мной никогда ничего не случится.

Вернувшись, Вера снова колесит по Западной Белоруссии. Встречи, беседы, доклады, воззвания поглощали ее время без остатка. О себе ей некогда было думать. Да она уже давно привыкла обходиться самым малым, самым необходимым. И ни минуты отдыха, ни минуты покоя.

Важным для нее был только результат работы. Если удалось завоевать на свою сторону еще одного человека, если прояснилось политическое сознание еще у одной хотя бы небольшой группы людей, значит стоило жить, недоедать, недосыпать.

ЗА ТЮРЕМНОЙ РЕШЕТКОЙ

В ночь на 15 сентября 1925 года Вера засиделась за работой на одной из нелегальных квартир в Белостоке. Недавно ЦК комсомола Западной Белоруссии получил письмо от ЦК комсомола Советской Белоруссии. В нем рассказывалось о том, как советские люди, преодолевая большие трудности, ликвидируют неграмотность, строят новые предприятия.

Надо было донести правду о Стране Советов до простых белорусских и польских тружеников. Когда хозяева улеглись спать, Вера села писать листовку на польском языке.

Окна были плотно закрыты ставнями. В квартире и на улице царил мертвая тишина. В такое время легко думается, легко пишется. Мысли плывут и плывут. Рука торопливо скользила по бумаге.

Сильные удары в дверь и в окно заставили Веру вздрогнуть. Ясно, друзья так не стучат. Времени хватило, чтобы порвать только что написанную листовку, уничтожить письмо ЦК комсомола Советской Белоруссии. На столе — фотокарточка близкого, дорогого человека, подпольщика. На мгновение Вера заколебалась: рвать или спрятать? Но в дверь стучали все решительнее, и перепуганные хозяева, наскоро одевшись, поспешили открыть. Взглянув еще раз на мужественное лицо друга, Вера прошептала: «Прости!» — и клочки фотокарточки посыпались в корзину. Когда полицейские ворвались в комнату, туда же летела порванная записка того же подпольщика.

Сыщик бросился к корзине, схватил ее и осторожно передал своему напарнику:

— Придется разобрать по порядку и склеить во что бы то ни стало.

Обратившись к Вере, строго глядя ей в глаза, потребовал:

— Прошу пани о довуд (паспорт).

Она подала паспорт на имя Вероники Корчевской.

— Вы арестованы,— заявил сыщик.— Одевайтесь.

Насмерть перепуганные и растерянные хозяева с тоской смотрели вслед удалявшейся квартирантке.

Допрашивал следователь дефензивы — высокий холеный офицер. Каждый его вопрос, заданный с нарочитым равнодушием, Вера встречала настороженно.

— Как вы себя чувствуете, пани Корчевская? — с плохо скрываемым ехидством спросил он по-русски. Видно было, что вопрос следователя продуман заранее.

— Благодарю вас, господин офицер, за трогательную заботу о моем самочувствии,— таким же тоном ответила Вера по-польски.

— О-о, как прекрасно вы владеете польским языком! — Офицер изобразил на своем лице удивление.

— А чем язык Мицкевича и Ожешко плох?

— Да,— переходя на польский, сказал следователь,— но Мицкевич и Ожешко, как известно, были поляки, а пани, насколько мне известно, чистокровная белоруска.

— Ваша принадлежность к польской национальности, смею заметить, не мешает вам владеть русским языком. Отвечая комплиментом на комплимент, скажу, что вы им владеете неплохо. К чему бы это? Я ведь живу среди поляков и обязана знать польский язык, а вы, пожалуй, в России ни разу и не были.

На миг следователь ступешевался. Напускное равнодушие как рукой сняло:

— Ну, знаете, вы просто обнаглели.

— Пан следователь, не утруждайте себя вопросами, отвечать я не буду. Это все, что вы сегодня услышали от меня.

Вера демонстративно отвернулась. С полчаса лощеный офицер тщетно пытался заставить ее говорить: и уговаривал, и запугивал, и обещал всяческую помощь и поддержку, если она скажет сущий пустяк, где была вчера.

Сжав зубы, Вера думала о своих друзьях. Кого из них схватили сегодня? Кто останется продолжать их опасные боевые дела? Как восстановятся нарушенные подпольные связи?

Много, много тяжелых, тревожных дум. От них го-

лова наливалась свинцом. Сосредоточившись, она старалась не слушать следователя. А перед собой видела друзей, которым мысленно советовала, как избежать дальнейших провалов. Почему она все же не убереглась? Кажется, ничто не предвещало беды. Из допроса видно, что в подполье пробрался провокатор. Надо сообщить об этом на волю.

Допрос, тягостный для Веры, закончился. Протокол не был заполнен.

Монотонно проходили дни и ночи. Не добившись от Хоружей показаний, дефензива отправила ее в тюрьму и начала следствие. Неизвестно, когда оно закончится. Из этой упрямой большевички слова не вырвешь.

Тюрьма... Леденящее душу слово. Место угасания надежд. Средоточие несбыточных желаний. Мертвый дом. Каких только страшных и вместе с тем точных определений не давали ей те, кому пришлось побывать в ее мрачных застенках.

Вера давно готовилась к тому, что рано или поздно ее ждет участь заключенной. Трудно представить себе путь подпольщика, миновавшего тюрьму. Почему же она должна быть исключением?

Самое главное — не потерять связь со своей партией, со своим народом, не лишиться цели и перспективы. Все остальное не страшно.

А связь восстановилась быстро. Тюрьма была заполнена товарищами по борьбе, которые сразу узнали о ее появлении здесь.

Привели Веру в камеру, где уже сидели четырнадцать женщин и девушек.

— Меня зовут Верой...

— Ого! Одна у нас уже есть, ты будешь вторая. Есть у нас и Надежда, и Любовь. Все как положено.

— Расчудесно! Я так и знала, что у вас есть все, кроме свободы. Ну а свободу мы уж как-нибудь отвоюем, рано или поздно.

По очереди Вера обошла всех женщин, пожала руки, выслушала и постаралась запомнить имена, чтобы с первого же дня установить со всеми дружеские отношения.

— Ну что там, на воле? — набросились на нее.

Пристроив свои вещи, она начала рассказывать новости и сама пришла в такое возбуждение, что забыла

и о толстых тюремных стенах, отделявших ее от внешнего мира, и о шагах часового за дверь, и о скрипучих замках с тяжелыми, массивными ключами, проскрежетавшими недавно за ее спиной.

Начались тюремные будни. Еще до ареста Веры ценой больших усилий политическим заключенным Польши удалось отвоевать право читать книги, посылать определенное количество писем родным, получать посылки. Раз в неделю были разрешены свидания. В таких условиях можно было наладить систематическую учебу в камерах.

С первого же дня Вера включилась в политическую работу. Ее избрали старшей по камере. Не откладывая, узнала, кто имеет какое образование, продумала программу занятий, составила расписание.

С менее подготовленными подругами Вера занималась политграмотой, русским языком, русской и польской литературой, математикой. Те, у кого был запас знаний, под ее руководством изучали историю партии, основы политической экономии.

День был загружен до предела. Каждое занятие требовало тщательной подготовки. С признательностью вспоминала теперь Вера преподавателей партийной школы, давших ей основы знаний, научивших самостоятельно работать над книгой!

Конечно, старым багажом теперь не обойтись. Нужно самой учиться. Дорвавшись до книг, она не упускала возможности расширить свой кругозор и, когда не учила других, училась сама.

Как-то раз Вера заметила, что комсомолка Бондарь ночью не спит, ворочается, вздыхает. Тихонько встала и пошла к ней. Та услышала осторожные шаги в темноте и приподнялась.

— Лежи, лежи,— шепотом сказала Вера.— Что ты не спишь?

— Ты же знаешь, что мне вручили обвинительный акт и завтра начнется суд. Волнуюсь. Обдумываю, что буду говорить.

— Хорошо, если бы на суде ты сказала вот что: «Вы посадили нас в тюрьмы и лишили свободы. Но вместе с тем в душе нашей вы взрастили невиданный простор. Вы хотели заковать нас, но у нас выросли могучие крылья — разум, воля, мечты и стремления. Вы хотите

принять, оскорбить, уничтожить нас. Вам это не удастся, наоборот, всем этим вы навсегда уведите меня из мира жалких людей, как вы сами, из мира маленьких интересов. Об этом Горький хорошо сказал: «А вы проживете на свете, как черви слепые живут. И сказок о вас не расскажут, и песен о вас не споют». Ты поняла меня?

— Поняла, дорогая, спасибо. Я так и скажу.

— Вот и хорошо. А теперь спи, волноваться не нужно. На суд ты должна идти бодрая, отдохнувшая, с высоко поднятой головой. Это тоже наше оружие. Пусть народ видит и знает, как коммунисты и комсомольцы смело смотрят в лицо врагу. Спокойной ночи!

— Спасибо за совет. Спокойной ночи!

Дум у Веры было много. Не давала ей покоя мысль о матери. В конце марта 1926 года она сообщила домой, что арестована. Знала, мама очень огорчится и будет плакать: ведь она так любит свою беспокойную дочь. Может, потому и любит ее чуть больше других детей. По материнским понятиям, жизнь у дочери сложилась как-то не так. Где было матери понять, что Вера сама выбрала этот путь. Надо утешить родную, чтобы не надрывалось тоской ее чуткое, отзывчивое сердце.

Воспользовавшись случаем, отправила еще одно письмо. Старалась передать в нем все свои чувства, успокоить, утешить мать:

«...обо мне, мамочка, и не думай плакать! У меня совсем не такая печальная судьба, чтобы ее надо было оплакивать. Нет, мамочка, я и теперь так же бодр, как в 1920/21 году, когда мы жили еще вместе. Ведь я же прекрасно знала, что меня ожидает, и это ни на минуту не остановило, не заставило меня даже призадуматься. Ничего, мамочка, ведь я сижу только восемь месяцев. Ну, так что ж это значит двадцать два года свободы и восемь месяцев тюрьмы? Ерунда! Все переживем. А с крепкой верой в свою правоту и с надеждой на лучшее будущее и тюрьма не тюрьма. Да к тому же я и в тюрьме не сижу без дела: много читаю, учусь — на свободе ведь не было времени читать. Помогаю учиться и другим девушкам, которые знают меньше меня, которые не могли, как я, учиться в школе»¹.

---

¹ Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 83.

Никогда еще не читала Вера так много. За восемь месяцев проштудировала около пятидесяти серьезных книг! И время шло быстрее, хотя, конечно, не так, как до ареста. Тогда она была вольная птица — делала то, что считала необходимым и целесообразным для партии и комсомола, выполняла указания партийных органов.

Иное теперь. Везде камень: вверху, внизу, вокруг. И только маленький лоскуток голубого неба, безжалостно исполосованный черной решеткой окна. До чего же хорош он, этот клочок далекой лазури!

Тоска, словно липкая паутина, навязчиво цепляется, тянет вниз. Нет, это удел слабых духом — впадать в уныние! Если чуточку напрячь воображение, можно и среди монотонного хлюпанья дождя уловить бодрые, веселящие душу звуки, услышать мотивы любимых боевых песен. Чуточку воображения! Ведь тюремная охрана не властна над ним. А как приятно представить себя там, на воле, среди боевых друзей, за любимым делом! И жизнь силой воображения превращается в яркую, цветистую ткань будущего.

Помечтав, Вера словно смывала со своей души все ненужное, наносное и снова становилась веселой, развешивая своим заразительным смехом унылое настроение подруг.

«ПРОЦЕСС ТРИДЦАТИ ОДНОГО»

Пятнадцать месяцев тянулось следствие. Наконец были вручены обвинительные акты тридцати одному политическому заключенному. В них перечислялись многочисленные «преступления» и Веры Хоружей перед польским буржуазным государством.

Заранее ее перевезли в брестскую тюрьму. И вот наконец на 10 января 1927 года назначен «процесс тридцати одного». «Тридцать один» — это наиболее активные коммунисты Бреста и его округа, схваченные дефензивой по доносу провокаторов в ночь на 7 ноября 1925 года. Было арестовано около двухсот человек, но к суду привлекались только руководящие работники и активисты. Буржуазные власти боялись судить всех арестованных, ибо это показало бы массовость революционного движения.

Накануне суда Вера уже не могла заниматься. В каждом ее слове, в каждом движении чувствовалось возбуждение. Завтра начнется сражение, открытое выступление против буржуазного строя, буржуазных порядков, буржуазной идеологии. Это уже не отвлеченный теоретический спор, а битва при неравных условиях. И тем не менее ее надо принять и одержать победу над врагом, если не физическую, то моральную.

На суд вели под большим конвоем. Зверски избитых на допросах девятнадцатилетнего секретаря комсомольской организации русской школы города Бреста Мишу Будько и коммуниста Томаша Стемпеня везли на телеге.

Уже возле самой тюрьмы колонну встретили жители города. Они образовали как бы второй караул — почетный. Толпа открыто высказывала свои симпатии заключенным.

Потом жандармы стали ежедневно менять маршрут от тюрьмы до здания суда, и всякий раз им приходилось вести заключенных сквозь живой коридор толпы, из которой раздавались выкрики в честь коммунистов.

Состав суда свидетельствовал о том, что польские власти не пощадят подсудимых. Председательствовал известный белогвардеец Реут. Вся надежда была на единство и сплоченность самих заключенных.

Секретарь суда долго и монотонно читал обвинительное заключение. Подсудимые не слушали, тихо переговаривались между собой.

Начались допросы. Реут вызвал в зал заседания эксперта Снарского.

Кто-то крикнул на весь зал:

— Вон палача Снарского!

Словно электрический ток прошел по рядам. Подсудимые вскочили со своих мест.

— Вон палача! — подняв кулаки, кричала Романа Вольф («Елена»).

— Прочь изверга! — поддержал ее Захар Поплавский, грузчик Брестского лесопильного завода.

— Долой гадину! — басил грузчик Лука Герасимчук.

Подсудимых поддержали присутствовавшие в зале заседания рабочие. Начался шум.

Снарский стоял, втянув голову в плечи, боясь как бы дело не кончилось потасовкой.

Реут предложил ему удалиться. Только когда дверь за ним закрылась, подсудимые прекратили шум и сели на свои места.

Дружная демонстрация окрылила их. Значит, и судьи идут на попятную, когда видят перед собой коммунистов, сплоченных в едином порыве.

Дошла очередь до Веры Хоружей. Она встала. На вопрос председателя суда ответила:

— Да, я имею честь принадлежать к Коммунистической партии Западной Белоруссии. Ее обвиняют в том, что она ведет агитацию, призывающую народ к борьбе, к революции.

— Подсудимая, вы говорите не по существу,— прервал ее Реут.— Предупреждаю, я лишу вас слова, если будете вести здесь большевистскую агитацию.

— Я говорю по существу,— возразила Вера.— Вы обвиняете меня как члена коммунистической партии, и я считаю своим долгом и правом доказать несостоятельность ваших обвинений. Коммунистическая партия борется против капитализма, против социального и национального гнета, поднимает сознание рабочего класса и трудящегося крестьянства.

— Как можно понять из вашего заявления, вы сознательно вступили в Коммунистическую партию,— резюмировал председатель суда.

— Да, я вполне сознательно работала в рядах коммунистической партии и уверяю, что буду работать и в дальнейшем, когда выйду из тюрьмы. Я предана коммунистической идее и буду верно служить ей всю свою сознательную жизнь. Меня не испугает тюремное заключение, как бы долго оно ни продолжалось. В одном я глубоко уверена, что дождусь того дня, когда мы будем судить вас по всей строгости пролетарских законов.

— Я лишаю вас слова! — вскипел Реут.

— А я уже все сказала,— ответила Вера, спокойно садясь на свое место.

Товарищи крепко жали ей руку.

Процесс длился восемь дней. На последнем заседании председатель суда зачитал бесстрастным голосом приговор:

«Именем Польской республики Пинский окружной суд 10—17 января 1927 года в судебном заседании уголовной коллегии в г. Бресте в следующем составе... рассматривал дело... На основании обвинительного заключения прокуратуры от 12 ноября 1926 года к судебной ответственности перед окружным судом были привлечены жители:

...Вера Хоружая, 23 лет, без постоянного места жительства... Вера Хоружая принимала участие в деятельности Брестского окружного комитета коммунистической молодежи Западной Белоруссии в качестве делегата Центрального Комитета КПЗБ, принимала участие в конференциях комсомола...

Окружной суд устанавливает, что действие, инкриминируемое обвиняемой... Вере Хоружей, содержит элементы участия в заговоре, организованном для совершения покушения на установленный основными законами государственный строй Польши и целостность ее государственной территории, в заговоре, участие в котором предусмотрено ст. 102, ч. I УК и грозит наказанием до 8 лет строгого тюремного заключения.

Принимая во внимание обстоятельства дела, сопутствующие совершенному каждым обвиняемым его преступлению, окружной суд признает правильным приговорить... Веру Хоружую к шести годам строгого тюремного заключения...»

Когда Реут закончил чтение приговора, заключенные вытащили из карманов красные бантики, заготовленные накануне в тюрьме, и прикрепили их к груди. Один из них, рабочий Григорий Антонович Каленик, вскочил на скамью и звонким голосом выкрикнул:

— Долой фашистское правительство палача Пилсудского! Да здравствует диктатура пролетариата!

Вместе с другими членами тюремного парткома Вера разрабатывала порядок поведения подсудимых в суде. Тогда и решили, что именно Каленик начнет политическую демонстрацию в зале заседаний суда. Сейчас, поддерживая своего боевого товарища, она задела «Интернационал». Остальные осужденные дружно поддержали ее. Онемевшие от неожиданности, полицейские растерялись, не зная, что делать. Потом стали избивать заключенных прикладами карабинов, хватали за шиворот и тащили из здания суда.

А там, на улице, уже собралась огромная толпа.

Она гудела, раздавались выкрики:

— Изверги! Палачи! Убийцы! Кровососы!

— Долой правительство фашиста Пилсудского!

— Смерть палачам! Да здравствуют коммунисты!

— Дайте им сдачи, товарищи, мы вас поддержим!

Толпа грозно надвигалась на полицейских.

Могучие мозолистые кулаки поднялись над головами. Вот группа рабочих надвинулась на полицейских.

— Скорее, скорее! — охрипшим от страха голосом кричал офицер.

Поспешно затолкав узников в тюремные машины, полицейские еле вырвались из окружавшей их толпы.

Намечая политическую демонстрацию, партийный комитет не знал, что она получит поддержку трудящихся Бреста. Вера торжествовала. Их работа не пропала даром. Семена правды, которые и она сеяла среди тружеников Бреста, уже дают дружные всходы. Поэтому синяки и ссадины, полученные от полицейских во время потасовки, болели не так уж сильно. Что значит физическая боль, если на душе такое ликование: ее родной коллектив решительно заявил о своей силе, о своем влиянии на широкие массы трудящихся, о неразрывных связях с народом. И враги ощутили это!

Из Бреста ее отправили обратно в белостокскую тюрьму.

Однажды, как обычно, в камере начались занятия. Вдруг послышался шум. Бросились к окну. По тюремному двору вели пятерых девушек. Вернее, их не вели, а тащили. Лиц не различить, так они были изуродованы. Палачи поработали усердно.

Увидев эту страшную картину, Вера возмущенно крикнула:

— Товарищи, надо протестовать!

Политические заключенные начали шуметь, бить в стены, колотить ногами по полу. Их поддержали в других камерах. Тюрьма гудела, гремела, клокотала. Тюремщики врывались в камеры, затыкали заключенным рты, наиболее активных сажали в карцер.

После короткого, но мощного протеста политические заключенные объявили голодовку.

Администрации тюрьмы был предъявлен ряд требований по улучшению положения заключенных.

Занятия прекратились, старались меньше двигаться, чтобы не расходовать остатки сил. Вера тихо рассказывала подругам о Минске, о молодежных вечерах и карнавалах на улицах белорусской столицы, о боях с белобандитами в Полесье, о людях, ходивших в школы по ликвидации неграмотности в Бобруйском уезде. Ей было о чем рассказать товарищам, которые только мечтать могли о жизни без помещиков и капиталистов.

Когда кончилась голодовка, снова взялись за учебу. На небольшом листе бумаги Вера по памяти нарисовала карту Европы, и начались занятия по географии.

НИКТО НЕ СЛОМИТ ВОЛЮ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Дефензива тем временем организовала новый процесс — по делу ста тридцати трех политических заключенных. Это был процесс над руководящим ядром Коммунистической партии Западной Белоруссии — Э. Пилипенко, К. Басинским, Н. Орехво, Л. Ковенской, Р. Вольф, В. Хоружей и другими активными деятелями партии. Некоторых судили заочно.

«...У меня скоро суд, — писала Вера матери. — Ждем его с нетерпением. Получили уже обвинительные акты. Живем теперь, как в лихорадке, забросили все занятия, думаем, мечтаем, строим планы для тех, кто, вероятно, пойдет на свободу, уже начинаем прощаться. Грустно и весело, очень оживленно...

Так странно мне вам обо всем этом писать. Поймете ли вы меня, нас теперь? По-моему, свободные люди вообще не могут нас понять. А все-таки мне хочется вам об этом рассказать...»¹

Как утешали эти редкие письма на волю и с воли! Иногда разрешалось писать открыто, через тюремную цензуру. Тогда приходилось прибегать к эзоповскому языку, ссылаясь на события, факты, обстоятельства, известные только ей, Вере, и тому, кому она писала. Надо было иметь изворотливый ум, чтобы умело обходить рогатки цензуры.

---

¹ Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 86—87.

По различным нелегальным каналам шла переписка с друзьями, близкими и деловая связь с партийной организацией. Тут уже можно было открыто написать все, что думаешь и переживаешь.

Вера использовала любую возможность переслать хотя бы записочку на волю. Ведь у нее там столько родных, друзей, хороших знакомых, которые нетерпеливо ждали каждой весточки от нее. Она писала сестре:

«Скоро у меня второй суд. Это будет очень большой, интересный процесс. Представь себе огромную массу народа на скамье подсудимых. Почти все — мои близкие друзья, товарищи, с которыми вместе работали на свободе, переживали победы и поражения. Многих из них я не видела два года, некоторых узнала, когда уже сидели по тюрьмам. И вот теперь мы все встретимся, будем говорить...

Суд наш, вероятно, продолжится целый месяц. Это значит целый месяц два раза в день проходить по городу, видеть свободных людей, целый месяц быть вместе с дорогими, любимыми товарищами.

Можешь ли ты понять все это? Мой первый суд, о котором ты уже знаешь, был по сравнению с этим совсем маленьким и продолжался только восемь дней. Так пойми же мое состояние, пойми, с каким нетерпением я жду этого суда. Тем более, что со дня ареста прошло уже более двух лет, и суд, верно, освободит хоть нескольких парней и девушек, с которыми вместе сидим, сжились, срослись. Меня, конечно, свобода не ждет, но тем лучше я понимаю моих любимиц, которые, наверное, пойдут уже на свободу. Как сказать тебе все это так, чтобы ты меня поняла, почувствовала все это?

Знаешь, если бы ты хоть на один день пришла к нам в тюрьму или на суд, ты бы в сотни раз сильнее полюбила комсомол и работу. Ну, ладно, напишу тебе больше после суда; тогда расскажу много интересного.

...Через несколько дней — десятая годовщина Октябрьской революции. Десятая! Представляю себе ваше торжество. Иногда мы сидим и долго-долго думаем и говорим о том, чем должна быть для вас десятая годовщина, как она у вас пройдет. Но пойми, чем же она будет для нас, запертых за высокими стенами, тяжело придавленных фашистским сапогом пана Пилсудского.

Нам кажется, что в этот день солнце будет светить совсем иначе, кажется, что мы так громко будем петь «Интернационал», что и вы услышите, что грудь разорвется, не выдержит всей радости, торжества, злобы и энтузиазма. Как мы счастливы будем, если узнаем, что вы вспоминаете о нас!

А потом у вас опять праздник — годовщина комсомола. Моего родного, милого комсомола! А знаешь, я до самого ареста работала в организации. А после тюрьмы — прощай, союз! Буду уже совсем взрослым человеком. Вот недавно мне уже исполнилось двадцать три года. Как это много!

Не знаю, известно ли тебе что-нибудь о нашем движении, я могла бы и хотела бы написать тебе целые кипы, но сейчас не могу. Скажу только одно: движение наше растет и ширится, крепнет с каждым днем, приносит нам новые победы. Мы хоть и с кровавыми жертвами, но идем к Октябрю. Много легче сидеть в тюрьме, зная, что там, за стенами, все выше поднимаются волны, сидеть в тюрьме, зная, что освободит тебя революция! Правда, тюрьма — тяжелая штука, очень тяжелая, но ведь без нее не обойдешься...»¹

А за стенами тюрьмы наступал фашизм. Урезывались даже те курые права, которые были завоеваны рабочим классом Польши в жестокой борьбе с буржуазией. Экономика страны хирела, попадала под все большую зависимость от западных империалистов. Крестьянство разорялось. Росла безработица. Налоги все увеличивались. Трудящиеся жили впроголодь.

Реакция начала наступление на рабочий класс. В коренной части Польши, в Западной Белоруссии и Западной Украине свирепствовали суды, они выносили все более строгие приговоры.

Новый процесс не сулил Вере ничего хорошего. По тюрьме разнеслась весть: окружной суд освободил двух политических заключенных, а апелляция дал им по шесть лет.

И все же заключенные с нетерпением ждали суда.

Камера белостокской тюрьмы, в которой сидела Вера, находилась на втором этаже женского корпуса, расположенного под прямым углом к мужскому. Под окнами —

---

¹ Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 87—88.

двор тюрьмы. В центре его — дорожка, вытоптанная ногами заключенных во время прогулок. Она образовала кольцо, внутри которого было сделано что-то наподобие клумбы и росла тощая тюремная трава. Казалось, что она не хочет расти здесь, в окружении высоких каменных стен.

Когда сюда выводили на прогулку заключенных мужчин, они видели в одном из окон женского корпуса то светлые кудри Веры, то темную головку Романы Вольф, то задумчивую, всегда спокойную Любу Ковенскую (Людвигу Янковскую).

Часто, встретив взгляд старого знакомого, худощавого молодого человека, носившего кличку «Петр», Вера радостно и приветливо махала рукой. Она хорошо знала его еще задолго до того, как они встретились здесь, в белостокской тюрьме. Тогда он был Николаем Орехов. Он сам из Западной Белоруссии. Активный партийный работник. О подлинной его фамилии и о их прежнем знакомстве Вера должна была забыть. Теперь он «Петр», боевой товарищ, привлеченный к суду по «процессу ста тридцати трех».

Когда их взгляды встретились, Вера жестами показала, чтобы Петр следил сейчас за ней. Через несколько минут, как только надзиратель отвернулся, из ее окна к ногам Петра упал черный комочек. Он сделал вид, что оступился, и, упав на одно колено, подхватил с земли брошенный Верой «гриппс». Черный комочек незаметно перелетел в руки шедшего сзади заключенного. Тот, в свою очередь, так же ловко передал его следующему, и так до тех пор, пока «гриппс» не оказался где-то в середине цепочки, непрерывно движущейся по кругу.

Все это произошло в течение нескольких секунд. Надзиратели не заметили ничего подозрительного.

После прогулки заключенные мужского корпуса разломали «гриппс» — кусочек черного хлеба, в котором была папиросная бумажка. Мелкими, микроскопически буквами Вера писала о новых директивах, полученных с воли от Центрального Комитета Компартии Западной Белоруссии. ЦК одобрил предложенную партийным комитетом тюрьмы линию поведения заключенных на «процессе ста тридцати трех».

Большинству арестованных, а также части оставшихся на воле, но привлеченных к суду по «делу ста

тридцати трех», предлагалось отказываться от принадлежности к партии и комсомолу и настаивать на своей невиновности. Не располагая доказательствами, фашиствующие судьи вынуждены будут оправдать их. Но организаторы процесса, как это было видно из обвинительного заключения, прилагали все усилия, чтобы возвести ложные обвинения на коммунистическую партию и комсомол. Для того чтобы дать им сокрушительный отпор, партийный комитет предложил группе подпольщиков выступить на суде с речами в защиту партии, комсомола, профсоюзов и других организаций. Это означало признание своей принадлежности к партии и влекло за собой тяжкие меры наказания.

Семи коммунистам, в том числе и Вере, предстояло принять на себя удар фашистского суда, противопоставить буржуазным законам и порядкам единственное свое оружие — правду, смело, открыто сказанную. Это оружие не защищало подсудимого от преследования, но оно служило надежной защитой партии от клеветы и инсинуаций ее врагов.

На процессе должны были присутствовать журналисты и кое-какая публика. То, что будет там сказано заключенными, тысячеустым эхом разойдется по всей стране. «Процесс ста тридцати трех» надо было превратить в суд над фашистской диктатурой Пилсудского.

С глубоким волнением приняла Вера решение ЦК партии. Связи тюрьмы с внешним миром шли через их камеру. Родственники Любы жили в Белостоке и использовали всякую возможность для свиданий, различных передач. Нередко из Варшавы приезжали родственники «Елены». Сидели в их камере и другие женщины, официально поддерживавшие связи с внешним миром. Через них сотнями различных способов поступали в тюрьму записки партийных товарищей, оставшихся работать на воле.

В самой тюрьме различными способами передавали новости, указания и директивы ЦК из корпуса в корпус, из камеры в камеру. Это только кажется, что человек в тюрьме изолирован и беспомощен. Там, где он тесно связан с партией, где работает коллективный ум, всегда найдутся способы обойти самых бдительных стражей.

Все напряженно готовились к крупному процессу, на который возлагали большие надежды обе стороны. Те, кому было предложено выступить в защиту партии и комсомола, продумывали содержание своих речей.

А процесс со дня на день откладывался. Прокуратура с помощью дефензивы подбирала новые обвинения.

«ПРОЦЕСС СТА ТРИДЦАТИ ТРЕХ»

Наконец было объявлено, что суд начнется в апреле 1928 года. И вот настал этот день — 17 апреля. Вся тюрьма провожала их песней «Смело, товарищи, в ногу...». После многомесячного пребывания взаперти Вера впервые оказалась за воротами тюрьмы.

Расстояние до здания суда было невелико — всего около трех километров. Но каким удивительным, необыкновенным был этот путь для людей, изголодавшихся по воле! Над головой светило солнце. Ярко-голубое небо приобрело какую-то сказочную объемность. По обочинам шоссе настойчиво пробивалась молодая зеленая трава. От соснового леска, окаймлявшего шоссе, шел пьянящий запах хвои.

Кортеж от тюрьмы до здания суда двигался медленно. В голове его — машина с офицерами полиции, замыкала колонну грузовая машина с полицейскими, вооруженными пулеметом, а по бокам друг за другом трусили конные полицейские с карабинами.

Когда Вера увидела открывшийся перед ней простор, у нее захватило дыхание. Как и чем выразить свои чувства? Только песня в состоянии передать то, что переживает человек в минуты такого душевного подъема.

— Вихри враждебные веют над нами...

Голос Веры звучал сильно. Подруги подхватили...
Полицейские заорали:

— Молчать! Прекратить! Запрещаем!

Но их голоса бессильно тонули в звуках могучей песни. Ее пели уже во всех тюремных машинах. Когда начался пригород Белостока, песня усилилась...

Суд начался обычной нудной процедурой. Дня три секретарь читал обвинительное заключение — увеспи-

стый том. Содержание этого произведения юристов было известно заключенным уже давно, поэтому секретаря никто не слушал. Да и сами судьи только делали вид, что слушают.

Подсудимые тихо перешептывались, перебрасывались записками, смотрели в окна, которые радовали глаз уже тем, что на них не было решеток. По рукам пошли карикатуры на судейских чиновников, прокурора, полицейских.

Больше всего карикатур было на прокурора Зубелевича, грузного, с тяжелым, массивным подбородком, с красным лицом. До Октябрьской революции — вице-прокурор Московской судебной палаты по политическим делам, в годы гражданской войны был в услужении то ли у Деникина, то ли у Колчака. Говорили, что он попался в руки красноармейцев, но каким-то чудом спасся. Впоследствии Зубелевич стал верным слугой фашиста Пилсудского. Все революционное, прогрессивное вызывало у него ненависть, а вид заключенных коммунистов — приступы бешеной злобы.

Начался допрос подсудимых.

— Что обвиняемый скажет в свое оправдание? — задает судья стандартный вопрос.

Когда очередь дошла до Веры, она решительно заявила, что обвинения, выдвинутые против нее как секретаря ЦК комсомола Западной Белоруссии, ложны. Комсомол не шпионская организация. Комсомол — это политическая организация рабоче-крестьянской молодежи. Она воспитывает молодежь и организует ее на борьбу за экономические, политические и национальные права. Комсомол ведет свою антимилитаристскую борьбу и в буржуазной армии, состоящей из рабоче-крестьянской молодежи. В тесном союзе рабочие и крестьяне свергнут правительство фашистской диктатуры и установят диктатуру пролетариата...

Лицо прокурора стало малиновым. Председатель прервал ее:

— Обвиняемая, прекратите агитацию, говорите только о себе, иначе я лишу вас слова.

— Защищая комсомол, — возразила Вера, — я тем самым защищаю и себя как секретаря ЦК комсомола. Фашистская клевета на нашу организацию должна быть разоблачена...

— Обвиняемая, я лишаю вас слова...

Обстановка в суде особенно накалилась, когда начался допрос свидетелей обвинения. Вот в зал вошел высокий молодой человек. Не поднимая глаз на окружающих, он, поминутно сбиваясь, стал давать ложные показания. Со скамей подсудимых полетели злые, хлесткие окрики:

— Провокатор! Иуда! Сколько тебе заплатили?

Еще больше ссутулившись, провокатор переступал с ноги на ногу, не осмеливаясь взглянуть в сторону тех, на кого клеветал. И без того запутавшись, он понес сплошную околесицу, когда адвокаты повели перекрестный допрос. Окончательно сбившись, предатель мямлил что-то невнятное, и судья не мог выручить его даже наводящими вопросами.

Зал гневно гудел. То с одной, то с другой скамьи летели едкие реплики.

Зал клокотал, и провокатора Гурского отпустили.

Еще больший протест вызвал допрос свидетелей обвинения — офицеров дефензивы Козловского и Снарского. Когда они появились в зале заседаний, возмущенные подсудимые вскочили и закричали:

— Вон палачей!

— Убийцы!

— Ваши руки в крови! Прочь отсюда, гады!

Для такого протеста были веские основания. После массовых арестов в пригороде Белостока — Петрашах и в городе Бельске были устроены специальные лагеря, в которых «обрабатывались» арестованные. Козловский и Снарский, изопряясь там в пытках, добивались удобных им показаний. Они до смерти замучили коммуниста Яна Петрачука, отбив ему легкие.

— В шею палачей! Смерть кровопийцам!

— Долой дефензиву!

Судья кричал, угрожал. Когда же увидел, что не в силах унять разгневанных арестованных, то приказал полиции силой удалить всех из зала. Заседание было прервано.

Шли дни, недели, процесс продолжался, то и дело прерываемый подсудимыми. Трудно было определить, кто здесь сильнее — судьи или подсудимые.

Наконец начался завершающий период суда — последнее слово заключенных.

— Что обвиняемый просит? — нарочито подчеркнуто произнес судья слово «просит».

А тюремный партийный комитет решил: подсудимые ничего не должны просить. Они могут требовать или с презрением отказываться от всяких просьб к суду. Те, кто объявил о своей принадлежности к партии, должны еще раз использовать трибуну суда для защиты партии от клеветы.

Судья вызвал высокого кудрявого, симпатичного парня. Это был молодой рабочий, уже прошедший хорошую революционную школу. Шел он нарочито медленно. Его медлительность завинчивала прокурора. Блюститель фашистской законности густо покраснел.

— Чего обвиняемый просит? — сдерживая раздражение, спросил он.

Парень улыбнулся, хитро прищулив один глаз, и сказал:

— Если не виновен, то просить не о чем, если виновен, то просьба не поможет...

В зале началось веселое оживление. А парень иронически поклонился и так же медленно, невозмутимо пошел на свое место.

Друг за другом к месту допроса подходили подсудимые и коротко заявляли:

— Не виновен. Ничего не прошу.

— Ничего не прошу.

— От последнего слова отказываюсь.

Затем вызвали Роману Вольф.

Это была уже опытная подпольщица. За ее плечами — богатая большими событиями жизнь. В 1915 году ее семья была сорвана войной с места и заброшена на юг Украины. Еще совсем молоденькая девушка связалась там с большевиками-подпольщиками и в 1916 году вступила в партию. Активно участвовала в Октябрьской революции на Украине. В годы гражданской войны была секретарем Харьковского и Гомельского подпольных комитетов партии, заместителем и начальником политотдела дивизии. После войны работала в ОГПУ.

События на ее родине, в Польше, не давали ей покоя. Краковское восстание 1923 года Романа встретила с восторгом, тяжело переживала его подавление и наступившую затем реакцию.

— Я должна быть там,— не раз говорила она Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому.

— Вам и здесь хватает работы,— отвечал он.

— Нет, мое место там, среди трудящихся Польши. И именно сейчас, когда там так тяжело. У меня есть опыт подпольной работы. И в конце концов я оттуда родом, я должна быть там.

Дзержинский уступил ее настоянию:

— Хорошо, езжайте.

Роману Вольф направили в Западную Белоруссию, где еще полыхал огонь партизанской борьбы. Там она возглавляла Вильненский, Белостокский, Брестский окружные комитеты партии. В Бресте ее и арестовали. Вместе с Верой одновременно она проходила по «процессу тридцати одного». Опытная, политически образованная коммунистка, «Елена» оказывала огромное влияние на Веру. Все ее советы Вера принимала как обязательные.

Об одном жалела Вера: «Елена» была несколько замкнута, и не всегда ее можно было вызвать на обстоятельный разговор. Особенно не любила она делиться воспоминаниями. А сколько интересного знала!

...Судья спросил «Елену»:

— Что обвиняемая просит?

— Я ничего не прошу,— решительно заявила она.— Я требую прекратить клевету на коммунистическую партию, единственную защитницу трудового народа!

— Я лишаю вас слова! — закричал судья.

— Затыкая мне рот, вы не скроете правды. Весь мир теперь увидит, что коммунисты не террористы и диверсанты, а политическая партия рабочих и крестьян!

Полицейские уже приближались к ней, а она продолжала:

— Наша партия рождена самим народом, и вам ее не убить, как не убить народ!

Романе Вольф затыкали рот, а она под одобрительный гул подсудимых продолжала призывать к революционной борьбе.

Дошла очередь до Николая Орехово. Он начал говорить. В зале царил настороженный тишина. Подсудимый рассказал, как дефензива засылает в компартию провокаторов, и, чтобы оградить себя от них, коммунисты иногда в порядке самозащиты вынуждены

уничтожать предателей. Так, в частности, было с Гуриним¹.

Судья прервал Николая Орехво и пригрозил ему удалением из зала. А он стал излагать политику партии по национальному и крестьянскому вопросам.

— Удалить из зала! — приказал судья.

Полицейские схватили Орехво под руки и потащили его к выходу. Тогда подсудимые женщины по команде Веры сомкнулись с мужчинами в проходе, образовав плотную пробку. Полицейские толкали Орехво вперед, а Вера, Люба и другие уцепились за него и тянули к себе с криками:

— Не пустим! Руки прочь, полицейские собаки!

Пиджак на Орехво начал трещать. Отлетел рукав, на спине расплзался шов, полетели пуговицы.

— Не пустим! Прочь!

Наставив на него штыки, полицейские все же вывели Николая Орехво из зала. Вера вскочила на скамейку и крикнула:

— Товарищи, мы должны протестовать против насилия! Предлагаю всем выйти отсюда!

Неслыханный в стенах суда бунт! Судья позеленел, с прокурором чуть не случился удар. Полицейские заняли позиции у окон: как бы арестованные не бросились бежать. Прокурор начал шептаться с судьей. После минутного замешательства, когда все подсудимые уже встали со своих мест, судья объявил:

— Кто солидарен с крикунами, пусть выйдет. Остальные пусть останутся.

Этот хитрый маневр был рассчитан на то, чтобы оторвать руководящее ядро заключенных от основной массы, изолировать его и судить особенно строго, а сам этот факт использовать для пропаганды: дескать, коммунисты не пользуются поддержкой у народа.

Но маневр не удался. Начался общий крик, сумя-

---

¹ Исключенный из Коммунистической партии Западной Белоруссии в 1925 году, Гурин (Морозовский) пошел на прямое сотрудничество с полицией, стал платным провокатором. Он выдал полиции многих революционеров. 16 марта 1928 года член КПЗБ С. А. Клинецвич застрелил провокатора, за что был приговорен польским буржуазным судом к пожизненному заключению. В 1932 году вместе с другими видными деятелями КПП и КПЗБ прибыл в Советский Союз.

тица. Подсудимых окружила огромная толпа. К ней примкнули даже те, кто вначале было заколебался.

Процедура заключительного слова закончилась, и наступил длительный перерыв в судебных заседаниях. Подсудимые сидели в тюрьме и ждали. Почти каждый знал, что его ожидает в ближайшем будущем. Лишь немногим, уже отсидевшим по полтора — два года, предстояло вскоре выйти на волю. Большинству уготовано было длительное и строгое тюремное заключение.

В конце мая в последний раз всех повезли в здание суда. Читали приговор.

Вера Хоружая, Романа Вольф получили по восемь лет строгого тюремного заключения, Любовь Ковенская — семь лет. Такой же приговор был вынесен и многим другим революционерам.

Слушали его стоя, в мертвой тишине. Все сосредоточены.

Не только заключенные, но и полицейские чувствовали исключительную напряженность момента. Зал охранял удвоенный конвой. У полицейских ремешки фуражек под подбородком, они в боевой готовности.

Произнесена последняя фамилия заключенного. Тишину пререзал возглас:

— Долой фашистское правительство!

И сразу же грянул «Интернационал». Пели по-польски. Полицейские врзались в ряды, хватали запевал, закрывали им рты, били прикладами. А боевая песня гремела и гремела, приглушаемая в одном месте и подхватываемая в другом. Трещали под напором борющихся тел прочные судейские скамейки. Арестованные выкручивались, освобождали рты и продолжали петь. Песня была их могучим оружием.

Полицейских было больше, и они растащили избитых осужденных по разным комнатам, надели наручники, а потом вывели поодиночке и затолкали в машины, чтобы отправить в тюрьму.

Так закончился «процесс ста тридцати трех», закончился большой моральной победой коммунистов. Трудящиеся многих стран мира знали о мужественном поведении на суде, об их стойкости и самоотверженности.

Больше всех радовались и торжествовали сами осужденные. Вернувшись в свою камеру, Вера села писать на волю.

«...во все время процесса мы были крепко организованной, сплоченной, бурлящей энергией массой. Все выступления говорили о нашей несокрушимой силе, готовности бороться дальше, дышали презрением и ненавистью к ним, неустрашимостью и безграничной преданностью делу.

И это в то время, когда каждое слово грозило новым годом тюрьмы... Но кто об этом думал! Нам затыкали рот на каждом третьем слове, прерывали и переходили «к порядку дня». Но зато как они дрожали и бледнели во время наших демонстраций. А для нас это были минуты высочайшего, незабываемого наслаждения»¹.

«...Остается прибавить немного, но, пожалуй, самое прекрасное: мощный «Интернационал» осужденных под градом ударов полицейских. А затем (запомни, друг, картинку) — растрепанные волосы, изорванная одежда, синяки и ссадины на лицах, на всем теле...

И могучая, победная, грозная песня через окно черной тюремной каретки, через штыки полицейских в широкие улицы насторожившегося и с угрозой притихшего городка...»²

Находясь в заключении, под дулами вражеских карабинов, группа коммунистов смело бросила вызов палачам, и те оказались беспомощными против безоружных людей, против их крылатой песни. Враг морально раздавлен. Какая радость — быть в числе смелых и гордых духом, в числе победителей!

«Мамочка,— взволнованно писала Вера после процесса,— ты хочешь моего счастья, так чего же ты плачешь, когда я счастлива? Да, мама, я не лгу, а искренне говорю тебе то, что глубоко чувствую. Я счастливая, такая счастливая, каких есть, наверное, мало. Разве это не наивысшее счастье, какое только может быть: жить и бороться, бороться с беспредельною верою в победу, отдавать любимой работе и борьбе все силы, всю душу, все нервы, быть молодой, иметь много дорогих и любимых друзей.

Да разве это все, что я имею? Вот видишь, мамочка,— это не пустые слова, найдется много людей, которые мне позавидуют»³.

¹ Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 94.

² Там же, стр. 95—96.

³ Там же, стр. 96.

После процесса Вера и ее подруги готовились к разлуке. Скоро их должны развезти по разным тюрьмам. Это и огорчало, и радовало. Тяжело было расставаться с товарищами, с которыми так много сделано на свободе и так много пережито во время суда. Но за три года осточертела камера, хотелось сменить место.

Учеба на время была заброшена. Только художественная литература, переданная заботливыми товарищами с воли, была в ходу. И письма. Вера писала и писала всем, кого знала, кому могла доверить свои чувства.

Настроение менялось: то бодрое, восторженное, то вдруг навалится на всех тоска, и люди молчаливо снуют взад и вперед по камере, бесцельно перелистывают книги, сидят, уставившись в одну точку, — кажется, что вот здесь, на длинном столе среди камеры, лежит покойник.

Периоды такой общей тоски наступают не без причин. То после короткого пребывания на воле в камере снова появляется одна из подруг, многие годы отсижившая здесь. То из мужского корпуса приходило сообщение, что тяжело заболел туберкулезом старый рабочий — уважаемый человек среди заключенных. То заболел двухлетний Владик — любимец всей камеры, сын подруги Веры по камере. Он еще ни разу в жизни не был за стенами тюрьмы и не знал, как это можно бегать по улице и играть со своими сверстниками.

Вера тихонько запевала что-нибудь задушевное, протяжное, вроде русской песни о ямщике, замерзающем в степи. Постепенно мотив подхватывали все в камере. Но грозный окрик за дверью: «Прекратить петь!» — душит песню.

А иногда в самый острый момент всеобщего уныния Вера неожиданно громко начинала читать бодрые, веселые стихи советских комсомольских поэтов. Все прислушивались, и на лицах появлялась улыбка. А когда из ее памяти выпадали какие-то строки стихов, подруги помогали восстановить их.

Ночью за окном гудел и выл ветер, глухо стонала земля. Казалось, неистовая буря в злобе выворачивает с корнем деревья, крошит стены тюрьмы, уничтожает все, все. Узники долго не могли уснуть. В такие минуты верится в чудеса: вот под напором ветра рухнут стены, отгородившие заключенных от всего мира, и свободные люди смело шагнут через руины. А знаменем им послу-

жит багрянец, которым пламенело небо сквозь тюремное окно после заката солнца...

В тревожном сне, как струны, натянуты нервы. Ушицы не чувствуют отдыха.

И вот разлука. Вызвали с вещами в канцелярию. Короткий осмотр. Сзади стукнула дверь. Вера оглянулась. Ввели Николая Орехво. Она рванулась навстречу ему, но стоявший рядом полицейский не пустил. Началось оформление документов. Затем к Орехво подошел полицейский с наручниками:

— Руки!

Николай заложил их за спину, резко ответил:

— Я протестую! Если вы посмеете надеть мне наручники силой, я подниму скандал на улице!

— Мы не уголовники, чтобы нас держать в наручниках! — поддержала его Вера.

Полицейские замаялись, потом один из них, старший, сказал:

— Хорошо, наручники надевать не будем. Но при малейшей попытке к бегству стреляем без предупреждения...

Это было почетное отступление. Оно устраивало заключенных.

Веру и Николая посадили в тюремную машину и повезли на вокзал. По пути она спросила:

— Есть у тебя продукты и деньги?

Денег у него не было, а продуктов на дорогу не давали.

— Придется некоторое время быть на пище святого Антония, — отшутился он.

На вокзале их разлучили. Веру посадили в женскую арестантскую комнату, Николая — в мужскую. Через некоторое время дежурный полицейский принес Николаю пакет с продуктами.

— Из женской арестантской комнаты передали, — сообщил он.

Какими словами отблагодарить ее, чуткую, заботливую, за дружеское участие, за последний кусок хлеба, которым в трудную минуту она поделилась с ним? Вот это товарищество! Слова благодарности тут излишни. Ее повезли в одну сторону, в женскую тюрьму «Фордон», а его — в другую, в Варшаву, в тюрьму «Моко-тув».

В ТЮРЬМЕ «ФОРДОН»

Кажется, на самом краю света прилепилось захолустное местечко Фордон. Сонные улицы с острыми черепичными крышами домов, такие же сонные, мало-подвижные набожные обыватели, тишина кругом. Тюрьма да костел выделяются на общем сером фоне. Тихая, прозрачная Висла медленно, неторопливо извивается недалеко от тюрьмы. Сколько воды унесет она в холодную Балтику, пока Вера будет сидеть за стенами фордонской тюрьмы?

Поместили в одиночку. Это самое тяжкое наказание, какое только можно придумать для человека с общительным характером. Мертвая тишина. Сиди и думай. Думай и сиди. Лишь в установленный час в оконце двери заглядывает надзирательница, чтобы передать баланду. И самое светлое, радостное время суток — двадцатиминутная прогулка по тюремному двору в кругу таких же, как она, заключенных. С какой жадностью, с какой радостью всматривается Вера в лица своих подруг по заключению!

Охрана не разрешает разговаривать. Ходи и ходи по кругу, как лошадь на току у конной молотилки, и никуда не сворачивай с протоптанной ногами заключенных дорожки.

Но они все равно разговаривали, тихонько передавали друг другу тюремные новости и небольшие комочки хлеба с сунутыми в них записками. Здесь сидели люди, уже имевшие большой стаж подпольной работы, прошедшие другие тюрьмы. Опыт помогал им и в таких условиях устанавливать контакт с волей.

До чего же коротки эти двадцать минут прогулки! С огромным нетерпением ждут их заключенные, а они пролетят в одно мгновение, не успеешь ни надышаться свежим воздухом, ни насмотреться на людей.

А с воли все реже и реже поступали новости. Тюрьма находилась на строгом режиме, заключенным разрешалось одно свидание в два месяца, одно письмо в неделю — полторы. Создавалось впечатление, что жизнь остановила свой бег.

Если бы Вера не умела держать себя в руках, она заболела бы от тоски. Но ее железная воля, богатая фантазия помогли приспособиться к тяжелому режиму.

Просыпаясь, всякий раз радостно улыбалась про себя: вот и еще один день прожит, еще на один день приблизилась свобода. Сделав зарядку и умывшись, бралась за книги.

Много ей надо еще учиться. Столько чудесных книг — польских, русских и белорусских — она еще не прочитала! История, экономика — целые миры еще не открыты. Да и языки надо совершенствовать, особенно польский. На очереди философия. Некогда скучать, надо учиться. На воле трудней будет урывать время для занятий.

На прогулке Вере передали, что комсомолку Катю Кныш скоро освободят. Пять лет отсидела она в тюрьме за подпольную комсомольскую работу. Скоро выйдет за ворота тюрьмы, увидит друзей, продолжающих борьбу на ее родной Львовщине, и сама снова включится в подпольную работу. Уже сейчас девушка мечтает об этом времени.

Вместе с ней мечтала и Вера. Перед ее мысленным взором предстал родной Минск, боевые, славные комсомольцы, и ее неудержимо потянуло написать им. После прогулки, разрезав тонкую, мягкую папиросную бумагу на узкие полоски и остро заточив карандаш, она села писать:

«Дорогие, родные товарищи, любимые братья мои! Из далекого уголка фашистской Польши через решетчатое окошечко каторжной тюрьмы пламенно приветствую вас в день радостного праздника — комсомольской годовщины».

Годовщина еще не скоро, но пока девушка выйдет на свободу, пока она окольными путями переправит Верино письмо комсомольцам Минска, пройдет немало времени. И как раз это будет канун праздника молодежи¹, самого яркого праздника в жизни Веры.

«Пять долгих лет уже отделяют меня от вас, — с волнением продолжала она выводить на тонкой папиросной бумаге. — Но этот день не потерялся среди других дат...

О нет! Что ни год — все равно, на свободе или в тюрьме, — у меня в этот день был особенный праздник.

Товарищи мои родные, милые, как сказать вам, что

---

¹ Речь идет о десятилетии комсомола Белоруссии.

я чувствую, что переживаю теперь, когда пишу вам, что буду переживать в день годовщины союза?!

Сижу я в своей одиночке, мне светит мерцающая свечка, а вокруг меня стены, снова и снова стены, тишина и ночь...

Пишу вам — и грудь разрывается от боли безмерной, от большой радости. Я с трудом сдерживаю слезы, а далекие, незабываемые образы один за другим проходят перед глазами: комсомольская ячейка... первые кружки, учеба, могучий рост.

Комсомол, комсомол! Не пять, а пятнадцать, пять-десять лет бессильны вырвать из моей памяти эти воспоминания, бессильны заставить меня забыть о том, что комсомол сделал меня большевичкой, воспитал, закалил, научил не только бороться, но и любить революционную борьбу больше всего, больше жизни.

Поэтому день годовщины — для меня большой и радостный праздник. Всею душой хочу я, чтобы мой голос привета и великой любви к вам прорвался через стены и решетки острога, через сотни верст, отделяющие меня от вас, через границы, чтобы долететь до вас и сказать, что никакие тюрьмы, никакие границы не могут разлучить комсомольцев.

Примите же, дорогие товарищи, мой привет и знайте, что и в цепях фашизма я остаюсь комсомолкой.

Так надо ли вам говорить, что фашистский приговор — много лет тяжелого заточения — я приняла с гордо поднятой головой и с «Интернационалом» на устах, что все приговоры, побои, издевательства и угнетения не только не могут сломить меня, но являются новыми, могучими источниками революционной энергии? Надо ли сказать вам, что годы заточения — это годы неустанной работы над воспитанием, укреплением и подготовкой десятков членов партии и комсомола к новым боям, к борьбе на всю жизнь? Надо ли уверять вас, что я отсижу свой срок, ни на минуту не теряя бодрости, не забывая, что я — воспитанник ленинского комсомола, что выйду я из тюрьмы на целую голову выше, с морем энергии, бодрости, любви к революционной борьбе в груди, что со всем этим багажом и новой, во сто раз сильнейшей энергией ринусь в новую борьбу, борьбу до победы.

Товарищи мои родные! Какое огромное счастье быть комсомольцем!..

В этот день вместо тюремной одиночной камеры я буду видеть великую славную комсомолию, широкие улицы, до краев наполненные стальными шеренгами молодых демонстрантов, вместо тишины буду слышать громовые раскаты «Молодой гвардии», буду не одна, а среди тысяч, десятков тысяч, ничем не отделенная, не отгороженная, буду с вами, среди вас...

Всегда ваша, всегда комсомолка Вера Хоружая»¹.

На следующей прогулке это письмо, аккуратно сложенное, Вера передала Кате.

— Прошу тебя, сделай все, чтобы оно дошло по назначению,— тихо сказала она.— Для меня это очень, очень важно.

— Сделаю, все сделаю, что только смогу,— заверила Катя.— Даже больше, чем смогу... Товарищи помогут.

Вернувшись в свою камеру, Катя осторожно оторвала нижнюю часть каблука туфли, вырезала там отверстие и, уложив в него Верино письмо, заколотила каблук. Через пять дней Катя Кныш уже шагала по Варшаве. А еще через десять дней письмо пришло по указанному Верой адресу. С волнением читали и перечитывали минские комсомольцы пламенные слова Веры Хоружей.

В начале ноября 1928 года в камеру вошла старшая надзирательница:

— Хоружая, собирайте свои вещи.

От неожиданности сердце заколотилось. «Куда? — мелькнул вопрос. — Неужели в другую тюрьму?»

Спрашивать в таких случаях не положено, да и бесполезно — все равно не ответят. Молча собрала свое немудреное хозяйство:

— Я готова.

Вышли из камеры. Направились не вниз, в канцелярию, а вдоль коридора, к общим камерам.

— Здесь будете находиться. Предупреждаю, при нарушении порядка снова верну в одиночку. Слышите?

Вера ничего не ответила.

Она жадно всматривалась в лица своих новых подруг по заключению. Четыре человека — и девушки, и уже немолодые женщины. Серые, болезненные лица. Значит, давно сидят. Как истосковалась она по живым

---

¹ Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 107—109.

людям! Привыкнув к массовкам, собраниям, к непрерывному вращению в людском потоке, а затем оторванная от всего мира камерой-одиночкой, сильнее всякого голода чувствовала она одиночество. Теперь-то уже можно будет отвести душу!

Правда, коллектив небольшой, но уже можно и поговорить, и песню тихонечко спеть, и радостями поделиться. Конечно, для свободного человека тюремные радости показались бы крохотными, но по закону диалектики все зависит от условий, места и времени.

Однажды, выглянув в окно, Вера увидела, как из канцелярии вышла девушка. Это была Маруся Давидович, Верина подруга. Они прошли одну школу жизни, школу ленинского комсомола. И вот судьба свела их снова. Быстрым взглядом Маруся пробежала по окнам.

В радостном волнении Вера замахала руками. Маруся тоже подняла руки, будто собираясь взлететь к решетчатому окну, в котором белели Верины кудри. Но надзирательница грубо прогнала ее в тюремный корпус.

С нетерпением ждала Вера следующей прогулки. Когда их выводили, открылась и соседняя камера. Из нее вышла Маруся. Вера бросилась к подруге на шею и поцеловала ее:

— Ты здорова? Чувствуешь себя хорошо?

В первое время радость комом душила горло. Потом посыпались вопросы. Бесчисленное множество вопросов. Хотелось сразу же узнать, все, все. И вдруг неожиданный окрик:

— В камеры!

Как быстро пролетело время прогулки! Казалось, только вышли и снова на целые сутки в сырую, темную камеру.

Когда смеркалось, Маруся услышала, как щелкнул замок, дверь открылась и в камеру впорхнула Вера.

— Как хорошо, что мы опять вместе!

— Как это тебе удалось?

— Упросила надзирательницу! Сегодня в коридоре дежурит пожилая и не очень злая женщина. Пустила к тебе на вечер. Я так просила ее. В нашем распоряжении целая вечность. Ну расскажи, что нового в Белостоке, в Вильно?

Не успела Маруся ответить, как Вера перебила ее новыми вопросами:

— Как живут Ажгирей, Александрович, Чарот?

Каждый из белорусских поэтов был ей близок и дорог. Их стихи освежали ей душу в тюрьме.

— Когда ты в последний раз читала «Правду»? Что там написано?

— А кто такой Валентин Тавлай? — поинтересовалась она западнобелорусским поэтом-подпольщиком. — Я слышала уже здесь, в тюрьме, его стихи. Как он пишет? Он на свободе еще, не арестован? Что нового написали Фадеев, Gladков? Какой последний советский фильм ты видела?

Маруся не успевала отвечать. Перед арестом она работала в Белостоке. Секретариат ЦК Компартии Западной Белоруссии вызвал ее в Варшаву. Когда на рассвете она вышла из вагона, сразу же возле Варшавского вокзала ее схватили агенты дефензивы и втолкнули в машину. Проезжая по улицам Варшавы, в решетчатое окно Маруся видела огромные афиши, извещавшие, что в кинотеатрах идет советский фильм, поставленный Пудовкиным, «Буря над Азией» («Потомок Чингис-хана»). Этот фильм она мечтала увидеть, приехав в Варшаву. И вот сорвалось. «Не могли арестовать хотя бы на несколько дней позже, — злилась она тогда. — Хоть бы фильм успела посмотреть». Ведь в Белостоке она, подпольщица, не могла ходить в кино. Об этом Маруся и рассказала Вере. А та заразительно хохотала.

— Какие они несознательные, эти жандармы! — подшучивала она. — Ничего. Вернемся домой и обязательно найдем, где идет этот фильм и посмотрим его. Даже если он к тому времени попадет в архив.

Обнявшись, они просидели часов пять. И не заметили. Надзирательница открыла дверь:

— Хоружая, на место!

Оборвалось радостное свидание с подругой. Опять начались будни. Но с того дня Вера стала часто встречаться с Марусей.

В подвале тюрьмы «Фордон», под канцелярией, находилась прачечная. Через каждые две недели здесь два дня клубился пар. Шесть женщин стирали белье всех заключенных.

Это было место заседаний тюремного парткома, место передачи сообщений из камеры в камеру и полученных с воли, место встреч старых подруг.

Белья набиралось немало для шестерых прачек. Ведь тюрьма всегда была заполнена до отказа. Гудела, урчала вода в больших котлах. Там кипятилось белье. В полумраке подвала корыта вспухали сизой пеной. Проворные руки заключенных усердно терли белье.

Кажется, что может быть мрачнее этого места! А женщины хохочут, поют песни, читают стихи.

Вера страстно любила поэзию, понимая ее и умом, и сердцем. К тому же и память легко, прочно удерживала много, много стихов, прочитанных не только в зрелом возрасте, но и в детстве. Музыка слова очаровывала ее.

Особое пристрастие питала Вера к белорусской поэзии. Она знала чуть ли не все, написанное Максимом Богдановичем, десятки стихов Янки Купалы, своего друга Анатоля Вольного (Ажгирея), Андрея Александровича, Михася Чарота.

И то, что когда-то воспринималось отвлеченно, как аллегория, приобретало здесь, в тюрьме, конкретный, определенный и глубокий смысл.

— Помнишь, Марусенька, как писал Богданович? — спрашивала Вера, наклонившись над корытом и снуя проворными руками в облаке мыльной пены. — Вот слушай:

Беларусь, твой народ дачакаецца
Залацістага, яснага дня.
Паглядзі, як усход разгараецца,
Колькі у хмарках залётных агня...

Это же к нам обращается Богданович! Будто сегодня написано.

А много стихов выпало из памяти, стерлось со временем. Тогда восстанавливали коллективно, строка за строкой. Полностью вспомнили «Евгения Онегина» Пушкина, «Железную дорогу» Некрасова, «Думку» Купалы, «Мцыри» Лермонтова и много других стихов и поэм. Начинали в прачечной, продолжали и кончали в камерах и на коротких прогулках.

В прачечной получали и передавали из камеры в камеру газету «Правда». Друзья с воли пересылали ее обычно в тщательно заделанных кусках мыла. Прошедшая множество рук на воле, бережно хранимая газета путешествовала по всем камерам, где сидели политические заключенные, вселяла в них бодрость и веру в луч-

шее будущее. Вряд ли те, кто писал статьи, информации, корреспонденции в «Правду», предполагали, какие чувства вызовут их порой совсем скромные, обычные материалы. В условиях каторжной тюрьмы слово «Правды» получало особое звучание.

Обычно партийный комитет решал, кто должен идти стирать белье. Это была единственная легальная возможность для встречи заключенных без посторонних наблюдателей.

Узницы работали очень усердно, чтобы образовался хотя бы небольшой перерыв между стиркой и кипячением белья. В этот промежуток и проходили заседания парткома.

Вера была членом партийного комитета и принимала активное участие в общественной жизни тюрьмы. Не было таких дел, к которым она не была бы причастна.

В прачечной на заседании парткома обсуждали, как провести праздник Великой Октябрьской социалистической революции. С воли передали указание партийного центра: политические заключенные должны устроить демонстрацию применительно к своим условиям. Вера предложила: всем политическим узникам в этот день прикрепить к одежде красные бантики, петь «Интернационал».

7 ноября было пасмурно. В камерах сумрачно.

В этот день проверять прогулку пришел сам начальник тюрьмы Рынкевич. Предварительно заглянув в камеры и увидев красные бантики, злобно закричал:

— Лишаю прогулки!

И тут же из всех камер раздался могучий «Интернационал». Рынкевич топал ногами, махал кулаками:

— Не позволю! — Но видел перед собой только широко открытые рты, из которых лились звуки «Интернационала».

Сонный городишко, стряхнув с себя дрему, чутко прислушивался к песням в тюрьме. Возле мрачного здания, обнесенного высокой каменной стеной, со сторожевыми башнями, уже собралась толпа любопытных. То и дело слышались реплики:

— Вот молодцы женщины!.. Слышишь, как смело поют...

— Отчаянные... Революционерки. Коммунистки. Начальству в рот не смотрят.

— Вот бы затянуть и здесь «Интернационал»...

— Ну затяни, живо в дефензиву угодишь.

— Не так черт страшен, как его малюют...

Молодой голос подхватил гимн рабочих, глухо доносившийся из-за тюремных решеток. Пела вся тюрьма, и как эхо песня зазвенела на воле... А начальник тюрьмы бегал из камеры в камеру...

Веру посадили в карцер. В соседний втокнули Марусю. Весь подвал заполнен. Оттуда несутся возгласы: «Долой фашистский тюремный режим!» Вот и Верин голос: «Долой фашистскую диктатуру! Да здравствует Советский Союз!»

Пусть праздник проведен в стенах сумрачной камеры, пусть не было здесь ни шелестящих знамен, ни многотысячных колонн,— Вера торжествовала: прошел он с пением «Интернационала», и эхо мощного пролетарского гимна разнеслось по городку. В день праздника трепетал жестокий начальник тюрьмы.

Коммунисты всегда остаются коммунистами.

Из тюрьмы Вронки дошла весть: протестуя против нового тюремного режима, урезавшего и без того кучье права политических заключенных, все узники объявили голодовку.

На прогулке Вера предложила:

— Поддержим товарищей...

Согласились единодушно.

К похлебке в тот день никто не притронулся. Тогда администрация тюрьмы попыталась кормить силой. Узники подняли шум, били табуретками в дверь и стены, стучали ногами. Охрана бросалась из камеры в камеру.

Вера подбадривала товарищей, издевалась над бессилием тюремной администрации:

— И за что вас паны хлебом кормят! Таких неповоротливых холуев надо со службы гнать поганой метлой!

— От панских объедков отяжелели! — поддержала ее Софья Панкова, которую заключенные знали как «Антонину».

А когда надзиратели ушли, «Антонина» попросила:

— Вера, прочитай еще «Комсомолию».

Встав у стола так, чтобы видеть всех подруг, Вера читала взволнованно, вдохновенно:

Мы вырастем! Мы будем, будем
Растить опять и вповь расти,
Чтоб солнце потерявшим людям
Быть вправе указать пути.
И смерть ведь не поставит точки
Делам сегодняшних людей!
Ах, Комсомолия, мы почки
Твоих раскидистых ветвей!
Так совершай свой путь, о солнце!
Плывите через нас, года!
Я буду сед,— но комсомольцем
Останусь, юный,
На всегда!

— Удивительно, как хорошо написано! — восхищалась Вера вслух, закончив читать поэму и все еще находясь во власти ее образов и мыслей. — Какой молодчина Александр Безыменский, что написал такую вещь!

— А теперь что-нибудь белорусское! — предложила «Антонина». — Ты же знаешь так много стихов!

— Что ж, можно и белорусское.

В камере вспыхнул тусклый электрический свет. Начался один из тех вечеров, которые назывались литературными. Поправив повязку на глазу (у нее попеременно болел то один, то другой глаз), Вера читала:

Разгарайся хутчэй, мой агонь між імглы,—
Хай цябе шум вятроу не пужае:
Нагашаюць яны аганёчак малы,
А вялікі хутчэй раздуваюць.

— Это написал чудесный белорусский поэт Максим Богданович. А сейчас послушайте Светлова:

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.
Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна...

Кончив стихотворение, замолкла, а потом, присев на край нар, задумалась. Все молчали, отдавшись своим мыслям.

— Да,— тихо проговорила «Антонина». — В каждом братстве больших могил похоронена наша Жанна. Именно не французская Жанна д'Арк, а наша, современная белорусская Жанна. А сколько еще девушек отдадут свою жизнь революции...

— Это верно,— согласилась Вера.— Отдадут, ни на минуту не задумываясь. Зато с какой благодарностью вспомнят нас потомки — счастливицы, которые будут жить при коммунизме. А впрочем, я им не очень завидую. Что может быть сильнее радости битвы и победы над классовым врагом! Наши потомки такого не испытуют и будут завидовать нам, поверьте мне.

Взволнованная, она схватилась за сердце. Оно все чаще и чаще давало о себе знать. Вера никому не признавалась, что с сердцем у нее неладно. Лишняя жалоба — испорченное настроение у товарищей. Хорошее настроение заключенных нельзя растранижировать. Тем более, что врача все равно никто не пришлет и в больницу не положат.

ДРУЖБА ПОДРУГ БОЕВЫХ

Вот уже много месяцев лежит, не вставая, Екатерина Кнопва, старая польская революционерка, краковская работница. Четыре года она отсидела в тюрьме за участие в вооруженном Краковском восстании 1923 года. Вышла на свободу и снова включилась в профсоюзную работу. Фашисты схватили ее и бросили в заключение еще на четыре с половиной года. Здоровье пятидесятилетней женщины не выдержало строгого тюремного режима.

Как о родной матери, заботились о тете Кате Вера и ее подруги. Ночью едва смыкали глаза. Малейший шорох — и кто-нибудь уже у постели больной:

— Может, что-нибудь нужно тебе, дорогая?

— Нет, милая, спи спокойно, не тревожься. Я тертый калач, выдержу.

И не сдержала слова, не выдержала, умерла. Прямо в камере скончалась. Тюремщики не разрешили ни отправить ее в больницу, ни вызвать к ней врача.

Тяжело переживали узницы смерть своей старшей подруги. Много видевшая на своем веку женщина вносила в их маленькую коммуну спокойствие и рассудительность, энергию и непреклонную уверенность в правоте дела партии. Даже перед смертью Кнопва не подала виду, что ей невыносимо тяжело. Камера как будто

опустела. Вера не плакала сама и не давала другим, но то и дело хваталась за сердце.

— Поплакала бы, Вера, может, и полегло бы,— еле сдерживаясь, сказала «Антонина».

— Слабинку нащупываешь! Не найдешь!

— Ну что ты подумала? — обиделась «Антонина». — По-человечески тебе говорю. И я бы заодно отвела душу...

— Брось говорить ерунду. Не срами себя и не пятнай светлую память покойной. Она умерла как боец нашей великой партии. Не плакать надо, а из пушек бить по врагу! И мы еще ударим, эх, ударим!

Схватившись за грудь, присела на скамейку:

— Никогда в жизни не прощу им смерть тети Кати.

— И я. А еще никогда я им не прощу разлуку с моим Алешенькой.

Обняв подругу за плечи, Вера прижала ее голову к своей груди:

— Милая, хорошая моя, не терзайся. Ведь не легче же от этого...

Софья Панкова еще в пинской следственной тюрьме родила сына Алешку. Когда ее переводили в «Фордон», сына отняли. Тоска по малышу все время туманила глаза. Постоянно видя скорбное лицо молодой матери, Вера привязалась к ней и утешала, как только могла.

— Хочешь, признаюсь тебе,— сказала однажды «Антонина». — Я иногда завидую Марии Вишневской и Юзефе Обурко. Они родили здесь, и их дети с ними. Смотрю иной раз на маленькую Зосечку, и мне кажется, что это мой Лешенька. Так и земрет сердце...

Мария Вишневская — уже немолодая варшавская работница, одна из первых коммунисток Польши, сестра крупного деятеля Компартии Польши и Западной Белоруссии Стаха Будзинского. Перед арестом она работала секретарем Петрковского окружкома партии.

Из Петркова ее, беременную женщину, перевели в варшавскую тюрьму «Павиак» и посадили в корпус «Сербия». Там и родила она Зосю.

Ребенок, появившийся на свет в сыром каменном мешке тюремной камеры, сразу же заболел. На ручке девочки образовался большой нарыв, а потом глубокая, долго не заживавшая рана.

После суда Марию Вишневскую с ребенком отправили в каторжную тюрьму «Фордон». Девочке становилось все хуже и хуже. Началось заражение крови. Вся тюрьма беспокоилась о ее судьбе. Муки Зосечки глубокой болью отзывались в сердце каждой узницы. А тюремщики не допускали к ней врачей.

Но каким-то чудом девочка выжила, хотя и осталась калекой. Она медленно поправлялась. И когда на ее бескровном личике однажды засветилась робкая, совсем не детская улыбка, об этом узнала вся тюрьма и с особым восторгом Вера.

— Не завидуй Марии, родная,— говорила она «Антонине»,— посмотри, в каких условиях растут эти малыши. Ведь они же только 20 минут в сутки могут дышать по-человечески. Без солнца, без воздуха.

— Да, все это верно, но они при материнском сердце.

Разве можно доказать матери, что разлука лучше неволи?

Шли месяцы, годы. Связь заключенных с партией, с волей не прекращалась. Вера посылала родным и знакомым письма.

Жизнь Советской страны, хотя и с запозданием, становилась известной и за высокими каменными стенами и толстыми решетками тюрьмы из писем, из буржуазной прессы. Между строк опытным глазом Вера улавливала то, что фашисты скрывали от польского народа об успехах Советского Союза.

Советский народ претворял в жизнь великую ленинскую идею индустриализации страны. Появлялись новые города и поселки, всюду поднимались леса новостроек. Новые шахты, новые домны, новые машиностроительные заводы... Невиданные преобразования в сельском хозяйстве... Грандиозный советский пятилетний план — дух захватывало от его величия.

«Мои милые друзья, товарищи мои дорогие! — писала Вера в январе 1930 года. — Сегодня получила от всех вас письмо и вот, имея возможность побеседовать с вами без цензуры, пишу всем сразу. Любимые мои, далекие! Не только радость, солнечную, лучезарную, приносят нам ваши письма. О нет! Приносят они нам более важное — уверенность, что сбываются наши мечты.

Понимаете ли вы, какая сила, какая уверенность наполняет нас, когда читаем, что эти мечты превращаются в конкретные планы, осуществляющиеся у вас, становятся в тысячи раз более великими, чем в наших мечтах.

И вот с этим сознанием приходит мысль: пусть нас пока что здесь пытаются, пусть расстреливают на демонстрациях, пусть мучат в дефензивах и морят по тюрьмам, но СССР существует, но социализм строится на земле! А когда существует СССР — будет победа и у нас. Эта вера в победу, эта уверенность в ней в настоящее время весьма характерное явление для самых широких масс рабочих и крестьян.

Любопытно, что даже те, которые не решаются вступить в партию или в комсомол, или те, которые вышли из них, объясняют теперь свою пассивность не тем, что, мол, «ничего из этого не выйдет», а тем, что «и без нас обойдутся»... Испугавшихся можно встретить уйму, но разочаровавшихся — очень редко. Фашизм своей двойной политикой кнута и пряника выковывает на свою погибель такую гвардию, что можете быть уверены в том, что скоро будете приезжать в Варшаву не на дипломатические конференции, а на съезды Советов.

Вы уже, наверное, слышали это от наших делегатов, но прислушайтесь, родные, и вы услышите это также через тысячи решетчатых окон, через гул машин, через мощные песни демонстраций, через осторожный шепот конспиративных заседаний.

Вы слышите?

Так еще быстрее и крепче стройте, крушите, ломайте остатки старого строя и знайте, что от каждого удара ваших молотов содрогается все здание фашистской Польши. А мы, мы выше поднимаем головы, сильнее сжимаем кулаки.

Помните ли вы об этом?

Помните, любимые, и гордитесь тем, что вы не только строители, но и борцы за свободу миллионов, миллионов угнетенных фашизмом рабочих и крестьян. Нужно, чтобы об этом знал каждый фабзайчик, каждый член колхоза. Сколько сил это им прибавит, насколько радостней будет труд.

Одновременно с вашим письмом я получила письмо и из Польши. Вот где контрасты! Но есть и общее: эн-

тузиазм, неудержимое стремление к борьбе. Товарищи мои на свободе живут «от тюрьмы до тюрьмы», но и на свободе они подвергаются бесконечным обыскам, арестам, допросам в дефензиве...»¹.

Однажды в камеру принесли посылку.

— Хоружая, получай,— швырнула надзирательница небольшой сверток.

Все бросились к столу. Осторожно развернули пакет. В нем лежала белая кофточка, вышитая белорусскими узорами.

Девушки с восхищением смотрели то на кофточку, то на Веру. А она обняла одну за другой всех своих подруг и горячо расцеловала их, будто они преподнесли ей такой неожиданный подарок.

Через день уже иным, подпольным путем Вере вручили письмо колхозниц Смолевичского района. Цензура наверняка не пропустила бы такое письмо. Далекие незнакомые советские женщины делились с польской политзаключенной Верой Хоружей своими радостями. Они рассказывали о том, что в колхозе нашли долгожданное счастье, что работают дружно и старательно, поэтому и урожай вырастили хороший. Капусту их хоть на выставку посылай — по 24 фунта кочан. А вечерами колхозницы ходят в школу, повышают свою грамоту. Они плют славной комсомолке Вере Хоружей свой скромный подарок — кофточку и желают ей твердости духа, бесстрашия и доброго здоровья.

Много дней подряд Вера перечитывала письмо белорусских женщин. Заучивала его на память, как стихи. Да оно и звучало для нее не хуже стихов — столько в нем было душевного тепла, высокого благородного чувства, человечности и оптимизма.

А затем села им писать ответ:

«Милые товарищи коммунарки, посылаю вам горячий привет за ваши подарки и ваше письмо. Вместе со мной благодарят вас и мои товарищи, ибо эта была радость не только для меня.

Все мы много раз рассматривали ваш подарок, любовались им, хвалили работу и повторяли: «Как нам не быть крепкими духом, когда о нас думают наши свободные сестры, когда через границы они протягивают нам руки».

¹ Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 151—152.

Родные, дорогие! Знайте, что вы влили в нас целое море силы, что вы помогаете перенести в будущем еще не одну голодовку, просидеть не один еще год в мрачных стенах, где издеваются, где размахивают фашистским кнутом.

С волнением читали мы о ваших обобщественных хозяйствах. Будет такое время, когда мы из-за границы не только сможем поехать, но сами явимся членами одной великой коммуны. А пока что работайте, дорогие! Объединяйте вокруг себя возможно больше деревень, а мы за границами СССР, несмотря на расстрелы, несмотря на тюрьмы, объединим рабочих и крестьян для борьбы за свободу, за советскую Польшу.

Крепко жму ваши руки. Пишите о своей жизни»¹.

И пошло это письмо по подпольным каналам из далекой, глухой польской каторжной тюрьмы «Фордон» в Советскую Белоруссию, в один из колхозов под Минском. Там получили его и читали на колхозном собрании. Читали и восторгались силой духа молодой революционерки.

Но они и не представляли, какую радость принесли Вере своим подарком. Когда вдруг становилось грустно или начинало сдавать сердце, она доставала из пакета кофточку и любовалась ею. Словно горячими солнечными лучами, согревал ее этот скромный дар белорусских рукодельниц.

А жизнь даже в тюрьме шла вперед. Вера усиленно изучала французский язык. Ее подруга из Белостока Генриетта Юхновецкая хорошо знала его. Сидели они в разных камерах и встречались только на коротких прогулках или изредка в прачечной — обе были членами парткома. Не теряя ни минуты, Вера требовала, чтобы Геня говорила с ней только по-французски.

— Это единственная возможность поупражняться в разговорной речи.

И тюремные новости, и новости с воли Вера слушала на французском языке. Сама говорила медленно, тщательно подбирая слова и старательно сохраняя «прононс», который так трудно дается человеку, привыкшему к открытой, звучной русской или белорусской речи.

---

¹ Вера Хоружая. Письма на волю, стр. 152—153.

...Тюремный режим становился все жестче и жестче. Запретили получать книги и другие издания из Советского Союза, запретили тюремные коммуны, продуктовые передачи, теперь уже нечего было делить между всеми поровну. Сократили переписку с волей.

Но политические заключенные упорно боролись за свои права. В этой непрерывной битве подкосилось здоровье Веры. Она заболела туберкулезом.

Грозная опасность неотвратимо надвигалась на нее. Не хотелось верить, мириться с этим. А резкий кашель раздирает грудь. Часто Вера просыпалась в холодном липком поту.

Товарищи сообщили на волю: жизнь Веры Хоружей в опасности. Сама она не знала, что тюремный партийный комитет заботится о ней. Однажды в камеру вошел начальник тюрьмы с надзирательницей и приказал: — Хоружая, с вещами, быстро!

Торопливо сложив пожитки и попрощавшись с подругами, пошла в канцелярию. Там уже находились Мария Вишневецкая, Ирена Пальчинская, Доротта Прухняк.

Мария была без дочки. Когда девочка начала ходить и разговаривать, на свидание к ним под видом родных приехали хорошие, честные люди. Они с согласия матери забрали Зосю и переправили в Советский Союз.

Сейчас Мария стояла бледная, изможденная. Туберкулез подтачивал ее истощенный организм. Подруги поддерживали Марию, и она, ощущая их исхудалые плечи, держалась прямо и независимо перед своими тюремщиками.

Рядом с ней Ирена Пальчинская выглядела неприемной. Она привыкла к маленькой, скромной работе, никогда не стремилась быть на виду. Рядовая коммунистка, скромный боец, из которых состоит и на которых обычно держится партия. До тюрьмы Ирена была судомойкой на фабрике-кухне. Место ее работы служило явкой для коммунистов.

И в тюрьме она была скромной труженицей. Спокойная, уравновешенная, невозмутимая, Ирена блестяще выполняла обязанности представителя коммуны политзаключенных в частых переговорах с тюремной администрацией.

Любила Вера и Доротту Прухняк. Интересной была она человек. Побывала во многих странах Западной

Европы — делила с мужем все невзгоды кочевой жизни. Но об этом вспоминала очень редко. Муж ее — Эдвард Прухняк, рабочий-металлист, сподвижник Феликса Дзержинского, видный деятель Компартии Польши. В 1911 году учился в партийной школе в Лонжюмо, которой руководил В. И. Ленин, участвовал в Октябрьской революции, неоднократно избирался в Политбюро ЦК Компартии Польши, представлял ее в Исполкоме Коминтерна.

В партии Доротта выполняла трудную, но невидную работу в «Центральной технике» по обеспечению подпольных связей Центрального Комитета Компартии Польши с низовыми партийными организациями. Она проходила по «процессу ста тридцати трех» под именем «Теодоры Герц».

Все это были женщины, которых Вера давно знала и глубоко уважала. Увидев их в канцелярии, она бросилась к ним, обняла и расцеловала всех. На ее щеках вспыхнул нездоровый румянец.

Начальник тюрьмы прикрикнул:

— А ну прекратить нежности! Вера Хоружая — к столу!

Началось оформление документов. Оно заняло немного времени.

Снова за спиной захлопнулась дверь вагона для арестованных. Ехали долго. По ночам Вера и Мария Вишневецкая просыпались от мучительного капля. Слышался стук колес, разговор часовых с кондукторами, но нельзя было понять, куда везут.

Вот и Варшава, с ее пестрыми, крикливыми огнями. Здесь долго не задержали — пересадили в другой такой же вагон и повезли дальше на восток.

Только в Белостоке остановились. Привели в какое-то помещение, где под усиленной охраной стояли, сидели и расхаживали десятки знакомых и незнакомых людей. Увидев женщин-политзаключенных, многие бросились навстречу, обнимали, целовали, поздравляли.

— С чем? — недоуменно спросила Вера.

— По договоренности с Советским правительством нас передают в Советский Союз.

Вера ни разу не плакала в тюрьме. А здесь не удержалась: слезы радости застлали глаза.

— Милые вы мои, дорогие товарищи! Какое счастье свалилось сегодня на меня!

Это действительно было счастье. Сейчас она находилась в кругу своих боевых друзей. Среди них — один из руководителей Компартии Польши, рабочий-металлист Ян Пашин, бывший коммунистический депутат польского сейма Тадеуш Жарский, бывший председатель ЦИК Литовско-Белорусской республики Казимир Циховский, бывший депутат польского сейма рабочий-горняк Владислав Бачинский, отбывавший каторжные работы еще при царском правительстве и десять лет просидевший в белопольских тюрьмах.

Старым, больным человеком показался ей Эрнст Пилипенко из Варшавы. А ему только сорок лет. Казематы дефензивы и каторжные тюрьмы, в которых он просидел много лет, довели его до такого состояния.

Встретила здесь Вера и старого знакомого П. Кричича, и П. Волошина, и И. Гаврилика, и Ф. Волынца, и И. Дворчанина, и других бывших депутатов польского сейма от белорусского клуба «Борьба», Белорусской крестьянско-рабочей громады и других прогрессивных организаций. Все они отсидели по многу лет в тюрьмах панской Польши.

Путь от Белостока до пограничной станции Колосово небольшой, но ехали, казалось, слишком долго. Всю ночь не смыкали глаз. Сколько было переговорено, сколько вспомнили, какие радужные планы строили! Медленно, но неуклонно приближались к советской земле.

Бледное, болезненное лицо Веры покрылось красными пятнами.

Не доезжая Столбцов, развернула заветный сверток, достала вышитую белорусским узором кофточку:

— Вот когда я обновлю подарок белорусских колхозниц! — И надела кофточку. — Ну как, идет?

— Да ты в ней совсем другая, Вера! Как она к лицу тебе!

И в самом деле, белая кофточка скрасила ее худобу, сделала лицо более молодым, свежим.

Вот и Колосово. Формальности обмена политзаключенных прошли как во сне. Вся колонна в сорок человек направилась к советской границе. Возглавляли ее

Пашин и Циховский. Вера шла с ними. Как хмельная, смотрела на часового-пограничника, замершего в приветствии. Циховский выхватил из рукава пальто широкую красную ленту и высоко поднял над головой. Кумачовая лента затрепетала на ветру. Вера запела боевую песню польских узников «Червоны штандар». Все подхватили. Пели самозабвенно, с сознанием победы над врагами. А те стояли позади и смотрели вслед уходящим.

Вот первые метры советской земли. Вера и ее спутники попали в объятия друзей, встречавших на границе польских политических эмигрантов. Возгласы радости, бесчисленные вопросы, приветствия!

Была осень 1932 года. Листья на тополях в Негорелом пожелтели и, срываемые порывистым ветром, неслись на восток. Туда же, на восток, спешил и специальный поезд, в котором после короткого отдыха ехала Вера со своими друзьями и соратниками по борьбе.

Еще задолго до Минска она вышла в тамбур и сквозь осенние сумерки силилась рассмотреть свободную белорусскую землю. Потом показались огни большого города. Она, как зачарованная, вцепившись в поручни и сильно наклонившись, смотрела вперед.

— Пожалуйста, осторожнее...— просил проводник.

— Ничего, цела буду... Теперь-то уже наверняка цела буду.

Представился родной, долгожданный Минск, погруженный в сон после напряженного трудового дня. Но из темноты вынырнул сияющий огнями вокзал. Многотысячная толпа, подняв факелы над головой, устремилась навстречу сбавляющему ход поезду. А на площади — народ с факелами. Впереди юные, восторженные лица комсомольцев. Они заметили Веру в тамбуре, и сотни рук потянулись к ней.

Ей не дали ступить на землю. Ее подхватили и понесли над людской массой на привокзальную площадь. Народ расступился, чтобы пропустить их.

А она, словно птица в стремительном полете, слегка наклонилась вперед и, задыхаясь от счастья, говорила:

— Милая, родная моя комсомолия! Сегодня я самая счастливая на свете!

СНОВА НА ЗЕМЛЕ СОВЕТСКОЙ

Когда Веру опустили на землю, мать дрожащими руками прижала к своей груди ее голову, целовала лоб, глаза, впалые щеки, покрытые нездоровыми красными пятнами.

На скорую руку покормили в ресторане — и сразу же направились на митинг, на встречу с трудящимися города Минска.

Зал театра был заполнен до отказа. Когда у входа в зал появились бывшие узники белопольских тюрем, все присутствующие в едином порыве вскочили со своих мест. Казалось, потолок вот-вот обрушится от оваций. Гремело непрерывное «ура».

Почетные гости Минска прошли через зал и поднялись на сцену. Худые, изможденные, больные, они жадно всматривались в зал, в лица советских людей. Ведь большинство бывших польских политзаключенных впервые увидели советский город, советских тружеников. Для них все было ново, и каждая мелочь приобретала особый, большой смысл.

Вера сидела на сцене в первом ряду, чуть наклонившись вперед, сосредоточенно слушая ораторов. Мать неотрывно глядела на нее, узнавала и не узнавала свою любимицу. Лицо Веры заострилось, глаза ввалились, взгляд стал сосредоточеннее, задумчивее.

Первым выступил Циховский. Ему долго не давали говорить. Аплодисменты то затихали, то снова обрушивались шквалом. Но наконец, воспользовавшись секундой затишья, он произнес первые слова:

— Дорогие друзья, товарищи!

Тогда аплодисменты оборвались, наступило глубокое молчание. Говорил Циховский страстно, горячо, с большим подъемом:

— Могущество СССР, его влияние на весь мир настолько велики, что и наше освобождение является прежде всего результатом вашей борьбы и ваших побед. Вы в своей борьбе не одиноки. С вами все люди труда. Вы счастливы, что первыми в мире строите социализм. Трудящиеся Польши, Западной Белоруссии и Западной Украины в одном братском союзе с вами борются за светлое будущее.

После Циховского выступали другие ораторы, потом

председательствующий объявил, что слово предоставляется одной из активнейших руководителей комсомола Западной Белоруссии — Вере Хоружей.

Зал стоя бурными аплодисментами встретил появление ее на трибуне. И ей долго не удавалось начать речь — овация захлестывала девичий голос. Наконец она звонко воскликнула:

— Любимая, дорогая моя комсомолия! Приветствую тебя от имени тысяч комсомольцев Западной Белоруссии, Западной Украины и Польши, пытаемых фашистами и погибающих в тюрьмах, но продолжающих бороться за дело Ленина, за победу всемирного пролетариата.

Снова вспыхнули аплодисменты.

— Сколько лет я ждала этого дня! Если бы вы знали, какие противоположные чувства переполняют сейчас мою душу: безмерные радость и счастье, что я на свободе, на родной земле, среди вас, и великая горечь оттого, что десятки, сотни моих лучших друзей продолжают томиться в застенках панской Польши. Будем же продолжать борьбу за их освобождение! Фашисты не могут сломить нас. Нет! Не испугать им, не остановить героического наступления пролетариата!

Потом выступали рабочие фабрик и заводов Минска.

И вот на трибуне народный поэт Белоруссии Янка Купала. Как и все присутствующие, он взволнован. Его встретили с такою же любовью, как и выступавших перед ним ораторов. Поэт прочитал только что написанное стихотворение, которое родилось под впечатлением встречи польских политзаключенных.

Поэт Андрей Александрович, горячо приветствуя борцов, сказал:

— Мы обязуемся на больших полотнах показать героическую борьбу революционного пролетариата и трудового крестьянства с фашистским террором, голодом и нищетой.

И он прочитал новое стихотворение, посвященное героической борьбе трудящихся Польши, Западной Белоруссии и Западной Украины. Вера смотрела на его морщины, избородившие высокий лоб, на длинный нос, еще, казалось, подлинневший за эти годы, и думала: «И ты, оказывается, изменился, друг дорогой, и тебя коснулось время. Кажется, немного — всего каких-либо восемь лет мы не виделись, а ты вон как возмужал!»

И уж совсем она разволновалась, когда слово предоставили поэту Михасю Чароту. Не раз, сидя в тюрьме, вспоминала Вера его стихи, которыми когда-то зачитывалась. А читая их, всегда вспоминала вечера, проведенные в дружном кружке литераторов. Михась Чарот пользовался там особым уважением и любовью.

И вот он поднялся на трибуну и начал читать стихотворение, посвященное ей, Вере Хоружей! Она, как зачарованная, слушала и не верила своим ушам. Неужели Михаська и в самом деле ей посвятил стихотворение?

А потом зал еще аплодировал. Кому? Поэту? Его стихотворению? Героине этого стихотворения? Всем сразу и от всего сердца.

После встречи усталая, полная незабываемых впечатлений, Вера с матерью, братом и старыми друзьями пошла к гостинице. Товарищи проводили ее до номера.

— Я сегодня, наверное, не усну, мамочка.

— А ты заставь себя уснуть, милая. Заставь. С твоим здоровьем тебе необходимо отдохнуть...

Впервые за много лет она легла в чистую, сказочно мягкую постель. Легла и неожиданно для себя уснула сразу же, мгновенно, словно опустилась в приятный туман, стала невесомой.

Назавтра бывшие политзаключенные разошлись по предприятиям Минска. Вере пришлось выступать несколько раз.

А через день с матерью, братом Василием и несколькими близкими друзьями она уехала в Москву. Там ее ждала приятная неожиданность.

Вере сообщили, что ее хочет видеть Надежда Константиновна Крупская и приглашает к себе в Кремль.

Сначала она не поверила.

— Ну что вы, я не смею пойти! — отказывалась она.

Товарищи говорили:

— Надежда Константиновна хорошо знает тебя лично. Она написала в «Правду» рецензию на твои «Письма на волю».

Да, Вера упустила из виду, что часть писем, которые она посылала из польской тюрьмы, товарищи в 1931 году издали небольшой книжечкой под названием «Письма на волю», а в 1932 году переиздали под названием «Рядом с нами». Надежда Константиновна заметила

Верини письма и написала рецензию, которая была опубликована в «Правде» 29 августа 1932 года, незадолго до освобождения Веры из заключения.

Встретила ее Надежда Константиновна как старую знакомую. Скванность быстро прошла, и Вера разговорилаь.

— Вы подробнее, подробнее расскажите о подпольной работе,— просила гостеприимная хозяйка.

Вера рассказала о подпольных комсомольских собраниях, о работе над листовками, о митингах в деревнях и местечках, о настроении людей. Надежда Константиновна слушала внимательно, по-матерински, задумчиво глядя на Веру, а потом как-то невзначай спросила:

— Болееете?

— Нет, ничего...

— Я вижу, болеете... Лечиться надо, обязательно. Вы еще молодая, у вас вся жизнь впереди. Здоровье надо беречь, разумно им пользоваться, не растрчивать попусту. Здоровье революционера — это достояние партии, наше общественное богатство.

И она рассказала, как в ссылке Владимир Ильич заботился о здоровье своих товарищей. Вспоминала о том, как хорошо он умел сочетать работу с отдыхом, как неуклонно стремился и достигал цели в большом и в малом.

Беседа затянулась, но ни хозяйка, ни гостья не заметили этого. Уходя, Вера извинилась, что задержалась так долго.

— Ну что вы, что вы, я сама рада была видеть вас. Как будто моя молодость снова прошла перед глазами... А ваши «Письма на волю» я читала с большим удовольствием. Вы замечательно передали мысли и чувства подпольщика-революционера. Желаю вам хорошо подлечиться и работать так же энергично, как работали до сих пор.

— Большое спасибо вам, Надежда Константиновна, за все. Большое спасибо!

Совет Надежды Константиновны Вера учла. Вскоре она выехала в Сочи. А вернувшись, снова включилась в работу.

Ее направили в редакцию подпольных изданий Центрального Комитета Компартии Западной Белоруссии.

Состав редакции был небольшой — два-три человека. Иногда он менялся. Больше всего Вере пришлось работать вместе с Сергеем Анисовым.

Сюда, в незаметную, скромную редакцию, стекалась информация от всех подпольных партийных организаций Западной Белоруссии. А сообщать было о чем. Ряды коммунистов росли, несмотря на зверский террор пилсудчиков. Забастовки рабочих и даже вооруженные выступления трудящихся Западной Белоруссии стали частым явлением.

В начале сентября 1933 года из Кобриша пришла подробная информация о восстании крестьян. Вера читала ее с огромным волнением. Это было событие большого политического значения.

Только что закончились мощные забастовки текстильщиков в Польшах и Белостоке, по поводу которых она написала листовки, и брошюру о том, как началось крестьянское восстание в Краковском воеводстве. Потом вооруженные выступления на Слонимщине, Новогрудщине, Пружанщине — в тех местах, где когда-то Вера вела работу среди населения. Каждое такое событие требовало правильного освещения. И Вера неустанно обобщала информацию, выбирала главное и писала листовки, статьи, брошюры для трудящихся Западной Белоруссии.

События на Кобринщине особенно приковали ее внимание. Началось с того, что крестьяне деревни Ляптевки (возле Домачева) избили сборщика налогов и прогнали трех полицейских. В схватке полицейские смертельно ранили одного из руководителей крестьян — Леона Багонского. По этому поводу коммунисты создали митинг. Но полиция зверски расправилась с участниками митинга. Волна народного гнева нарастала. Крестьяне стали громить имения помещиков и осадников. В ответ каратели уничтожили деревню Павлополь. Вскоре вспыхнуло всеобщее восстание. Но оно было подавлено, а его руководители схвачены. Им грозила виселица.

Ознакомившись с информацией, Вера села немедленно писать воззвание к трудящимся Западной Белоруссии и Польши. В нем она раскрывала причины восстания, показывала, что участники его — это народные герои, отважные борцы за интересы рабочих и крестьян.

Листовка призывала активно бороться за спасение узников кровавого режима Пилсудского.

Многотысячным тиражом разошлась листовка по городам и деревням Западной Белоруссии. Она сделала свое дело. Начались массовые митинги. В Варшаву со всей страны летели резолюции протеста. Палачи не посмели казнить героев. Руководители восстания были приговорены к пожизненному тюремному заключению.

А там начали забастовку лесорубы Беловежской пуши, и Вера снова бралась за перо, чтобы поднять голос борющейся партии в защиту бастующих.

В редакцию часто заходили подпольщики, старые друзья Веры. Их она встречала, как родных, и без усталости расспрашивала о политической и организационной работе партийных организаций. Для нее не было мелочей. Во всем видела смысл, все брала себе на заметку. Когда приходили незнакомые ей люди, она умела расположить их к себе так, что через пять — десять минут человек открывал душу и рассказывал о самом сокровенном.

Вскоре должен был состояться VII конгресс Коминтерна. На редакцию подпольных изданий возложили обязанность готовить материалы о деятельности Компартии Западной Белоруссии. К Вере Хоружей особенно часто заходили те, кому предстояло участвовать в работе конгресса. Она обобщала и передавала их информацию в Секретариат ЦК.

В это время Вера не расставалась с книгой. С особым наслаждением читала новые произведения белорусских писателей, по которым истосковалась за долгие годы тюремного заключения.

Она постоянно думала о том, как бы опять вернуться на подпольную работу в Западную Белоруссию. Но случилось так, что в 1935 году Вера уехала в Казахстан, на Балхаш, на новую стройку.

...Прибалхашская степь встретила Веру холодным, злым ветром. Снега почти не было — его сносило. Жилья для строителей пока еще не хватало, и многим приходилось устраиваться в палатках. С питанием пока тоже еще не наладилось. А Балхашский медеплавильный завод надо было строить и строить как можно скорее: стране нужна была медь.

Трудностей хватало, пока рождался завод. Их делила со строителями инструктор, а затем заведующая агитмассовым отделом горкома партии Вера Хоружая. Работа ей нравилась. Именно к такой стремилась она: быть с людьми и среди людей. Весь день, от темна до темна ее можно было видеть на стройке. Десятки разных вопросов, подчас далеких от ее непосредственных обязанностей, приходилось решать ей в то горячее время. И доставка цемента, и организация труда в бригаде каменщиков, и качество кирпичной кладки, и взаимоотношения в семье рабочего, и работа отделения связи — что только не интересовало и не волновало ее. Подчас ей делали замечание:

— А это, кажется, не из области пропаганды.

— Вы ошибаетесь,— отвечала Вера.— Вы, может быть, и сами не представляете, что малейшим успехом в своей работе мы агитируем весь мир в пользу социализма. Я это хорошо знаю по собственному опыту.

И скептики смолкали. А она добавляла:

— Самая сильная наша пропаганда — это забота о советском человеке, о его нуждах и потребностях. Нет беды в том, что пропагандист интересуется хозяйственными вопросами. Беда, когда хозяйственник забывает о рабочем, о человеке, который решает судьбу любого дела.

Забот у горкома партии было много. То одного не хватало на стройке, то другого, то в одном месте образовывался прорыв, то в другом. Тысячи важных вопросов ежедневно вставали перед руководителями горкома.

Однажды на собрании партийного актива выступила Вера.

— Горком партии,— сказала она,— в суете повседневных дел иногда забывает о партийной работе. А ведь главная наша задача — воспитательная работа. Мы должны воспитывать сознательных строителей социализма, способных побороть любые трудности, смело и уверенно идущих вперед по ленинскому пути.

Как-то ей удалось на несколько дней выехать в Москву, к брату Василию Захаровичу. Времени было в обрез, а хотелось и в театрах побывать, и новые кинокартины посмотреть, и с друзьями встретиться. Но перво-наперво она поехала с братом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

— Где павильон Казахстана? — спросила при входе и предложила брату: — Идем туда!

Осматривая экспонаты, говорила с гордостью:

— Смотри, что у нас в Казахстане есть! А то ли еще будет! Ба, да тут так многого еще нет! Это же возмутительно!

И она стала перечислять, что еще можно было бы представить на стендах павильона, что украсило бы выставку, полнее показало бы неисчислимые богатства Казахстана.

— Если бы ты знал, Васенька, каким близким и дорогим мне стал этот суровый край. Мне кажется, что в кирпичных стенах нашего завода, в его отражательных печах, в каждом доме, выросшем в бескрайней степи, я оставила частицу своей души.

Вера никогда не рисовалась. Она самозабвенно любила то место, где жила, тех людей, с которыми делила радости и трудности большого строительства.

В 1939 году Западная Белоруссия была воссоединена в едином Белорусском Советском государстве, и Вера неудержимо потянуло туда, где она провела свою боевую молодость, где звала народ на революционную борьбу.

Она просилась на любую работу, только чтобы быть поближе к людям. Ее направили сначала в Телеханы пропагандистом райкома партии, а затем в Пинск — пропагандистом обкома партии.

К тому времени у нее уже сложилась хорошая семья. Ее муж, Сергей Гаврилович Корнилов, когда-то был летчиком, но демобилизовался из армии и стал партийным работником. В Пинске он заведовал военным отделом горкома партии.

Начал налаживаться быт. Вере дали квартиру. Теперь можно было забрать к себе и дочь Аню, которая находилась у бабушки. Мать Веры приехала вместе с Аней и осталась жить в Пинске.

Счастье захлестнуло Веру. Снова казалось, что за плечами могучие крылья, что силы прибывают и прибывают, и она торопилась найти им применение. Весь день среди людей, в радостной суতোлке буден. А после работы — нежная дочурка Аня обхватывает за шею, целует, ласкается. Рядом стоит он, смотрит на них, и

взгляд его карих глаз теплеет. А то возьмет Аню на руки, обнимет Веру и спросит:

— Прогуляемся?

Кто откажется от такого удовольствия? Идти по очаровательному Пинску, утопающему в зелени, и чувствовать своим плечом сильное, твердое плечо друга, видеть щебечущую дочь в этих богатых руках — это же счастье, от которого кружится голова.

Думала ли когда-то подпольщица Вера, торопливо проходя по Пинску, что здесь она узнает не только радость борьбы, но и тепло семейного очага? Нет, тогда она могла только мечтать об этом.

ПЫЛАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

Как гром среди ясного неба ударило слово «война!».

А небо-таки было ясное. И в нем уже с рассвета кружились вражеские самолеты, выскивали цели.

Как только Сергей услышал эту страшную весть, ни минуты не задерживаясь, отправился в обком.

Тихий полесский городок Пинск, тонувший в зелени каштанов, лип, плакучих ив, зеркально-блестящих топей,— в тревожной суматохе. Люди больше не замечали красоты своего города. Было не до нее. Все спешили — кто в военкомат, кто в горком, кто в обком, кто к месту работы.

Железнодорожный вокзал был уже разрушен фашистскими бомбами. Над городом вставали высокие столбы дыма. Земля дрожала от разрывов бомб и грохота зениток. Так прошли первые дни войны...

У пристани еще стояла последняя небольшая, вся утыканная зелеными ветками баржа. Вера успела посадить на нее мать и Аню. Баржа тут же отчалила и поплыла по реке Пине на восток, к Припяти.

Вера с замиранием сердца следила, как медленно двигалось по водной глади маленькое суденышко, битком набитое людьми. Многие из них были без венцев, без денег — в чем выскочили из дому. На палубе стояла мать. Высокая, сутуловатая, с непокрытой седеющей головой, она была видна до тех пор, пока баржа не скрылась из глаз. У нее на руках — Аня. Обхватив одной

ручкой бабушку за шею, она непрерывно, без устали махала Вере свободной рукой.

«Только бы фашисты не заметили баржу», — думала Вера. Самым страстным ее желанием в этот момент было одно: чтобы ее доченька вместе с бабушкой скорее оказались в безопасном месте. О себе она не беспокоилась. Ей всегда казалось, что смерть не имеет к ней никакого отношения.

...Отыскать Сергея было нетрудно. Потом они вместе сидели в приемной секретаря обкома и ждали распоряжений. В кабинете секретаря совещались члены бюро. Что бы ни случилось, она будет возле Сергея, вместе с ним. Не как незащищенное создание, а как боец, товарищ по оружию.

Только вот препятствие: она уже на шестом месяце беременности. Разрешат ли ей стать в строй бойцов?

Не разрешат — станет без разрешения! Это ее долг коммуниста. Жизнь за плечами богатая, ее опыт пригодится в такое время.

Дверь распахнулась, и в приемную вошел человек среднего роста. Белесоватые, выцветшие на солнце брови сурово сдвинуты. Пытливо осмотрел присутствующих. Положив плащ на стул, пожал руки знакомым, сел рядом с Верой.

— Ну, что думает делать старый партизан? — обратилась она к вошедшему.

— А вот иду к секретарю, хочу предложить свои услуги. Надо вооружать людей. Фашисты напали на нас неожиданно, мы живем недалеко от границы, не исключено, что враг может появиться здесь очень скоро. Надо готовиться к этому.

— Василий Захарович, возьмите и нас в свой отряд. Ручаюсь, что не подведем, жалеть не будете.

— А я в этом и не сомневаюсь, Вера Захаровна. Вот если разрешат создать отряд, вы будете первыми в списке.

Вера и Сергей молча пожали ему руку. Василий Захарович Корж направился к секретарю обкома.

— Как хорошо, что мы встретили его, — сказала Вера.

Она давно знала Коржа, когда он еще партизанил в начале двадцатых годов на Пинщине. Польские паны как огня боялись вездесущего неуловимого «Комарова»

(кличка Коржа). Потом он перебрался в Советский Союз и организовал коммуну, а когда вспыхнула гражданская война в Испании, отправился туда громить фашистов. Этот человек был близок и понятен Вере, она, не задумываясь, пошла бы за ним в огонь и в воду.

Вскоре Корж вышел из кабинета:

— Ну что ж, санкции есть. Идем.

Весь день Вера деятельно подбирала людей. Прежде всего она обращалась к тем, кто уже прошел школу подпольной работы. Но и среди молодежи знала немало отважных парней, на которых можно положиться в трудную минуту.

Предварительно прощупав настроение человека и убедившись в том, что он не подведет, направляла его в горком партии. Там выясняли, готов ли новый боец к тяжелым испытаниям, его моральное состояние, семейное положение.

В тот же день группа коммунистов и комсомольцев составила отряд.

Земля уже глухо гудела от оружейных выстрелов, в небе — фашистские самолеты. Они обнаглели до того, что на бреющем полете летали над городом и расстреливали из пулеметов мирных жителей. Танковые подразделения гитлеровцев вот-вот появятся у Пинска. Готовились встретить их.

Однажды Сергей ранним утром забежал домой: жил он теперь в казарме, перед боем решил попрощаться с женой. Шагнул через порог быстро, решительно, и все в комнате сразу как бы уменьшилось в объеме. В его движениях, голосе Вера чувствовала большую силу, спокойную уверенность в себе. Когда перед уходом он нежно обнял ее, она сказала, глядя ему в глаза:

— Если ты будешь трусом, я перестану любить тебя, я тебя возненавижу...

Еще крепче обняв ее, усмехнувшись, Сергей коротко ответил:

— Посмотришь!..

С каким нетерпением ждала она его в тот день! За городом слышалась оружейная и пулеметная стрельба. Там лилась чья-то кровь. И Сергей где-то там, в первых рядах бойцов. Она сама так велела. Да и без ее слов он не прятался бы за чужую спину.

Под вечер он снова заскочил на минутку — запылен-

ный, пропахший незнакомым запахом пороховой гари, возбужденный.

— Ну и дали мы им жару! — говорил он. — Ничего, они еще испытают силу наших ударов. Мы не отдадим им свою жизнь даром... Смотри, это бронебойная пуля, а это трассирующая, ты таких еще не видела?

Он показал ей трофеи, взятые в первом бою.

— На, спрячь на память. А этих гранат ты тоже не видела? Ну-ка учись ими пользоваться. Раз, два, три — и бросай, изо всех сил бросай! Хватит силы?

Она взяла гранату, примерилась и ответила уверенно:

— Хватит!

Обняв ее за плечи, похвалил:

— Ну, молодец! Я так и знал...

И запел любимую песню:

Штыком и гранатой пробились ребята..
Остался в степи Железняк.

Потом снова вернулись к воспоминаниям о первом бое.

— А все же молодцы наши хлопцы: Чуклай, Солохин и остальные. По Логишинскому тракту ползли танки. Солохин по кювету побежал навстречу и швырнул под гусеницу переднему связку гранат, а сам упал. Ну и грохнуло! Смотрим, задние попятились, развернулись — и назад. Ну, а мы ввобрались на подбитый и давай выковыривать из него фрицев... Ну ладно, нужно бежать, а то я заговорился с тобой. Василий Захарович ругать будет.

— Сережа, будь смелым, но осторожным, — попросила его Вера на прощание. — Без нужды не бравируй...

— Все будет в порядке, не волнуйся...

Небольшой отряд Коржа занимал оборону в трех километрах севернее Пинска, в районе бывшего имения Заполья. Помимо основной дороги около Заполья проходила параллельная. Ночью бойцы окопались вдоль вековой липовой аллеи. Группа Корнилова расположилась несколько восточнее имения, на кладбище. Она должна была встретить противника на параллельной дороге.

На рассвете в тумане показались немецкие конники. Они ехали не спеша, не ожидали нападения. Припав к

прикладам винтовок, бойцы ждали команды. Корж не спешил: надо поближе подпустить противника, чтобы каждая пуля попала в цель. Вот фашистский офицер почти поравнялся с затаившимся отрядом. Грянул первый выстрел. Лошадь шарахнулась в сторону, и офицер, как мешок, шлепнулся на землю. По большаку заметались лошади без всадников.

А из лесу выходил еще один эскадрон. Огонь перенесли на него. Впереди всех лежал Корнилов, рядом пристроился Чуклай. Они стреляли размеренно, не обращая внимания на пули, которые то и дело свистели вокруг.

— Вперед! — скомандовал Корнилов, намереваясь сделать короткую перебежку.

Но пуля ударила в левое плечо, и он пошатнулся. Пришлось лечь. Чуклай наскоро перебинтовал своего командира, и тот продолжал стрелять. Вторая пуля попала в левую ногу.

— Врете гады, не прорветесь! — сквозь зубы сказал Корнилов. — Все равно не пропустим.

Еще одна вражеская пуля попала в Корнилова, на этот раз в грудь. Немцы наседали со всех сторон. Святой передал команду Коржа отступать в балку, к городу. Бойцы группы Корнилова держались до последней возможности. Ввалив истекающего кровью командира на спину, Чуклай пополз. Нордман и Беркович поддерживали Корнилова с боков, поминутно останавливаясь и отстреливаясь. А Чуклай полз и полз. Только в высокой кукурузе, когда удалось скрыться с глаз противника, опустил он Корнилова на землю. Тот уже не дышал.

Фашистские автоматчики били справа и слева. Каждая минута промедления грозила неминуемой смертью. Надо было немедленно уходить. Забрав из кармана убитого партбилет и сняв кобуру с наганом, побежали в балку, возле города.

Корж нетерпеливо ждал и уже думал, что вся группа погибла. Увидев окровавленного Чуклая, спросил:

— Что, ранен?

— Нет, — ответил боец. — Корнилов убит, товарищ командир. Несли его, но попали в такой переплет, что тело пришлось оставить. Вот возьмите. — И он передал партбилет и наган. Ссутулившаяся фигура Чуклая вы-

ражала глубокую скорбь, длинное, худое лицо посерело, глаза запали.

С запада, визжа, летели мины. Усиливалась стрельба на севере. Корж выстроил бойцов в балке и произнес короткую речь:

— Сегодня мы потеряли своего боевого товарища, храброго человека, верного сына Коммунистической партии Сергея Гавриловича Корнилова. Вот здесь перед лицом смертельной опасности мы клянемся памятью погибшего друга, что жестоко отомстим врагу за него. Сотнями своих поганых жизней поплатятся враги за светлую жизнь товарища Корнилова. Отсалютуем в честь Сергея Корнилова...

Трижды прогремели залпы в сторону противника, и отряд цепочкой стал пробираться к городу.

— Вере Захаровне ничего не говорить, сам скажу, — предупредил Корж.

По городу била вражеская артиллерия. Бойцы быстро бежали по Первомайской улице, к мосту через речку Пину. За мостом удалялись машины и подводы, на мосту стояли секретарь обкома партии Петр Гапеевич Шаповалов и Вера Захаровна Хоружая, а недалеко от них — небольшая группа подрывников.

Вера вся подалась навстречу бегущим бойцам, настороженно ища среди них мужа. Корж остановился возле нее растерянный, подавленный. Когда бежал сюда, подобрал слова, чтобы смягчить удар, утешить. А вот сейчас, видя перед собой ждущие, требовательные глаза женщины, забыл все заранее заготовленные фразы. Вырвалось что-то неуклюжее, холодное:

— Ты не волнуйся, не плачь, побереги себя для будущего... Не нужно...

И не выдержал, покатила по щеке предательская слеза:

— Не волнуйся, дорогая...

Густо покрытое веснушками курносое лицо Веры побелело. Рука невольно потянулась в сторону, ища опоры:

— Говори все, я выдержу... Говори!

Это она словами, умом требовала. А сердце, глаза просили: «Ради бога, только не это, только не это! Не может быть, не верю! Даже если скажешь, не поверю! Он жив, я чувствую, он жив!»

— Сражался он как настоящий герой и погиб как герой... Ты можешь гордиться им...

Взоры всех окружающих были устремлены на Веру. И все видели, как на момент, на один момент она закрыла глаза и пошатнулась. Твердые мужские руки поддержали, повели... Остановились возле последней машины, забиравшей тех, кто должен ехать в советский тыл. Только тут Вера поняла, куда ее привели:

— Нет, я в тыл не поеду. Я останусь с вами!

Командир отряда Корж подошел к ней, взял под руку, хотел уговорить. Но, заглянув в глаза, отошел в сторону и скомандовал:

— Посадить в закрытую машину!

Где-то совсем рядом рвались снаряды. Вера даже не воспринимала этого. Не слышала она и рева самолетов, бомбивших дорогу. Для нее ничего сейчас не существовало, кроме горя, рвавшего сердце на части.

Как сквозь сон слышала слова бойцов, вспоминавших о недавнем бое. Они то и дело говорили о Сергее как о живом, находили какие-то новые качества, которыми она могла гордиться.

Вспомнились слова Долорес Ибаррури: «Лучше быть вдовой героя, чем женой труса». Сколько раз прежде повторяла Вера эти слова, но только сейчас поняла всю их глубокую, суровую, безжалостную правду.

Доехали до Столинского района, оттуда повернули на северо-восток, в Давид-городок. Где-то при впадении реки Лань в Припять военные моряки помогли переправиться на левый берег. А там пошли дремучие полесские леса, родные места Василия Коржа.

Деревни здесь разбросаны между лесами и болотами. И почти всюду в этой глухомани знали Василия Захаровича, любили и уважали. Везде его отряду предоставляли жилье и снабжали продуктами. Население активно поддерживало партизан.

Фашисты двинулись дальше, на восток, а партизаны остались хозяевами лесов и болот. Разбившись на небольшие группы, они наносили удар по врагу одновременно в разных местах. У страха глаза велики: гитлеровцам казалось, что в Микашевичских лесах засела целая армия.

Вера не теряла даром ни минуты. При первой же возможности шла к крестьянам, проводила политиче-

ские беседы, готовила людей в партизанский отряд, который рос на глазах.

Однажды, когда отряд действовал возле озера Червонного, Корж собрал на опушке леса наиболее активных партизан — Григория Карасева, Веру Хоружую, Ивана Чуклая, чтобы посоветоваться.

— Пока наш отряд маленький, — сказал он, — мы еще кое-как могли обойтись своими силами. Теперь жить без связи с Москвой нельзя. Нужна связь с партийными и советскими руководителями Белоруссии, а они где-то за линией фронта. Установить ее — дело трудное и опасное. Давайте подумаем, кому поручить его.

Все молчали. Тогда Корж обратился к Хоружей:

— Вера Захаровна, я знаю, как тебе это тяжело. Физически тяжело... В твоем положении... Но ты опытнее всех в подпольной работе. Если не откажешь в нашей просьбе, то лучше тебя никто не выполнит такое поручение. Разумеется, я не имею никакого права приказывать тебе... Но подумай сама и все взвесь обстоятельно...

Она долго не отвечала. Потом сказала:

— Если это нужно для дела, я всегда готова выполнить любое задание.

— Вот и спасибо... Гора с плеч долой...

Скорбно улыбнувшись, Вера добавила:

— Но учти, что я сразу же вернусь в отряд.

— Милости просим, — ответил Корж.

С Верой пошли еще трое из отряда — двое мужчин и одна женщина. Они сопровождали ее, но не знали, что Вера идет с особым заданием. Думали, что командир отряда решил переправить через линию фронта беременную женщину — и только. В ее положении воевать нелегко.

Стояла жаркая сушь. Даже возле вековых болот не чувствовалось прелой сырости. Шли глухими лесными и болотными тропинками, избегая крупных населенных пунктов, где могли быть фашистские гарнизоны. По дороге собирали грибы, ягоды — партизанский путь не отличался обилием пищи. Если впереди была открытая местность, днем отдыхали в зарослях и только в сумерки отправлялись дальше.

Изредка заходили в деревни. Сколько чужого горя брала на свои плечи Вера, выслушивая жалобы пострадавших от фашистов белорусских крестьян! В одной сожженной дотла деревушке седая женщина, с втянутой в плечи трясущейся головой, рассказывала:

— Налетели это они, ироды, к нам утречком, поставили свои пулеметы вдоль улицы и как польют, польют... От страха душа замерла. Я в это время на том краю огорода полола. Упала в борозду, ползу к лесочку, а они и там, слышу, гыркают между собой. Как они меня не заметили, сама не пойму. Я назад ползком, ближе к дому, лежу и не шевелюсь. Перестали стрелять, по хатам пошли. Подходят к хате, дверь заколачивают, обливают со всех сторон керосином и зажигают. А сами возле окон становятся, чтобы никто не выскочил. Если бы вы слышали, миленькие, что тут было...

Женщина захлебнулась в рыданиях. Потом, отдышавшись, продолжала, как бы торопясь снять с себя тяжелый груз:

— До самой смерти не забуду детского крика... Потом звенели стекла. Это, видно, взрослые хотели выбросить детей из горящих хат. Но эти ироды стреляли... После я подбирала маленьких возле пожарищ... Хорошила. Из всей деревни каким-то чудом уцелела одна я. Миленькие, родные, неужели бог не накажет этих зверей? Будь они трижды прокляты!

Воздев руки к небу, старушка с мольбой просила у бога самых страшных кар тем, кто посмел поднять руку на невинных детей.

— Нет, бабушка, не бог их накажет, а мы, советские люди,— сказала Вера.— Ох и накажем, каждую каплю человеческой крови припомним!

В другой деревне путникам поведали страшную историю о том, как на глазах у жены партизана пытали ее детей, чтобы она выдала, где находится муж. Растераали сначала детей, а потом женщину, но она так ничего и не сказала.

...Еще коротки летние ночи. Но уже не слышно птичьего пересвиста. В истоме притих, присмирел могучий полесский бор. Дорога вьется между столетними дубами, елями, соснами, порой подставляя подножку вылезшими из земли огромными корнями.

Спереди, с востока, потянуло сыростью. Пошло мелколесье. Путники приблизились к болотной речке Птичь. Переправы не было.

— Что делать? — встревожилась Вера. — Ведь я не умею плавать...

— Да, задача... А может, попробуешь как-нибудь?.. Мы поддержим, — предложил один из мужчин.

— Другого выхода нет...

Вода была теплая, от нее поднимался пар. Все четверо шагнули в реку одновременно. Мужчины шли рядом с Верой. Дно постепенно уходило из-под ног. Вода дошла до шеи. Захватило дыхание. Они подняли ее, пытаясь плыть, но сами были далеко не спортсмены. Они подталкивали Веру, а она беспомощно барахталась, захлебывалась и задыхалась от кашля. В отчаянии мужчины все сильнее и сильнее толкали ее вперед, к левому берегу, сами непрерывно опускаясь на гнилое дно Птичи. Оттолкнувшись, выныривали, жадно хватали воздух и снова толкали совсем обессиленную женщину.

Но вот дно постепенно поднялось, можно было уже идти, и усталые, изможденные спутники вынесли Веру на берег. Ее начало тошнить. Только к утру она немного окрепла. Днем одежду прополоскали, высушили, а вечером отправились дальше.

Было пройдено около полутора ста километров. Еще полсотни оставалось до фронта. Идти становилось все опаснее. В прифронтовой полосе все чаще встречались фашистские колонны войск, отдельные подразделения.

Однажды под утро вышли на опушку леса, к большаку, и замерли от неожиданности: на дороге стояла колонна фашистских автомашин. Путники укрылись в небольшом кустарнике, росшем возле тропинки, и замерли. Одно неосторожное движение — и немцы обнаружат их. Если остальным было тяжело, то Вере — вдвойне. Острая боль пронизывала все тело. Но надо терпеть — от этого зависел успех выполнения задания, зависела сама жизнь. И женщина терпела.

А время, как назло, шло убийственно медленно. Фашисты расхаживали возле машин, обедали, гоготали. В любой момент могли по надобности свернуть в кусты. Тогда — все.

Наступали сумерки. Вера шепнула:

— Стемнеет — переползем на ту сторону дороги под машинами...

— Как же ты-то поползешь? — спросила спутница.

— Ничего, выдержу, я выносливая...

Когда опустилась ночь, немцы угомонились. Только часовые ходили вдоль колонны. И тогда партизаны поползли. Вот уже над головой чернеют огромные кузова машин. Тяжело, очень тяжело... Но надо, иначе — смерть, и товарищи останутся без связи с Большой землей. Ведь командир доверил ей ответственное задание...

Наконец машины позади. Дальше — поле. Вставать еще рано, могут заметить. И снова локти и колени упираются в твердый, сухой грунт. Комья окаменевшей от зноя земли мешают ползти.

Только когда в темноте уже нельзя было различить часовых, встали на ноги.

Десятки километров пути не измотали Веру так, как эта «переправа» через большак. Долго не могла отдышаться, преодолеть наступившую после огромного напряжения слабость. Но до цели еще далеко, и нужно собрать все силы, чтобы двигаться...

Линию фронта переходили порознь — женщины отдельно от мужчин. Переходили на стыке двух частей, где фланги были несколько оголены. Когда увидели красноармейцев, исхудалых, почерневших от непрерывных боев, не поверили своим глазам. Неужели все позади и рядом свои?

Изнуренных долгим и трудным походом женщин проводили в землянку, приставили к ним охрану, однако тут же позаботились о том, чтобы накормить их.

Не успели спутницы поспать и двух часов, как на двери землянки поднялась плащ-палатка и Вера увидела знакомое лицо.

— Смотри, Сергей! — воскликнула она. — И ты здесь?

Сергей Притыцкий, долгое время работавший в подполье в Западной Белоруссии, человек, перенесший пытки, переживший смертный приговор, стоял перед ней в военной форме, улыбался и весело тряс ее руку.

— Да, здесь я. Работаю старшим инструктором политуправления Центрального фронта. Вот услышал, что Вера Хоружая перешла линию фронта, и помчался к тебе. Рассказывай, как, где, что, почему?..

Хотела Вера порадоваться встрече с хорошим знакомым, боевым товарищем, но не могла. Имя этого человека напоминало о том, другом Сергее, который уже не вернется и не скажет: «Ничего, дорогая, мы еще проживем... Нас голыми руками не возьмешь...»

Ответив слабой, усталой улыбкой на приветствие Сергея Притыцкого, сказала:

— Мне нужны штаб фронта и ЦК Компартии Белоруссии. Ты же знаешь Василия Захаровича Коржа. Я иду из его отряда. Ему требуются оружие, боеприпасы, медикаменты и политическая литература. За три дня все это я должна отправить в отряд и сама вернуться туда.

Встала, поправила на себе платье и твердо сказала:

— Идем в штаб...

Тут только Сергей заметил, в каком положении находилась Вера, отправляясь в этот трудный путь. Как можно думать о повторении всего, что она пережила? Нет, ее нельзя отпускать обратно. Еще, чего доброго, родит в дороге...

Не высказывая своих соображений, он повел Веру в штаб фронта, а потом повез и в Центральный Комитет КП Белоруссии, который находился здесь же, недалеко.

Дела с обеспечением отряда решились очень быстро. К Коржу направили радиста для связи с Большой землей. Когда обо всем договорились, Вера вышла из здания ЦК. Сергей Притыцкий проводил ее до дома, где Вере отвели комнату.

Уже прощаясь, она не выдержала, как-то само вырвалось:

— Сережа, если бы ты знал, как мне сейчас тяжело... Ведь я потеряла мужа... тоже Сергея...— и повернувшись, торопливо пошла в комнату.

Притыцкий стоял растерянный, пораженный не столько известием о смерти ее мужа, сколько выдержкой этой удивительной женщины. Может, чрезмерная усталость, может, наступившие сумерки или какая-то другая, внутренняя причина вырвала у нее это признание. Только чувствовалось, что произнесла она его, сдерживая крик измученной души. А до сих пор молчала о своем горе. Какую же силу воли надо иметь, чтобы так держаться на людях!

На следующий день Вера пошла в ЦК Компартии Белоруссии, чтобы получить разрешение на переход линии фронта. Там ей сказали, чтобы и думать об этом не смела. Тут же ее усадили в машину и отправили в Москву, оттуда в город Скопин Рязанской области к сестре Надежде. У нее в это время жили мать и дочь Аня.

Появилась Вера в Скопине в воскресенье, в конце августа 1941 года. Во дворе играла дочь Нади. Вера с трудом узнала ее.

— Где Анечка и бабушка?

— Не знаю... Мама все скажет.

Обгоревшие на солнце щеки Веры побелели. Она плотно сжала запекшиеся губы и шагнула через порог. Вместо приветствия спросила у Нади:

— Что с Аней?

В ее голосе было столько тревоги и душевной боли, что Надя испугалась:

— Ничего, ничего, не волнуйся, все в порядке...

— Ну вот еще... Успокаиваешь... Говори!

В это время вошла мать и бросилась обнимать Веру. Но она смотрела на них встревоженным взглядом и спрашивала:

— Что с Аней? Где Аня? Да говорите же вы!

— Цела Аня, не волнуйся, пожалуйста, — успокаивала мать. — В больнице она. Скарлатину схватила по дороге.

— Идемте к ней!

Не раздеваясь, не умываясь, в выгоревшем сарафане и в старенькой, вылинявшей голубенькой крепдешиновой кофточке, в железнодорожном пиджаке, который ей дали в Гомеле, Вера с матерью пошла в больницу.

Был уже вечер. Город погрузился в темноту. Вера долго бродила под окнами больницы, прислушиваясь, не шевельнется ли ее Анечка, не заговорит ли во сне, не кашляет ли. Но в больнице стояла мертвая тишина, и Вера направилась домой. Мать молча шла рядом, по собственному опыту знала, что такое тревога за судьбу своего ребенка.

Утром Вера снова пошла в больницу. Но в инфекционное отделение никого не пускали. Ей разрешили лишь подойти к окну палаты, в которой лежала дочь. С замиранием сердца смотрела она на свою любимицу. Аня похудела, глаза стали большими. Толкнув мальчика,

стоявшего рядом с ней у окна, и показывая на Веру, девочка сказала:

— Это же моя мама...

И только потом прильнула к окну, сплуснув свой носик, и поцеловала стекло, к которому с другой стороны припали побледневшие, потрескавшиеся на ветру губы матери.

Рязанский обком партии направил Веру в Скопинский райком партии на должность заведующей парткабинетом. Там она и проработала до 5 октября 1941 года, когда у нее родился сын.

Часами, не отрываясь, смотрела она на маленькое личико сына. Вот все, что осталось от ее дорогого Сергея. Но разве этого мало? Его жизнь продолжается в этом крохотном тельце. Пройдут годы, он вырастет таким же сильным, как отец. И пусть он будет тоже Сергеем.

Потом, когда маленький Сергей был уже далеко от нее, Вера писала в серой школьной тетрадке, зачеркивая и снова надписывая, стараясь точнее выразить свои мысли и чувства:

«Какими словами можно рассказать о наслаждении, которое охватывает, переполняет все существо, когда это маленькое создание, проголодавшееся и жалостно плачущее, нетерпеливо ища, поворачивает, крутит во все стороны головку и, как птенец, раскрывает ротик. Поймав, наконец, материнскую грудь, он жадно припадает к ней маленькими губками... Я смеюсь тогда счастливым смехом, приговариваю: «Ешь, ешь, мой сыночек! Ешь, родной мой! Видишь, какой грозный вояка! Соколеночек мой...»

Но вот удовлетворен первый голод, мой сыночек откидывает головку и, глядя мне в глаза, весело улыбается и что-то воркует, воркует. Мне тогда кажется, что надо мной светит не одно, а двенадцать солнц, и я, не помня себя от счастья, крепко прижимаю его к себе и целую, целую...

Я смотрю на него, не отрывая глаз, и за маленьким личиком сыночка вырастает лицо его отца. Дорогие, незабываемые воспоминания проплывают в мыслях... Мне сладко и больно...»¹

---

¹ «Славная дочь белорусского народа». Минск, 1962, стр. 208.

СЕРДЦЕ ЗОВЕТ В БОЙ

Фронт приближался к Рязанской области. Началась эвакуация населения. Вместе со всей, теперь уже большой семьей выехала на северо-восток и Вера Хоружая.

Остановились они в селе Усть-Буб Сивенского района Пермской области. Там ее назначили колхозным счетоводом.

«Что ж, счетовод так счетовод,— думала Вера.— Нет больших и малых дел, любое из них важно, если оно на пользу государству».

Пришлось овладевать новой специальностью на ходу. Это требовало дополнительных усилий и забот.

Канцелярия теперь стала вроде клуба. Закончив свои дела, Вера обычно брала газету и читала колхозницам, которые собирались здесь после тяжелого рабочего дня. Не только читала, но и разъясняла положение на фронтах, рассказывала о героизме воинов Советской Армии, о друзьях и врагах СССР и все сводила к одному: наша победа неминуема, враг будет уничтожен. Повеселевшие уходили из канцелярии женщины.

Мать пристально присматривалась к Вере. Заметила седые пряди на висках и сокрушенно покачала головой: как быстро изматывает жизнь ее беспокойную дочь.

Не могла Вера скрыть от матери и неизбывную тоску. На людях держалась так, что посторонний глаз и не замечал душевных страданий. Но стоило хоть на минутку остаться одной, как накатывалась какая-то горячая волна и жгла сердце, терзала, не давала покоя. Перед глазами вставал муж, каким видела его за несколько часов до смерти. В ушах звенели уверенные, бодрые слова: «Ничего, родная, мы еще поживем... Нас голыми руками не возьмешь...»

Как живая, виделась мысленному взору седая, трясущаяся старушка с вздетыми к небу в бессильном порыве руками. Набатов звучало неистовое: «Миленькие, родные, неужели бог не накажет этих зверей? Будь они трижды прокляты!»

И словно в кино, проходили эпизоды страшной трагедии...

Нет, этого видения Вера не может вынести. Она не

простит себе, если не отомстит. Не только за тех, кто погиб в небольшой полесской деревушке, но и за всех других таких же невинных мучеников.

Аня все время держалась около матери. Она терлась, словно ласковый котенок, заглядывала в глаза и щебетала, щебетала.

— Мамочка, — говорила она, прижав щекой к щеке матери и крепко обнимая за шею, — когда мы прогоним немцев и кончится война, мы снова поедем в нашу Беларусь, и мы найдем нашего папу...

Детское сердце — самое чувствительное из всех сердец. Взрослый не всегда поймет разумом то, что ребенок чувствует. Вот и сейчас Аня угадала, что глохнет сердце матери, и по-детски бесхитростно хотела утешить.

— Он живой, мамочка, не может быть, чтобы его фашисты убили. Он же такой сильный! У него, ты же помнишь, винтовка, гранаты и еще револьвер...

Слова дочери вызвали на лице матери теплую, но горькую улыбку. Наблюдательная девочка заметила, что мать не поверила ей, и подобрала еще один аргумент для того, чтобы окончательно успокоить ее:

— А может быть, я найду папу еще до конца войны. Я напишу письмо папиным товарищам на фронт. У папы много товарищей, и я их попрошу...

Нет, не только папу видит в своих мыслях мать. Что-то большее, чем личное горе, застилает печалью ее глаза. И когда Аня услышала от матери: «Я скоро поеду на фронт» — она не стала отговаривать ее. Раз мама так решила, значит, иначе нельзя. Но оставаться без нее не хотела и еще крепче обняла за шею. Угадывая мысли матери, снова спросила:

— Мама, ты помнишь, вчера ты мне рассказывала, как фашисты мучают людей, и говорила, что слышишь крики и стоны нашей Белоруссии. Помнишь?

— Помню, доченька.

— Ну вот, я тоже хотела услышать. Я проснулась ночью. Было тихо. Дружок во дворе лаял. И я слушала, слушала и ничего не услышала. Почему это, мамочка?

Как ответить ребенку на такой вопрос? Обняв и горячо поцеловав дочь, Вера ответила ей, как взрослой:

— Когда будешь сильно любить свой народ, тогда услышишь не ухом, дочурка, а сердцем...

Нет, это еще непостижимо малышке. Разве у сердца есть уши? Как же оно может слышать? Ответ удивляет, озадачивает девочку. Мысль ее работает напряженно, она силится понять смысл материнских слов.

Каждое утро Вера жадно набрасывалась на газеты. Они доносили эхо далеких сражений. Их страницы пылали пожаром кровопролитных битв.

Особенно нетерпеливо искала сообщений из Белоруссии. Оттуда доходили хорошие вести: народ поднялся на партизанскую борьбу. Но фашисты свирепствуют повсюду. Их зверствам нет границ.

И снова Вера видела перед собой растерзанные детские тельца, распластанные возле горящих хат. Превозможная душевную боль, сказала однажды сестре и матери:

— Не могу больше, не могу... Вы простите меня за то, что на вас перекладываю свои заботы... Но сидеть здесь, в тылу, когда там в кровавых муках мой народ борется за свою свободу, я больше не могу. Я поеду на фронт или в тыл немцев. Я нужна там.

— Как же ты поедешь? — с удивлением спросила сестра. — Ты прежде всего мать, как ты можешь оставить детей! Ты же так крепко любишь их!

— Да, я их люблю больше своей жизни, — сквозь слезы ответила Вера. — Но пойми, сестрица моя родная, я не только мать, я коммунистка. Не могу я сидеть здесь со своими двумя детьми, когда там гибнут каждый день тысячи детей! И, наконец, что будет с моими, с твоими детьми, если мы не победим, не прогоним фашистских оккупантов?

Тогда мать решительно поддержала Веру. Она поняла ее душевный порыв, поняла, что не выдержит ее беспокойная дочь, ринется в самое пекло войны, и подготавливалась к этому:

— Делай, доченька, как тебе подсказывает твоя совесть. И не мучайся так. Помни, что ты оставляешь детей не в поле на снегу, а со мной. Я думала уже немножко отдохнуть, мне же шестьдесят пять лет, но что ж, если такое время и горе всему народу, должна и я быть чем-то полезной. Я посмотрю за твоими детьми, чтобы им было со мной не хуже, чем с тобой. Езжай, доченька, добивайте быстрее врага, освобождайте народ наш из неволи. Только возвращайся живая...

Слова матери убедили Надю. Если уж она благословляет, то иначе нельзя. Мать, не колеблясь, отпускает дочь на такое опасное дело. Надежде стало совестно, и она сказала:

— Твоему Сереже только четыре месяца. Я буду кормить его грудью, моей Наталке десять месяцев, она уже может есть кашку. Езжай, не бойся, вырастим тебе сына.

Радостными и горькими слезами был скреплен этот союз родных сердец, родных не только по крови, но по идеям, по мысли.

И вот снова Москва. Не та светлая, веселая, сияющая Москва, какой знала ее Вера в мирное время, а суровая, грозная для врага столица Страны Советов.

Вера быстро отыскала Центральный Комитет Компартии Белоруссии. Зашла к одному секретарю, к другому. Ее внимательно выслушали, но категорически заявили:

— Вы мать двоих маленьких детей. В тыл врага мы не пошлем вас. Для этого у нас хватает девушек, желающих, как и вы, работать в фашистском тылу.

— Но у них нет того жизненного опыта, какой имею я. Вам известно, что я была в подполье в панской Польше, знаю, что такое фашистская тюрьма, прошла школу жизни.

— Сейчас условия более сложные.

— Знаю. Я своими глазами видела немецкий фашизм. Видела его, еще когда подпольно бывала в Берлине. И недавно видела на моей родной земле. Поэтому считаю своим долгом и своим правом активно участвовать в борьбе с фашизмом. Я не могу оставаться в советском тылу, хотя и здесь люди трудятся во всю силу.

— Не можем мы послать вас, не можем, поймите это. Ради вас, ради ваших детей не можем. Достаточно и того, что они уже осиротели, мы не имеем права отнимать у них еще и мать.

— Позвольте мне самой решить этот вопрос,— не сдавалась Вера.— Они в надежных руках, в руках моей матери и сестры, к тому же я не собираюсь умирать, а хочу бить врага.

— Но вы представляете, какой опасности будет подвергаться ваша жизнь в тылу врага?

— Представляю. А не подвергаются ли опасности ежечасно и ежеминутно миллионы воинов на фронте и сотни тысяч в лесах и городах Белоруссии, Украины, Прибалтики, Смоленщины? Вы никому из них не задавали такой вопрос?

— Но вы же, в конце концов, женщина!

— Вот потому и прошусь в тыл врага, что я, женщина, не могу простить фашистам того, что они причинили мне и моему народу. Кроме того, женщине, да еще имеющей опыт подполья, легче работать в тылу врага.

— Нет, с вами положительно невозможно спорить. И напрасно вы добиваетесь. Ничего не выйдет.

Так продолжалось несколько дней. Наконец руководители ЦК КП Белоруссии решили удовлетворить ее просьбу. Вере Хоружей было поручено комплектовать группу для подпольной работы в тылу врага.

БИТЬ ВРАГА В ЕГО ТЫЛУ

По всей стране разыскивала она людей, которых знала по подполью в Польше. Послала десятки писем и запросов в различных направлениях. Но старая гвардия была уже в деле. Из бывших подпольщиков откликнулась на ее зов лишь подруга по камере в Фордоне Софья Сергеевна Панкова.

Жизнь и ее не баловала. Многого пришлось пережить ей. Постарела. В волосах появились серебринки. Лицо избородили морщины. Неизменными остались только внимательные, добрые глаза Сони.

Подруги несказанно обрадовались встрече, и, когда Вера сказала, зачем она разыскала ее, Соня, не задумываясь, ответила:

— Согласна. С тобой — хоть на край света...

— Спасибо за добрые слова, — обняв ее, произнесла растроганная Вера.

Потом они выбрали в свою группу Евдокию Савишну Суранову, Марию Степановну Яцко, Анну Петровну Иванькову, Антонину Филипповну Ермакович, Матрену Фоминичну Исакову и еще нескольких женщин.

Началась напряженная учеба искусству конспиративной работы. День и ночь Вера была занята. Она боялась свободных минут, когда невольно возвращалась к одному и тому же — к малюткам, оставленным где-то там, без матери и отца. Тогда сердце начинало болеть с новой силой, дышать становилось тяжело.

«Поймут ли они меня, когда вырастут? — с тревогой думала она. — Будут ли знать, с какой нестерпимой болью я оторвала от шеи тоненькие ручки дочери, вырвала грудь из жадных губ сыночка? Узнают ли, какую нечеловеческую муку пережила я тогда и переживаю сейчас, каждую минуту, каждое мгновение? Никакие физические пытки не могут сравниться с этой душевной болью. Узнают ли об этом?»

Когда у нее появлялось свободное время, брала серую школьную тетрадку и торопливо писала, писала... Мало ли что случится с ней, а эти записки могут сохраниться, и тогда дочурка и сыночек после многих лет разлуки услышат ее голос, поймут ее. И они не упрекнут, не осудят, а будут гордиться своей матерью.

Внимательно, пристально изучала Вера характеры подруг, с которыми придется работать в опасных условиях. Ничто не ускользало от ее взора. И манера держаться, и аккуратность в одежде, и способность запоминать, и умение молчать — все качества подпольщика принимала в расчет. Нравились ей глубокая сосредоточенность Софьи Панковой, веселый нрав Дуси Сурановой, быстрая сообразительность Анны Ивановской, спокойствие, невозмутимость Матрены Исаковой.

Одна женщина из ее группы все время тосковала и нетерпеливо спрашивала:

— Скоро ли приступим мы к делу?

Как-то, выбрав момент, когда они остались вдвоем, Вера спросила:

— У тебя что-то есть на душе тяжелое? Я по глазам вижу.

— Есть. Двое детей у меня там осталось — трех и пяти лет. У родителей, в Горках. Душа горит. Что с ними?

Не удержавшись, женщина разрыдалась. Нежно поглаживая ее по вздрагивающим плечам, Вера сказала:

— Успокойся, не надрывайся. Я очень хорошо понимаю тебя — сама оставила двоих детей. И мне очень,

очень тяжело. А сколько еще таких, как мы? Сколько слез льется сейчас по всей нашей стране? Сколько материнских сердец обливается кровью в эту минуту? Вот и мы собрались здесь, чтобы отомстить фашистам за эти слезы, за наше горе.

Седины в волосах Веры становилось все больше. В уголках губ постоянно лежали скорбные складки. Улыбалась она мало, была всегда ровной, задумчивой, сосредоточенной, никогда не повышала голос. Даже недовольство высказывала спокойным тоном.

В группе во всем соблюдался строгий порядок.

— Обычно в подполье людей губят мелочи, — предупреждала Вера. — Не на место поставил вещь, забыл уничтожить то, что положено, сказал лишнее слово, сделал замечание невпопад, развеселился или загрустил некстати — мало ли что может обратить на тебя внимание фашистов. Не думайте, что агенты фашистской контрразведки дураки. Недооценивать их — значит заранее обрекать себя на провал.

Группу тщательно снаряжали, принесли одежду. Каждая из женщин отобрала себе по вкусу.

Вера подошла к куче обуви, выбрала самые некрасивые туфли и сказала безразлично:

— Эти я беру.

Ее поняли правильно. Это было не равнодушие к себе, а уважение к другим: хотя она и старшая, но готова уступить в таких делах более молодым. В группе должна быть взаимная выручка и готовность помочь друг другу во всем.

Выехали из Москвы на открытой грузовой машине. Тугой, пружинистый ветер бил в лицо. Солнце обжигало. Вера в светлой блузке в полоску, с коротким рукавом и в серой юбке сидела впереди и задумчиво смотрела перед собой. Новые заботы поглотили ее мысли.

Всю дорогу пели, вкладывая в слова особый смысл. Хотелось на вольной советской земле перепеть все, что только знали. Ведь скоро останутся позади и эти милые сердцу кудрявые подмосковные леса, и шумящие звонким колосом поля, и тихие, плавные, как народная песня, речки. Правда, там, куда они ехали, тоже Родина — дорогая Беларусь, но ведь сейчас советская песня там под запретом, поэтому хотелось, может быть, в последний раз спеть знакомые с детства любимые мелодии.

На одном контрольном посту усталый, с морщинистым лицом солдат спросил:

— Куда едете?

За всех ответила Дуся:

— Куда посылают, туда и едем.

— А почему ты так поешь?

— Душа просит, вот и пою.

Оторвавшись от своих мыслей, отдалась обаянию песен и Вера. Она вместе с подругами подхватывала и веселые, задорные и грустные, задумчивые песни.

Вот Дуся начала: «Я пулеметчиком родился и пулеметчиком умру». Машина влетела в деревню. Грянула песня: «А ну-ка, девушки, а ну, красавицы». На улице стояли женщины, подперев ладонями подбородки, грустно смотрели на подруг, едущих в сторону фронта, и плакали.

Вскоре почувствовалось дыхание фронта. Земля глухо стонала от далеких орудийных залпов. В небе то и дело с противным завыванием проносились вражеские самолеты.

Заехали в Торопец, где находилась оперативная группа Центрального Комитета КП Белоруссии, а завтра отправились поближе к фронту, в деревню Шейно, в штаб опергруппы партизанского движения. Там держались так, будто не знакомы между собой. Собирались вместе только в лесу. С детства любила Вера неприглаженный и неподчищенный, разноголовый и разноцветный белорусский лес. И вот сейчас на границе родной Белоруссии она снова увидела это чарующее беспорядочное смешение звонких сосен и могучих дубов, стройных и нежных красавиц-берез и тенистых вечнозеленых елей, неугомонных осин и величественных кленов.

Лет пятнадцать назад, очутившись вот в таком зеленом великолепии, она запела бы от восторга, закружилась, увлекая за собой остальных. Но теперь не только язык, но, кажется, и само сердце у нее было на замке. Забравшись в чащу, на полянке раскладывали на траве план города Витебска и внимательно изучали его. Скупно перебрасывались словами.

Указав на крестики, обозначающие городское кладбище, Дуся Суранова задумчиво сказала:

— Где-то вот здесь, около самого кладбища, на Тракторной улице, живут мои родственники... Бабушка Маша... Тут мы сможем остановиться.

Трудно было угадать, что осталось от этих кварталов, обозначенных на карте, может, только груды кирпича да щебня. Но те, кому предстояло схватиться с врагом в стенах города, перехитрить его и подготовить победу, должны знать хотя бы план города.

— Каждая из нас должна запомнить названия нескольких улиц и знать их расположение,— приказала Вера.

В деревне Шейно еще раз встретился Сергей Притыцкий. Он приехал сюда по военным делам, случайно услышал, что Вера здесь, и зашел к ней.

Случалось всегда так, что Сергей Осипович Притыцкий встречался на самых крутых поворотах в ее жизни. И в этот раз она увидела его незадолго до перехода на территорию, занятую врагом, и обрадовалась, как родному. Он зашел, когда она в лупу рассматривала паспорт:

— Что-то не нравится мне эта «липа». Какой-то безответственный шалопай не соизволил пошевелить мозгами и поработать как следует. С такими паспортами очень легко засыпаться. И новых ждать некогда: скоро надо выбираться, говорят, вот-вот могут закрыть «ворота»...

Войска Калининского фронта во взаимодействии с витебскими, смоленскими и калининскими партизанами прорвали и долгое время держали открытым участок фронта шириной в несколько десятков километров¹. Через эти «ворота» в тыл врага шли партизаны, подпольщики, а оттуда уходило от преследований фашистов и вывозило с собой продовольствие мирное население, угоняло скот. Но фашисты уже основательно нажимали с двух сторон, стараясь закрыть брешь, и Вера должна была спешить.

— Если не очень занят, Сергей Осипович, выбери время и проведи с моими девчатами занятия по конспирации. У тебя хороший опыт в этом деле.

— Что ж, если нужно, проведу. У меня как раз есть несколько свободных часов.

---

¹ См. «История Белоруссии», т. II. Минск, 1961, стр. 446—447.

Связная обошла все квартиры, где размещалась группа, и передала распоряжение собираться в условленном месте в лесу.

На небольшой полянке утоптана высокая трава. Уже не раз Вера проводила здесь занятия.

— Девушки, это Сергей Осипович Притыцкий, опытный подпольщик Западной Белоруссии. Сейчас он вам расскажет, как надо соблюдать конспирацию при работе в тылу врага. Ну, спасибо, Сергей Осипович. Я пошла по делам...

Вечером они долго беседовали, вспоминали былые годы, революционную юность, общих знакомых.

— Сейчас работать в подполье труднее, — сказала Вера. — Враг сильнее, хитрее, изворотливее. Но тем большая будет радость победы. На свою гибель схватились фашисты с нами. В гражданскую войну мы совсем слабые были и то одолели врагов, а сейчас наверняка одолеем. Только вот людей жалко. Столько чудесных жизней недосчитаемся после войны... И это уже безвозвратно...

— Нам придется не просто жить там, — говорила она, — но и работать. Ни одна наша ошибка и промашка не пройдут незамеченными фашистскими агентами. Поэтому уже сейчас мы должны хорошенько подготовиться к действиям в тех условиях.

Потом перебрались в деревню Пудоть, у самых «Суражских ворот». Жили в сарае, за деревней. Наступили холода. Утром не хотелось вставать, выходить на ядреный воздух. Женщины поживались, крихтели, поглядывая на свою старшую. А Вера как будто и не замечала холода. Она раздевалась до пояса и долго умывалась, докрасна растирая покрывавшееся гусиными пупырышками тело. Потом задумчиво смотрела на застывшее в немой неподвижности красивое озеро за деревней, на стену леса, перевернувшуюся в водном зеркале. Очнувшись, бодро покрикивала:

— Не отлынивать, девочки, умываться до пояса!

Фыркая и смеясь, женщины обливали друг друга.

Пока ехали к фронту, Вера присмотрелась к ним, поняла характер и возможности каждой. Во всех она была уверена. Конечно, недостатки могут быть у всех, но, если они не слишком велики, их можно учесть в работе.

Вскоре сообщили: пора собираться в путь. Из-за линии фронта прибыл ответственный организатор Витебского обкома партии по работе среди партизан Витебского куста Василий Кудинов. Они встретились, обсудили условия прохода «Суражских ворот». С Верой должны были идти Дуся Суранова и Тоня Ермакович.

Наступил день отъезда. Высокий худой мужчина подъехал на повозке, в которую была запряжена тощая рыжеватая лошаденка. На повозку погрузили одежду, продукты. Вера, Дуся и Тоня попрощались со всеми, кто еще оставался здесь. Кто-то предложил:

— Давайте по русскому обычаю перед отъездом сядем и помолчим.

Все присели. Вера молча опустила голову на скамейку, затем так же молча встала и пошла, ни разу не оглянувшись. За ней последовали остальные. Так и ушли они в стан врага, в неизвестность. А те, кто временно оставался здесь, смотрели им вслед и от всей души желали успеха.

Ехали долго. Собственно, не ехали, а шли пешком. Дорога была трудная. Сыпал непрерывный осенний дождь — серый, мелкий, нудный. Правда, женщины по очереди садились на повозку, но ненадолго. С ними шел и Василий Кудинов, которому дорога эта была хорошо знакома: не раз хожена. Чтобы прогнать скуку, рассказывал забавные истории. Вера больше молчала.

Наконец добрались до торфопредприятия «XX лет Октября» — базы партизанского отряда Михаила Бирюлина, на который опирались в своей работе подпольщики. Витебск был уже недалеко.

СМЕЛОСТЬ ВЕРЕТ ГОРОДА

Нет ничего томительнее ожидания. Партизаны ходили на операции. Где-то в стороне от их базы рвались мины. Летели под откосы эшелоны с живой силой и техникой врага. В окружающих населенных пунктах народные мстители громили вражеские гарнизоны. А небольшая группа Веры все еще сидела на партизанской базе и ждала.

Задача их ясна: пробраться в Витебск, создать там подпольную организацию, которая проводила бы поли-

тическую работу среди населения, вовлекала жителей в активную антифашистскую борьбу и добывала сведения о противнике для партизан и Красной Армии. Так говорили Вере в ЦК Компартии Белоруссии. Так она и понимала свою роль.

Но прошло много времени, а она все не могла доложить в ЦК о том, что приступила к выполнению задания. Хотя до Витебска было рукой подать, ее не пускали туда. Василий Кудинов успокаивал:

— Подожди, успеешь. Мы еще не готовы к отправке вас в Витебск.

И в самом деле, опыт подсказывал ей, что пробираться сейчас в город было бы чрезвычайно опасно. Ей и остальным женщинам неправильно оформили документы. Воспользоваться ими для легальной прописки в городе было нельзя. Случилось так, что и денег советских и немецких перед отправкой через линию фронта Вера не смогла взять.

В то время партийная организация области только начинала подпольную работу в городе. Надежных связей в Витебске обком еще не имел. Не было там и проверенных квартир, где могли бы обосноваться подпольщики.

Тревожило Веру еще и то, что из ее группы одна лишь Дуся до войны жила в Витебске, для остальных этот город известен только по учебникам географии да сводкам Советского информбюро. А ведь там предстоит работать. Сумеют ли ее девчата быстро сориентироваться? Ведь не подойдешь к первому встречному спрашивать, где находится такая-то улица. Да и как примут их незнакомые люди в оккупированном врагами городе, где установлен жестокий полицейский режим?

Все эти вопросы волновали Веру и представителя обкома партии.

Вере все казалось, что Кудинов непростительно медлит, что у него нет тех больших организаторских способностей, какие нужны в столь сложной обстановке. Правда, он что-то предпринимал. Немцы выселяли жителей Витебска из отдельных районов города в окружающие деревни. Кудинов через своих людей завязывал с ними связи. Но делалось все это робко, без достаточной настойчивости, что очень огорчало и раздражало Веру.

— Долго будете держать нас на привязи? — требовательно спрашивала она.

— Мы не можем рисковать вашими жизнями, — отвечал ей Кудинов. — У нас пока нет там надежных людей, работающих у немцев, которые могли бы прописать вас в городе, особенно с вашими документами.

— На войне без риска не бывает, — возражала спокойно Вера. — Риск — благородное дело. И потом, сидя здесь, на базе, мы так и не займем нужных связей. Надо действовать.

Она настояла на своем. 27 сентября 1942 года Дуся и Тоня отправились в Витебск. Их сопровождала Клава Болдачева, жительница деревни Контово Витебского района. Она была связной партизанского отряда и носила кличку «Береза».

С волнением ждала Вера возвращения девушек. Тоня и Клава вернулись на следующий день. Увидев их, Вера не выдержала, бросилась навстречу:

— Ну как?

— Все в порядке. Дуся осталась там, у родственников. Она передала, что и вам, Вера Захаровна, тоже можно устроиться.

Окончательная подготовка заняла более суток. Кудинов усиленно собирал записки партизан 1-й и 2-й бригад к родственникам и знакомым, проживавшим в Витебске. В каждой говорилось, что «податель сего» заслуживает полного доверия, что нужно оказывать ему всяческую помощь и содействие. Разумеется, были там и личные сообщения и просьбы.

Десятки записок на различных клочках бумаги — белых тетрадных, красных оберточных, желтых полукartonных. А кто он, этот адресат, что у него на душе, какому богу он молится или какому лешему кланяется?

Мало кто из писавших записки ручался, что человек, к которому он обращался, охотно примет представителя партизанского отряда. Время наступило лихое, фашисты казнят людей без всякой причины, а тут связь с партизанами... Не у всякого найдется мужество приютить у себя подпольщика, работать совместно с ним.

А ведь записки писались не только к родственникам, но и просто к знакомым, к соседям. Поди узнай, кем был и кем стал сосед за это время! Каких только превращений не случалось в трудную годину войны!

Вера взяла все, что ей предложили, — сто восемнадцать адресов. Вдруг пригодятся, даже девять адресов предателей — их надо знать, чтобы обойти, не нарваться.

Сто восемнадцать, и ни одного наверняка надежного. Все надо разведывать, прощупывать, удостовериться, рискуя своей головой.

Молодой парень Володя Германович, смущаясь и слегка краснея, тоже передал записочку:

— Девушка там у меня осталась, Василь Романович, в Витебске... Мы... Ну, словом, я ручаюсь за нее. Хотя я ее давно, почти с самого начала войны, не видел, но уверен, что она не может продаться фашистам. Не такая она... Честная... Вы не смотрите, что она на немецком аэродроме работает. Семья у нее, жить как-то надо...

— А ты все же не сомневаешься в ней? — еще раз переспросил Кудинов.

— Как за себя ручаюсь! — воскликнул парень.

Разговор с Володей Василий Кудинов передал Вере. Та выслушала внимательно, ничего не сказала, но подумала: «Крепко же любит, если так уверен в девушке. А проверить все же не мешает...»

Вышли на рассвете. К городу подошли, когда всходило солнце. Панорама Витебска очаровала Веру. Голубая лента Западной Двины гигантским кушаком опоясала город посредине. Капризная река причудливо извивалась в высоких берегах и, казалось, поглощала всю лазурь неба. Величественная, спокойная, она, как заслуженную дань, принимала воды своих младших сестер — Витьбы, Лучесы и других речек и речушек.

На прибрежных холмах в золотистом оперении осенних деревьев чернели остовы обгорелых домов, ярким багрянцем отливали на солнце уцелевшие кирпичные здания.

Величие и нищета удивительно сочетались во всем облике города, и от этого странного сочетания у Веры тоскливо сжалось сердце.

— Вон он какой, оказывается, Витебск! — невольно вырвалось у нее.

— Какой? — удивилась Тоня.

Вера не могла сразу определить словами свое первое впечатление.

— А все-таки он красивый, несмотря ни на что,— высказала свое суждение Тоня.

— Вот именно, несмотря ни на что...

Дуся уже ждала их. Еще в отряде было условлено, что в городе Вера будет именоваться Анной Сергеевн^{ой} Корниловой. На это имя ей и оформили тот неудачный паспорт, которым она не могла сейчас воспользоваться.

Когда Вера и Тоня зашли в домик родственников Дуся — Воробьевых, бабушка Маша (Мария Игнатьевна Воробьева) хлопотала у печи. Дуся прибирала в комнате. Видно было, что она чувствует себя как дома. Настроение бодрое. Темное в клеточку платье наглажено, черные туфли до блеска начищены.

— Доброе утро в хату,— поздоровалась Вера.

— Доброе утро, молодицы, доброе утро,— чуть нараспев ответила бабушка Маша.— Проходите, гостями будете.

— Это Анна Сергеевна, о которой я вам говорила,— сказала Дуся.

— А меня все зовут бабушкой Машей,— и протянула свою маленькую морщинистую руку.

— Ласково зовут,— сказала Вера.— Значит, душа у вас хорошая.

— Какая уж есть. Раздевайтесь и чувствуете себя как дома.

И тут же добавила:

— Правда, сейчас и дома честный человек чувствует себя хуже, чем в гостях. Но что поделаешь, надо жить как приходится...

Женщины сняли пальто, платки, присели у стола.

В комнате была невестка бабушки Маши Анна Васильева. Но она быстро собралась и ушла на работу.

— Ну, как тут? — осторожно спросила Вера Дусю.

— Трудновато... Хорошо, что я сюда попала. Тут мы действительно как дома. За бабушку Машу и за остальных в семье ручаюсь, как за себя. А дальше надо быть очень осторожными. Полиция без конца устраивает облавы, хватает всех мало-мальски подозрительных... Сколько людей перевешано, перестреляно! Волосы дыбом становятся.

— Ничего, освоимся,— успокоила Вера.

— Бог не выдаст, черт не съест,— вмешалась в разговор бабушка Маша.— Весь народ не перевешают и скотами продажными не сделают. У кого совесть человеческая есть, тот человеком всегда останется, а кто до сих пор красивыми словами прикрывался, тот теперь и показывает себя продажной тварью. Люди ведь всегда разные бывают...

— Правильно,— поддержала ее Вера.— Честных людей всегда несравненно больше, чем подлых. А раз так, то найдется, кому поддержать нас.

Не откладывая, Вера приступила к работе. Из многочисленных адресов отобрала более надежные. Вот записка партизанки Марии Ильиничны Маценко к родственникам. До войны Мария Маценко работала секретарем парторганизации фабрики «Знамя индустриализации». В партизаны пошла вскоре после оккупации Витебска. Знаящие ее семью утверждали, что все — отец, мать и брат, работавший на железной дороге,— люди честные.

Но то было до войны. А как сейчас?

Дома Вера застала только мать партизанки. Подала ей записку. Мать и обрадовалась, и испугалась, и растерялась, а прочитав, засуетилась, не зная, куда посадить гостью.

— Ну как там Машенька,хватила горюшка? — со слезами на глазах выпрашивала старушка.— А у меня уже сердце переболело за нее. Каждую ночь во сне вижу. И все сны такие страшные...

— Не бойтесь за нее, все будет в порядке. Сейчас она не в опасной зоне. Чувствует себя хорошо. Да вы же сами знаете, она никогда не унывает...

Говорила самые теплые слова о дочери, уверяла в ее полной безопасности, успокаивала, смягчая материнскую боль и тоску. Постепенно стала расспрашивать, как живет семья, чем занимается.

— Сын работает,— рассказывала мать,— на железной дороге. Ох и достается ему! Работа тяжелая, а фашисты — звери зверями, так и норовят пристукнуть. Для них человека прикончить — раз плюнуть. Заработки сами знаете какие. С трудом перебиваемся. Но об этом сейчас и говорить не стоит — все честные люди так живут.

— Как бы мне поговорить с ним?

— Приходи под вечер, он как раз зайвится. Рад будет увидеться. Сам все Машу вспоминает...

— Ну, так я попрощаться не буду, а забегу под вечер...

— Милости просим, милости просим...

В кармане еще несколько адресов, отобранных на сегодня. Зашла еще в одну квартиру, поздоровалась. Посреди комнаты на низкой табуретке сидел адовый, выросший щетиной человек и что-то мастерил из жести. Вера убедилась, что перед ней адресат, и только потом сказала:

— Привет вам от вашего племянника Андрея...

Глаза хозяина квартиры расширились от испуга. Он даже вытянул перед собой руку, как бы защищаясь от удара:

— Какого племянника? Никакого племянника у меня нет! И вообще прошу вас, дамочка, убирайтесь отсюда, а то сейчас в полицию заявлю!

Круто повернувшись, Вера заторопилась из этого дома. Вот тебе и адрес! Хорошо еще, что не попытался задержать. И на таких можно нарваться.

Но, в общем, ей в тот день везло. Еще в двух квартирах родственники партизан приняли ее очень тепло и обещали помогать в работе. Везде она договаривалась, что в случае нужды использует их квартиры как явочные.

Отправилась побродить по городу, сориентироваться, а заодно поискать военные объекты, чтобы потом сообщить в отряд. За этим ее и застала бомбежка. Лежала в какой-то канаве, слушала, как свистят, воют, со стоном рвутся бомбы. Ее немножко оглушило, но после бомбежки поднялась довольная, стряхнула с себя землю и пошла к немецкому аэродрому.

Как и условились, под вечер пришла к Маценко. Брат Марии, еще молодой человек, старался подробнее разузнать, как там чувствует себя сестра, что делает. Вера отвечала на его вопросы осторожно, общими словами. Из головы не выходило: можно ли привлечь этого парня к подпольной работе? Перед тем как проститься, спросила:

— Если мне потребуется какая-то помощь с вашей стороны, вы не откажете?

— Что именно вы имеете в виду? — вопросом на вопрос ответил он.

— Сейчас мне прежде всего нужно найти надежные квартиры, где я могла бы время от времени переночевать или днем побывать...

Немного подумав, он ответил:

— Это, пожалуй, можно устроить. У меня есть тети, чудесные старушечки. И не болтливые. У них можно останавливаться. Приходите послезавтра, когда я с работы вернусь, познакомлю вас с ними.

— А согласятся они принять меня? Ведь вы понимаете, что это опасно. И от них это нельзя скрывать.

— Думаю, что согласятся. Они старушки смелые. А впрочем, я и прошу вас прийти послезавтра, чтобы завтра самому предварительно поговорить с ними. Ну, а что на нас можете рассчитывать, так это само собой разумеется.

Поблагодарив за все, Вера решила воспользоваться гостеприимством Маценко потом, а пока предпочла ночевать у Воробьевых. До вечера еще оставалось время, и она отправилась на 4-ю Заводскую улицу. Там жила руководительница подпольной группы «Б», как она числилась в списках подпольного обкома партии, — Анна Андреевна Бекшеева. Хозяйка встретила незнакомую гостью настороженно. Это не разочаровало Веру — иначе в такое время и не должно быть. Нельзя же доверяться первому встречному. Но когда они вошли в комнату, Вера сказала пароль:

— Привет от товарища, который взял метрику вашего ребенка.

Пароль этот — не только условные слова. И в самом деле Кудинов взял для подпольных целей метрику ребенка Анны Андреевны. Теперь Бекшеева была уверена, что перед ней партизанка, и лицо хозяйки мгновенно изменилось, стало радостным, приветливым. Чем могла угостила Веру, торопливо рассказывая городские новости.

С Бекшеевой работали еще два товарища. Их главной задачей было собирать военную и политическую информацию и передавать ее в партизанский отряд. Кроме того, сама Бекшеева добывала для партизан медикаменты.

— Теперь вам придется несколько расширить круг деятельности своей группы, — сказала ей Вера. — Разумеется, помогать партизанам и Красной Армии в полу-

чении необходимой информации о противнике, снабжать их медикаментами — дело очень нужное и необходимое. Но мы, подпольщики, должны наносить удары по врагу и другими средствами: поднимать советских людей на активную борьбу с оккупантами. Словом, политическая работа среди населения...

— Люди страшно запуганы, — как бы оправдываясь, сказала Анна Андреевна, — говорят только шепотом.

— А мы должны и его использовать. Новость передают с ушка на ушко — уже успех. Вот давайте в этом направлении и поработаем. Положение на фронтах у нас сегодня такое...

Вера подробно изложила последние сообщения Совинформбюро и добавила:

— Прошу проинформировать свою группу, а членов группы — по цепочке своих знакомых.

— Хорошо.

Анна Бекшеева невольно прониклась уважением к этой седеющей женщине, в голосе и во всем облике которой чувствовался большой жизненный опыт. С тех пор Анна Андреевна аккуратно выполняла все указания Веры Захаровны.

...В глубине двора, за домом Воробьевых, стоял еще один такой же небольшой домик. Жила там дочь бабушки Маши Зина Антонова с мужем Сергеем и дочерью Вадей. Бабушка Маша оставила Веру ночевать у себя, а Дусю и Тоню отвела к Зине. В одной комнате, за печкой, был потайной погреб. В случае облавы или проверки документов Дуся и Тоня могли там спрятаться.

А Вера поближе познакомилась с семьей Воробьевых.

Вечером все собрались. За стол сел хозяин Василий Семенович Воробьев, молчаливый, суровый черноголовый человек с пытливыми серыми глазами. Рядом с ним — его жена, Агафья Максимовна, или Ганя, как звали ее свекровь и муж. Около нее прилепились двое мальчишек — сыновья Коля и Леня. Бабушка Маша хозяйничала у печи.

Особняком держалась Анна Васильева. Она считалась вроде невестки бабушки Маши — жены второго сына. То сходилась с ним, то расходилась — кто поймет их запутанные взаимоотношения!

Вера тоже сидела у стола. Разговаривали осторожно. Хотя Дуся заочно познакомила их, никто из них не решился начать откровенный разговор. Подходили изда-лека: о трудностях жизни, о родственниках, которые эвакуировались на восток, об облавах, об отправке мо-лодежи в Германию.

Василий был осторожен. Он уже связался с одним партизанским отрядом, передавал туда сведения. Вера чутьем старого подпольщика определила, что перед ней действительно честные советские люди, и призналась, что ей с Дусей придется некоторое время пробыть в Ви-тебске, а жить негде.

— Вы не согласитесь помочь нам? — спросила она. — Чтобы Дуся пожила у вас, пока мы пропишемся... И я, может быть, иногда остановлюсь.

— Что же, мы уже дали свое согласие, — спокойно от-ветил Василий. — Раз нужно, так нужно. Только просьба к вам: будьте осторожны...

— Разумеется... Мы понимаем всю опасность поло-жения.

Ночь прошла без происшествий. Но Вера многое пе-редумала. В таких условиях трем женщинам оставаться в одном или почти в одном доме слишком опасно и очень обременительно для хозяев. Хотя бабушка Маша, Ва-силий Семенович и Зина пока ничего не говорят, но Вера сама видит, как тяжело достается им каждый ку-сок хлеба. От сознания, что она сидит на шее у этих простых и трудолюбивых людей, у нее кусок застревал в горле.

Проснувшись на рассвете, написала Кудинову:

«Пока ей (Тоне) тут делать нечего. Пусть она при-дет в следующее воскресенье. Обстановка очень слож-ная. Много нового, интересного. Немцы переносят все под землю. Под городом строятся капитальные сооруже-ния... Солдат очень мало... Результаты вчерашнего на-лета еще неизвестны. Сообщу. Почва для работы под-готовлена прекрасно. Как я рада, что уже здесь!

Бывай, Вера»¹.

Тоня ушла в отряд. А Дуся по заданию Веры отпра-вилась на поиски девушки, которой Володя Германович написал записку.

---

¹ «Славная дочь белорусского народа», стр. 213.

— Ты ей скажи, что ее хочет видеть один человек и она не должна говорить об этом никому, абсолютно никому... Строго прикажи.

Встречу назначили на вечер в одной из квартир, где Вере обещали помощь и поддержку. Вера пришла туда заранее. Хозяйку попросила не зажигать света в комнате, где она будет находиться, и, когда войдет девушка и спросит тетю Аню, провести ее сюда.

На улице совсем стемнело. Только лучи прожекторов, словно огромные кинжалы, врезались в густую темень ночи, полосовали ее, а она от этого становилась еще гуще, темнее, непрогляднее. Ожидая девушку, Вера невольно прислушивалась к шагам на улице. Девушка живет близко, она не побоятся пробежать сотню метров. А вот и ее торопливые, легкие шаги.

Дверь комнаты открылась, и на пороге появилась небольшая стройная фигурка в простеньком ситцевом платице и вельветовой жакетке. Темнота комнаты, видимо, испугала ее.

— Ой, кто тут? — встревоженно спросила она.

— Не бойся, здесь я одна и ничего плохого тебе не сделаю. Проходи поближе к столу и садись, поговорим.

Девушка осторожно прошла к окну, наткнулась на стул и села.

— Сначала я передам тебе одну записочку. Выйди к свету и прочитай. А потом побеседуем. Так оно лучше будет, ты будешь знать, с кем имеешь дело. Держи.

Вера протянула руку с запиской и нащупала слегка дрожащую горячую руку. Вложив в нее записку, Вера мягко, осторожно положила ее и сказала:

— Иди, прочитай...

Девушка вышла. Через пару минут она уже решительно вошла в комнату и сказала:

— Как вы напугали меня... Так бы сразу и сказали, что от Вовы. Спасибо вам большое... Где он и что с ним?

— Жив, здоров, воюет. Он партизан...

— Я знаю. Иначе он и не мог...

— Ты прочтала, что он просит? Помоги нам, мы с ним делаем общее дело.

— Чем я могу быть полезной вам?

— Ты работаешь на аэродроме. Сообщай нам все, что там делается: сколько каждый день бывает самолете-

тов, каких, если удастся узнать, откуда они прилетают, куда вылетают, как и где расположены... Словом, все... Согласна?

Не задумываясь, девушка ответила:

— Об этом можно было и не спрашивать, конечно, согласна. Это вовсе нетрудно. Только кому я должна передавать все это?

— Будешь заходить сюда и сообщать хозяйке. Она передаст кому следует. А сейчас расскажи, что сегодня делалось на аэродроме.

Собравшись с мыслями, девушка рассказала о своем рабочем дне: что делала, с кем встречалась, о чем говорила, что видела и слышала, как пережила бомбежку. Наблюдения ее были ценными. Вера старалась запомнить их. Под конец беседы девушка спросила:

— Почему мы сидим в темноте? Вы не верите мне, боитесь меня?

— Нет, почему же, верю. Если бы не верила, не пригласила бы на встречу. Но так лучше для нас обеих. Мало ли что случится. Для подпольщика осторожность всегда полезна.

На прощанье крепко пожала руку девушке и пожелала успехов в работе:

— Мы надеемся на тебя.

— Не сомневайтесь, не подведу. Так и передайте Володе. Ему не придется краснеть за меня.

С тех пор Вера регулярно получала сведения о делах на аэродроме и передавала их Кудину.

Жить все время у Воробьевых было нельзя. Даже Дуся ходила с одной квартиры на другую. Была у них с Верой одна явка, где они встречались в заранее условленное время, но никогда не оставались на ночь, оберегая квартиру от всяких случайностей.

Связи их с каждым днем расширялись. Появились свои люди среди железнодорожников. Там уже была довольно сильная организация, но, не имея постоянного руководства, железнодорожники не знали, как помочь Родине.

Вера поговорила с руководителями организации, рассказала, как вести разведку на железнодорожном узле, стала регулярно передавать политинформацию, которую получала из отряда. Железнодорожники почувствовали, что в городе появился деятельный руководитель.

Жители Витебска, оглушенные фашистской пропагандой, затравленные оккупантами, не теряли веры в победу Красной Армии. Они жили надеждой и с нетерпением ждали прихода своих. Вера слышала красноречивые восклицания, намеки, недомолвки, в которых выражалось устоявшееся чувство ненависти к врагу, ожидание своих. Постоянно вращаясь среди людей, она впитывала все, что определяло общее настроение, что можно было использовать для антифашистской пропаганды. При случае и сама ввязывалась в разговор, и, если поблизости не было подозрительных людей, коротко сообщала о положении на фронтах. Каждое ее слово подхватывалось и из уст в уста разносилось по городу.

Чем больше Вера завязывала связи в городе, тем больше требовалось пропагандистских материалов. А у нее, кроме политинформации в одном экземпляре, ничего не было. Пришлось переписывать ее от руки и раздавать своим, а те, в свою очередь, переписывали и передавали надежным знакомым.

«Эх, типографию бы сюда! — не раз мечтала Вера, торопливо переписывая текст политинформации. — Хотя бы маленькую, чтобы листовочку издавать размером с ладонь. И наша работа получила бы иной размах».

А пока подпольщики использовали те возможности, которые были. Самое главное — есть поддержка народа. Не будь ее, разве могли бы подпольщицы прожить в городе при страшном терроре фашистов хотя бы один день, без паспортов, без денег. А они уже здесь десять дней, нащупали новые связи.

От своих людей Вера узнала, что полиция тщательно разыскивает партизанскую разведчицу Ксению Околович, которая успела уйти в лес. Из-за того, что брат ее открыто и активно помогал фашистам, в отряде ей не доверяли. Время крутое, военное, судьба человека оказалась на волоске. Вера точно узнала, что Ксения Околович искренне сотрудничает с партизанами, и ей хотелось предупредить непоправимую ошибку, сберечь жизнь честного советского человека.

Из отряда снова пришла Тоня, принесла новую политинформацию. Задерживать девушку в городе Вера не стала — обыски и облавы не прекращаются. Да и письмо надо быстрее доставить в отряд. Оно было написано и зашифровано заранее. Вера писала:

«Привет, Василь! В общем все интересно, как мы и ожидали. Только несколько труднее. На сегодняшний день главная трудность состоит в нашей личной неустойчивости. Но уже есть надежда... Во что бы то ни стало пришли скорее денег. Если еще не поздно, сообщи Юрину, что Околович усиленно разыскивала полиция и конфисковала ее вещи. Может быть, это ему неизвестно. Здесь я о ней слышу только хорошее. Пойми, как важно, чтобы не было ошибки...

На днях из-за плохой погоды на аэродроме скопилось и стояло 128 самолетов 4 дня. Я узнала, когда улетели.

Перепиши, пожалуйста, и перешли по записанному у тебя адресу это письмецо. Буду очень тебе благодарна.

Два дня тому назад со станции отправлен поезд из 80 вагонов с ранеными. Их каждый день хоронят...

Из Германии непрерывно возвращается много тяжелооболбных, инвалидов. Там сами себе делают увечья, чтобы выехать назад... Ну, хватит. О самом интересном и важном писать не могу.

*Вера*¹.

СКОЛЬКО ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ!

Октябрь и ноябрь 1942 года были месяцами активизации витебского подполья. Со всех сторон в город пробирались партизанские связные. Они налаживали агентурную сеть, вовлекали в подпольную работу тех, кто еще стоял в стороне, колебался.

Каждая партизанская бригада действовала самостоятельно. Вере удалось познакомиться с двумя партизанскими разведчиками, о которых в Витебске ходили легенды. Это были еще молодой человек Николай Яковлевич Нагибов и его жена Татьяна Семеновна Щукина. Николай носил кличку «Смелый», Татьяна — «Скромная». Клички удивительно точно определяли характеры этих людей.

---

¹ «Славная дочь белорусского народа», стр. 213—214.

Ходили Николай и Татьяна всегда вместе. Какое бы трудное задание ни было, не оставляли друг друга, даже когда минировали железную дорогу. Только в октябре «Смелый» и «Скромная» несколько раз пускали вражеские эшелоны под откос.

Однажды они, как обычно, шли вдоль дороги и ждали момента, когда можно будет незаметно подобраться к полотну. Остановились, присели. Кругом тихо. Скоро должен был пройти поезд из Витебска к фронту.

— Начнем? — спросил Николай.

— Пошли!..

Ползком добрались к полотну, быстро сделали подкоп под рельсами, положили мину и привязали шнур за взрыватель — мина была натяжного действия. В этот момент на путях появился немецкий патруль. Шестеро гитлеровцев внимательно смотрели под ноги. Это и спасло минеров — их не заметили.

— Уходим! — быстро скомандовал Николай.

Они скользнули с невысокой насыпи и залегли в кустах. Николай держал конец шнура.

Гитлеровцы заметили мину, которую партизаны не успели замаскировать. Окружив ее со всех сторон и не прикасаясь к ней, стали рассматривать. В этот момент Николай дернул за шнур. В небо взметнулось багровое пламя, куски шпал, фонтан гравия. Земля застонала.

Несколько мгновений Николай и Татьяна лежали, тесно прижавшись друг к другу, слившись с землей.

— Ты цел? — спросила она.

— Цел. А ты?

— Все в порядке. Видишь, шестеро лежат. Бежим!

И они нырнули в овраг, а оттуда — в лес. К месту взрыва из города мчалась мотодрезина с фашистскими солдатами. Перепуганные гитлеровцы стреляли во все стороны, не столько для устрашения партизан, сколько для успокоения самих себя.

Вера потом с интересом слушала рассказ об этой удачной операции. Но у Николая и Татьяны были моменты и поострее. Как-то они вместе с еще одним разведчиком, Иваном Якимовым, который носил кличку «Ястреб», шли по заданию в Витебск. Не раз им приходилось бывать на контрольных пунктах, и никогда полицейские не придирались: документы у разведчиков были всегда в порядке. Но на этот раз старшим полицейским стоял

подлейший из подлых предателей — некий Орехов. У него был собачий нюх на партизан. Уже не раз он хватал партизанских связных, в том числе задержал и сдал в гестапо жену Ивана Якимова — Александру.

И теперь Орехов учуял что-то подозрительное. Долго он осматривал документы со всех сторон, хотел было вернуть, потом решительно сунул в карман, крикнул:

— А ну за мной!

Нагибов в одно мгновение выхватил из кармана пистолет и выстрелил в предателя. Тот рухнул на землю. В руках Татьяны тоже блеснул пистолет. Она первая бросилась на контрольный пункт, целясь в охранников. За ней бежали Нагибов и Ястребов. Охранники, увидев наставленные на них пистолеты, с криками метнулись врассыпную, оставив группу задержанных жителей Витебска, в том числе одну подпольщицу. Нагибов, Щукина и Ястребов побежали в город и скрылись там на явочных квартирах.

Народная молва разносила славу о героях. Об их дерзости и смелости ходили легенды. Вера всегда узнавала «почерк» Николая и Татьяны и всей душой радовалась за них.

У «Смелого» появились знакомые в паспортном столе. Вера, узнав об этом, надеялась теперь как-то узаконить свое пребывание в городе, прописаться и перейти на легальное положение. Расширившиеся связи позволяли ей еще более активно развернуть пропагандистскую работу: она имела своих людей на железнодорожном узле, на лесозаводе, на строительстве оборонительных укреплений, в лагерях для военнопленных, на аэродроме. Информация стекалась к ней со всего города. А она продолжала вовлекать все новых людей в свою организацию, давала им поручения, учитывая их способности, характер и возможности.

Труднее было наладить пропаганду. Молодые члены организации, как правило, еще плохо ориентировались в обстановке. Это были рабочие, не успевшие эвакуироваться на восток, военнопленные, женщины, не всегда представляющие, что делается на белом свете. С ними надо было основательно работать.

Среди пленных выделялся один. Звали его Степаном. Он работал переводчиком на аэродроме. С ним познакомили Веру подпольщики, уверяя, что это честный

советский человек. Она долго беседовала со Степаном. Из рассказов его выходило, что он не по своей вине попал в плен и сейчас всей душой стремится снять с себя этот невольный позор. Вера решила сначала проверить его на деле. Все ее задания он выполнял безукоризненно. Его информация об аэродроме всегда совпадала, а иногда была более обстоятельна, чем сведения невесты Володи Германовича.

Тогда Вера поручила Степану подготовить группу пленных к побегу в партизанский отряд. Степан взялся и за это дело. Вскоре он доложил, что семь человек готовы и ждут распоряжений...

Фашисты усиливали свою пропаганду, устраивали подлоги и провокации, стараясь настроить советских людей против партизан, коммунистов, Красной Армии. Они использовали для этой цели предателей, отщепенцев, которые за деньги продали гитлеровцам тело и душу.

С таким фактом пришлось столкнуться утром 11 октября. Вера шла мимо Смоленского базара и решила вернуться туда, ведь на рынке можно увидеть и услышать то, чего не услышишь и не увидишь в другом месте. Она не теряла возможности лишней раз присмотреться и прислушаться к людской молве. Бойко шла торговля. Спекулянты, во все горло нахваливая свои товары, сновали в гудящей толпе.

На середину базара выехала грузовая автомашина. В кузове, у микрофона радиоусилителя, стояли немецкий офицер и штатский. Машина остановилась. На весь базар рывкнул картавый, с акцентом голос:

— Витебляне! Господа! Сейчас перед вами выступит господин Козлов. Большевистские агенты заманили его в партизанский отряд. Но господин Козлов быстро разобрался, что ему не по пути с коммунистами, и перешел на сторону доблестной германской армии. Мы простили ему его ошибку и предоставили возможность самому, собственными глазами посмотреть, как живет новая Германия. Обо всем этом вам сейчас расскажет сам господин Козлов. Предоставляю ему слово.

Офицер уступил место у микрофона прилизанному, плюгавому человечку с мордочкой хорька. То и дело оглядываясь по сторонам, он начал расписывать прелести фашистского рая.

Толпа притихла, угрюмо молчала. Вдруг Вера услышала возле себя молодой, звонкий голос:

— Врет как сивый мерин. Получил, гад, от немцев 40 десятин земли, две коровы, дом в Витебске, вот и старается, брешет. Я-то его знаю...

Парня поддержал второй голос:

— Ничего, добрешется, снимут башку!

В толпе нарастал недовольный шум.

— Никаким партизаном он не был,— говорила одна женщина.— Из наших краев он. Просто шкура продажная.

Народ отхлынул от машины. Продолжалась обычная базарная суетолака. А человек у микрофона надрывался, стараясь заглушить разноголосый шум базара. Когда он закончил, трое-четверо полицейских, стоявших в толпе, начали хлопать, но эти жиденькие аплодисменты только подчеркнули отчужденность толпы.

К микрофону снова подошел офицер. Он хотел как-то загладить неловкость, возникшую в результате чрезмерного усердия полицейских. Офицер решил, видимо, что-то сказать, но раздался тот же молодой голос: «Облава!» — и толпа мгновенно растаяла. Сконфуженный фашистский пропагандист уехал несолоно хлебавши, презрительно косясь на своего незадачливого холоуя.

Это тоже был материал для антифашистской пропаганды! Вера поручила своим людям рассказывать всем знакомым о том, как опозорились фашистские агитаторы на Смоленском рынке. Пока нет типографии, кое-что можно и нужно делать вот так, устно, конечно, соблюдая осторожность.

На 16 октября была назначена встреча с Тоней. Она ждала от Кудинова деньги, продукты, документы. Жить становилось все труднее и труднее. Случалось, что целыми днями ходила голодная, не решаясь попросить еду у людей, которые сами постоянно недоедали. А купить продукты было не на что.

Не хватало ей и пропагандистских материалов. То, что она получала от партизан, было каплей. Ежедневно встречаясь и беседуя с людьми, она слышала самые невероятные «утки», пущенные фашистской пропагандой. Порой рискуя собой, рассеивала вздорные слухи, разъясняла людям истинное положение на фронтах и в со-

ветском тылу. Но нужны были новые, свежие факты, которые убеждали бы людей, вселяли веру в нашу победу.

Тоня не пришла. Вера ждала ее час, два и три. Стенело, а связной не было. И на следующий день она не явилась. Встревоженная, Вера разыскала Дусю, которая в то время жила у своего дяди.

— Что-то случилось, Дуся, — сказала Вера. — Не может быть, чтобы Тоня без причины задержалась. Договорись с бабушкой Машей, чтобы она была начеку. Если кто явится из отряда, то пусть сразу же сообщит тебе, а ты мне. Я буду дважды в день приходить на явочную квартиру.

В полдень 18 октября бабушка Маша прибежала к Дусе:

— Новость есть. Приходите.

— Кто?

— Незнакомая. Пароль правильный.

— Скажите, пусть ждет. Пойду искать Веру.

Вера старалась далеко не отлучаться от явочной квартиры. Узнав, что из отряда пришла новая связная, поспешила к Воробьевым.

За столом сидела Клава Болдачева — «Береза». Вера бросилась к ней:

— Что случилось?

— С Тоней что-то неприятное. Говорят, когда переправилась через Западную Двину, уже около деревни Верховье заметила сидевшего около дороги мальчика. Он был закутан в шубу. Только она миновала его, мальчик свистнул, и тут же появились вооруженные полицейские в немецкой форме. Они задержали ее, стали спрашивать, почему идешь из партизанской зоны? Отобрали паспорт и повели в город. Полицейский сел на велосипед и уехал далеко вперед, а другой будто бы и говорит: «Жаль мне тебя, девка, тикай скорее, а то пропадешь». Причем сам показал, как обойти заставы. Так она и вернулась без паспорта. Кудинов теперь решил меня послать к вам.

Известие было не из приятных. Вера задумалась. Кое-что в этом рассказе ей казалось неправдоподобным, но ведь она слышит объяснение из вторых или третьих уст. Словом, во всем этом нужно хорошенько разобраться.

А что «Береза» будет связной — это ничего, человек она серьезный, за нее можно ручаться.

Письмо Кудинову написала и зашифровала заранее. Обстоятельно описала свои наблюдения, обобщила результаты многих разговоров с людьми:

«Дорогие друзья мои! Шлю мое первое послание с первыми впечатлениями. Прежде всего хочу сообщить о настроениях то, что для меня является новым и, мне кажется, важным...

Сегодня главное — это всеобщая безграничная ненависть к немцам. Я не стану приводить доказательства, они будут на деле...

Многие думают, что теперь вести борьбу невозможно и нецелесообразно ввиду верной гибели. Что борьба будет иметь смысл тогда, когда приблизится Красная Армия. Но страшная действительность корректирует эти взгляды и заставляет действовать сегодня. Вчерашней ночью на станции «нечаянно» столкнулись два состава. На лесозаводе то и дело портятся станки, выполняющие самые срочные заказы военным организациям. На строительстве укреплений обваливается земля и давит немца-конвоира. Иначе не может быть, потому что жизнь совершенно невыносима. На аэродроме работает 1300 человек. Они зарабатывают по 8—12 марок в месяц, а булка хлеба стоит 16 марок. Получают еще 200 граммов хлеба и жидкий суп, и это все. Больше ничего нигде не дают, кроме 100 граммов хлеба для детей.

На всех предприятиях немцы, мастера и начальники, бьют рабочих кулаками, ногами, палками. В городе очень беспокойно. Каждый день на улицах облавы. По ночам проверка жильцов по домам. В то же время усиленно действует пропаганда. Радио обещает справедливое и равномерное распределение продуктов, введение карточной системы... Пробиваю дорогу, живу, Вера»¹.

Вместе с этим большим письмом послала маленькую зашифрованную записочку. Познакомившись как-то с немцем-сапером (она хорошо говорила по-немецки), Вера узнала, что в ближайшие дни воинская часть, в которой служил гитлеровец, отправляется на фронт под Вязьму. В записочке сообщала номер части и место передислокации.

---

¹ «Славная дочь белорусского народа», стр. 214.

Наблюдений становилось все больше и больше. Активисты ежедневно приносили ценные сведения, требовали новых материалов для проведения политических бесед с товарищами. А связная приходила только раз в пятidineвку. За пять дней сколько воды утечет в Западной Двине, сколько человеческой крови прольется на фронтах, сколько снарядов, мин и бомб разорвется над окопами! А она все пять дней должна угощать членов своей организации устаревшими новостями и накапливать ценные сведения, необходимые Красной Армии именно в тот день, когда они получены.

Такая медлительность раздражала Веру, и она стала искать дополнительных путей и средств связи с партизанской бригадой.

Как-то ее познакомили с одной симпатичной девушкой. Двое активистов ручались, что Оля Пинчук не подведет. Вера несколько раз встречалась с нею, заводила разговор на политические темы. Девушка оказалась хорошо осведомленной в обстановке на фронтах, знала о действиях партизан. Это еще больше удивило Веру. Однажды она напрямик предложила:

— Оля, вы не согласитесь помогать мне в работе?

— В какой именно?

— На первое время — немного. Я вижу, вы хорошо разбираетесь в обстановке. Может быть, кое-где беседы с людьми потихонечку проведете, выявите настроение, потом мне сообщите? А после видно будет.

Оля улыбнулась:

— Нет, что не могу, то не могу. У меня другое задание. Вот если у вас будет что-либо в лес передать — тут я помогу. И то смотря в каком направлении.

Это было вроде второго их знакомства. Оказалось, что Оля Пинчук — армейская разведчица и бывает в тех местах, где находится ответственный организатор Витебского обкома партии. Во всяком случае, если не сама, то через своих связных она может передавать донесения Веры в обком партии.

— На ловца и зверь бежит, — смеясь, резюмировала Вера. — А я и думала просить вас помочь мне в налаживании связи. Такой симпатичной девушке легче работать связной...

В тот же день Оля через свою связную под кличкой «Китаечка» передала Кудинову небольшое Верино письмо:

«Присылай политинформации за истекшие дни, — просила Вера, — необходимость тебе понятна.

С нашими документами жить невозможно. Надо, чтобы «Смелый» через «Сидорова» попробовал достать новые. Думаю, что за большие деньги это можно. Со своей стороны принимаю меры через верного посредника. Нужны деньги. Это опасно, но необходимо, иначе ничего не выйдет. Дуся уже раз попалась во время ночной проверки. Спасло то, что ночевала у родного дяди. В общем, необходимо изменить положение...

На аэродроме теперь постоянно находится около 50 самолетов, большинство «мессершмитты». Стоят очень тесно на поверхности. Почему давно нет наших самолетов? Жители очень просят прилететь. Это для них большая радость. Связного постараюсь найти. Тоню откомандируй в обком, рекомендуй в отряд».

Когда «Береза» снова пришла в город, Вера еще раз написала Кудинову, чтобы он тщательно разобрался в обстоятельствах провала Тони. В таких страшно трудных условиях каждый человек дорог для работы, а тут — несуразные провалы. Надо выяснить все до конца, чтобы не допускать подобных ошибок. Сообщала, что восемь наших пленных на машине уехали в отряд. Это Степан постарался. «Степан, пленный, уехавший к вам, — писала она, — работал переводчиком на аэродроме, многое знает, надо его хорошенько допросить... Скоро напишу снова для центра. У нас вовсе нет денег, если завтра не пришлешь, придется продавать часы... Нельзя ли пока одолжить советских и прислать? Здесь есть чудесные люди. Меня очень злит необходимость действовать медленно, но так вернее. Правда?»

И снова крупная неприятность — арестовали Олю Пинчук. Выдали ее две женщины, засланные фашистами в партизанский отряд. А ведь Оля хорошо знала Веру. Выдержит ли она пытки, не выдаст ли?

Пришлось сразу же оборвать связи с квартирами, которые знала Оля. Это сужало возможности работы, но иначе нельзя.

Подпольщики настороженно наблюдали: бросятся ли гестаповцы по следам Оли Пинчук? Прошел день, два,

неделя — все было спокойно. Значит, Оля выдержала, приняла муки ада и никого не выдала.

С нестерпимой душевной болью вспоминала Вера славную девушку, которая предпочла мучительную смерть позору предательства. От этого сердце обливалось кровью и вместе с тем наполнялось гордостью: с какими чудесными людьми ей приходится работать, нет цены им!

Как-то в конце октября Вера пошла посмотреть, что делается в городе. Направилась к Смоленскому рынку. Перед входом увидела большую толпу. Люди стояли, словно окаменевшие. Когда Вера подняла голову, то сама оцепенела: на виселице качались три человека. Над их головами белела доска с надписью.

Долго Вера не могла оторвать взгляда от повешенных. Подошли еще две женщины и застыли на месте. Потом одна из них начала читать вслух:

«Мы украли хлеб и картофель, назначенный для германского населения, не потому, что были голодны...»

Пожилая женщина тяжело вздохнула и сказала:

— А как было на самом деле, кто его знает...

— Постепенно со всеми нами будет то же самое, — будто про себя проговорил бородатый старик.

— Да разве это воры! — с возмущением воскликнул молодой человек. — Почему не вешают тех воров, что засели в управе?

Одобряющий гомон толпы ободрил говорившего. Он хотел сказать еще что-то, но женщина в платке перебила его:

— Знаем мы этих паразитов! Придешь к ним, а они и смотреть не хотят на человека.

Вдруг толпа затихла. Подошли два гестаповца. Они стояли бесстрастные, словно оба проглотили по аршину. Потом медленно извлекли из футляров фотоаппараты и начали фотографировать повешенных и толпу перед виселицей. На автомашине подъехала группа фашистских офицеров. Они тоже двигались как-то замедленно, подчеркнуто равнодушно. Шли, не глядя по сторонам и словно не замечая перед собой людей. Толпа молча расступилась. Гитлеровцы постояли, широко расставив ноги, перед виселицей, обошли повешенных.

Завыла сирена.

— Советские самолеты! — весело крикнул кто-то.

Куда исчезло деланное равнодушие фашистских вояк! Мигом уселись в машину и помчались подальше от базара. А толпа так и осталась стоять, глядя то на пролетающие самолеты, то на фигуры повешенных, черневшие на фоне неба.

Вера стала потихоньку расспрашивать, кого повесили. Ей сообщили, что казнены буфетчик, шофер и грузчик. Донес на них в полевую комендатуру кладовщик. А взяли они продукты не потому, что хотели спекулировать, а чтобы накормить голодные семьи.

Потрясенная Вера шла домой. Все мысли ее сейчас были о тех семьях, кормильцы которых качались на осеннем ветру.

Возле офицерского казино стояла молодая, красивая девушка, в белом переднике и горько плакала. Вера невольно остановилась:

— Что с тобой?

— Я была стахановкой на фабрике, меня ценили, уважали, в пример ставили, сколько раз премировали. Во время торжественных заседаний выбирали в президиум. Когда я заболела, мне дали путевку в Крым, в санаторий. Знали, что я нужный человек. А у них я не достойна подметать полы, выскрести грязь, меня выгоняют потому, что я белоруска. Да провалитесь вы, проклятые, ненавистные! Я и сама рвала бы их на куски.

Вера молча слушала исповедь возмущенной девушки, изредка оглядываясь, не следят ли за ними. Потом взяла новую знакомую под руку и предложила:

— Давай немножко пройдемся. Расскажи о себе подробнее...

Через полчаса она уже знала всю до мелочей небольшую биографию девушки, ее адрес, с кем она знакома, с кем дружит. Потом спросила:

— Вот ты сказала, что рвала бы фашистов на куски. Что это, сгоряча сказано или в самом деле ты готова помочь советским патриотам?

— Чем только могу — помогу, — откликнулась девушка. — Я так ненавижу фашистов...

— Тогда вот что. На днях к тебе придут и спросят: «Не знаете ли, кто может скроить кофточку?» Ответишь: «Это сделаю я». Запомнила? И тот, кто придет, скажет, что делать дальше. Согласна?

— Спасибо. Все сделаю...

Они распрощались. Вера пошла дальше. Впереди шли две женщины. Одна из них, пожилая, говорила:

— В городе у нас теперь просторно... Дома разрушены, фабрики не дымят, чистого воздуха сколько угодно, а дышать нечем. Задыхаешься и в квартире и на улице...

Вера свернула на боковую улицу. Увидела вывеску сапожника и вспомнила, что туфли прохудились. Зашла, чтобы хотя бы пару гвоздей заколотить. Не глядя на вошедшую, сапожник повертел туфлю в руках, пощелкал оторвавшейся подметкой и потребовал пять марок.

— Ну что вы, так дорого...

Сапожник поднял злые, навывкате глаза и резко ответил:

— Я не хочу ваших марок, я их век не знал и знать не хочу. Дайте мне один рубль, наш рубль, такой, за который я могу купить один килограмм хлеба... Не умели мы ценить нашей прежней жизни. Все нам казалось недостаточно хорошо. Оценили ее только теперь, когда нас от нее освободили. Да уж до того освободили, что и жить не хочется.

Выговорившись, снова поднял на Веру глаза, но уже не злые, а настороженные: что она ответит? Видимо, эта женщина сама страдает не меньше его.

— Ладно уж, давайте я вам починю, только без всяких марок...

— Спасибо вам, друг...

— Товарищ...— вынимая изо рта деревянные гвозди и уже улыбаясь, подсказал сапожник.

— Да, товарищ...

Уходя, крепко пожала его пропитанную вощиной огрубевшую руку. Как выручил он, ведь у нее не было этих марок... К тому же его надо иметь в виду: этот человек может пригодиться.

Клава регулярно ходила в отряд, унося разведывательные данные о расположении фашистских войск в Витебске. А ночью прилетали советские самолеты и наносили удар за ударом по указанным подпольщиками целям.

28 октября Вера сообщила в отряд об очередной бомбежке фашистского логова советскими самолетами:

«Друзья мои! Невозможно вам передать наши переживания в эти часы. Радость за то, что они прилетели, горячее пожелание им успеха, тревога за мирных жителей, бешеная злоба к зениткам, открывшим ураганный огонь, мучительное беспокойство за летчиков, за самолеты, желание прикрыть их, помочь бить прямо в цель, — в проклятые гнезда — не промахнуться.

Мы стоим во дворе, напряженно всматриваемся в небо. Всем существом слушаем гул моторов. «Летите, летите, мои родненькие, бейте их, проклятых, бейте сотнями, — взволнованно мечтает соседка. — Дай бог вам счастья, удачи! Поймали, миленького! Поймали!» (На скрещивании нескольких лучей прожекторов ясно вырисовывается серебристая фигура самолета, нашего родного самолетика.) К нему со всех сторон мчатся струи светящихся пуль, вокруг него рвутся снаряды, а он летит себе ровно и как бы спокойно по полосе луча прожектора. «Поднимайся вверх, скорее, скорее! — чуть не плачет женщина. — Золотце мое, соколик мой, ну поднимайся же, поднимайся же скорее! Господи, хоть ты подними его, скрой от глаз дьявольских!» Сердце бешено бьется, хочется подбежать к прожектору и трахнуть по нему — потушить его. «Ушел, ушел, соколик наш, целый!»

Мы облегченно вздыхаем. Чуть притихает гул стрельбы. В эту минуту с громким зловещим свистом проносятся бомбы. Оглушительный взрыв потрясает воздух. В домах сыплются стекла из окон. Второй, третий, пятый... «Спасибо, миленький, хорошенько их! Еще, еще! В фельдкомендатуру, в управу, на аэродром! Бей их сотнями, их самих, их машины, их орудия!»

Я слушаю эту страстную молитву и знаю, что во многих дворах, так же как и в нашем, теснятся и волнуются эти чудесные советские люди, вынесшие бездну горя, страданий и оставшиеся верными своей Родине.

Взрывы следуют один за другим. В трех местах полыхает пламя...

В конце приписала:

«Вы, должно быть, ругаете меня за то, что до сих пор я еще не забрала и не использую мою группу, но это не по моей вине. С нашими документами нельзя ни прописаться, ни устроиться на работу. Можно только жить у очень хороших людей, готовых из-за тебя жертвовать

жизнью и семьей. Сама тоже рискуешь каждую минуту провалиться, не из-за дела, а из-за прописки и паспорта. Таково положение. Группу сейчас сюда забрать нельзя. Нам здесь так жить тоже невозможно. Нужны настоящие документы. Принимаю меры. Не знаю, выйдет ли. Пока работаем вдвоем, медленно, осторожно создаем организацию из местных людей. Дело очень трудное, особенно вначале. Люди напуганы виселицами, не верят, что в городе можно что-либо сделать.

Но первый десяток уже имеется. Теперь дело пойдет быстрее. Главное устроиться нам самим. Хороших людей много. Правда, режим, обстановка дьявольски трудные, но мы их все-таки проведем. В общем я полна самых лучших надежд,нисколько не боюсь, что меня повесят. Девчат моих еще надеюсь использовать»¹.

Очень пригодилось Вере в это трудное время знание немецкого языка. Сколько раз в критический момент фашисты верили ей только потому, что она могла свободно объясняться с ними по-немецки!

А один гитлеровец, приняв Веру за немку из Риги, разоткровенничался. Он прошел триумфальным маршем по Франции, Бельгии, Польше. Видел столько побед фашистской армии, а вот в окончательную победу не верил.

— Скоро ли окончится война? — спросила у него Вера.

— Нет, нет, не скоро! — замахал он руками. — Эти русские очень сильны, их сопротивление — ужасная вещь. Мы не привыкли к такому сопротивлению.

Придя к Антоновым, чтобы там зашифровать очередное письмо Кудинову, Вера глубоко задумалась. Сегодняшняя беседа с фашистом не выходила у нее из головы. Об этом нужно сообщить обкому партии.

Клава ушла с донесением. Ждали ее Вера и Дуся в большой тревоге. По городу шли массовые облавы. Нисколько подпольщиков попали в их лапы. На дорогах стояли патрули и придирчиво проверяли документы у прохожих. Удастся ли Клаве пробраться туда и обратно?

Вернулась Клава из отряда не одна. В помощь Вере она привела Софью Панкову. Увидев свою старую под-

---

¹ «Славная дочь белорусского народа», стр. 219—221.

ругу, Вера обрадовалась и в то же время встревожилась:

— Соня, тут так опасно сейчас... Я же просила Кудинова, чтобы никого из моей группы пока не присылал.

— А тебе не опасно?

— Я уже приспособилась как-то.

— Ну и я приспособлюсь. Что нам впервой переносить трудности?

НЕТ, НЕ СОГНЕШЬ ТАКИХ!

Вера как будто чувствовала надвигающуюся беду. Она и радовалась встрече с Софьей Панковой, и тревожилась за нее.

— Не пообедать ли нам вместе? — предложила неожиданно Анна Васильева.

Вера и Дуся переглянулись и хотели отказаться от угощения, но затем согласились.

— У меня и яичек с десятков найдется, — уговаривала обычно молчаливая женщина.

— Ого, вот это здорово! — воскликнула Вера. — В таком случае, девушки, задержимся еще на часик и пообедаем.

Ей и самой хотелось лишний час пробыть в кругу своих. А здесь собрались Дуся, Соня, Клава, бабушка Маша, Агафья Максимовна. Как это Анна догадалась предложить обед?

Бабушка Маша тоже удивилась: почему она вдруг так расщедрилась? Но своих подозрений бабушка вслух не высказала. Кто мог думать, что беда стоит за порогом! А коль надо приготовить обед, бабушка Маша от такого занятия никогда не отказывалась. Она начала хлопотать у печки.

На минутку забежала соседка, Мария Лиморенко. Она о чем-то пошептала с Анной и исчезла.

А вскоре возле дома № 4 по Тракторной улице остановились две черные приземистые крытые машины. Из них выскочили полицейские и вбежали в дом. Руководил ими старший следователь полиции Петров.

— Ни с места! Предъявите документы...

Вера Хоружая подала свой паспорт на имя Анны Сергеевны Корниловой, Софья Панкова — на имя Анто-

нины Петровны Заско, Дуся Суранова — на имя Марии Васильевны Петровской.

Петров ехидно скривил губы. В доме начался обыск. Полицейские Босянков, Яцук и другие старались выслушаться: летел пух из подушек, рассыпалась набивка матрацев, одежда валялась под ногами.

— Одевайтесь все!

Когда их вывели на улицу, Агафья Максимовна Воробьева увидела своих детей. Поманив к себе старшего и крепко прижав к груди его голову, шепнула:

— Бегите к отцу, скажите что мы все арестованы.

Мальчик махнул перепуганному младшему брату:

— Побегали!

Но они опоздали: Василия Семеновича Воробьева уже схватили.

Их сначала повезли в городскую тюрьму, которая находилась на Суражском шоссе. Веру посадили в камеру, где уже было пять человек.

Начались допросы. После первых пыток устроили очную ставку с Анной Васильевой.

— Как ее зовут? — спросил Петров Васильеву, указывая на Хоружую.

— Вера, — последовал ответ.

— Анна, — перебила ее Вера Захаровна.

Но ее уже не слушали, увели в камеру.

«Кто нас предал? Умышленно назвала Васильева мое имя или оно случайно сорвалось с языка? Откуда она узнала его? Неужели Дуся проговорила? Случайно тогда жарилась яичница или это был продуманный шаг, чтобы задержать нас в квартире Воробьевых? Случайно забегала Мария Лиморенко или за тем, чтобы проследить за подпольщиками? Почему вскоре же, как она ушла, появились полицейские?» — вопросы возникали один за другим, становились в ряд, цеплялись друг за друга, образуя неразрешимую цепь загадок. А решить их надо, чтобы знать, как держаться дальше.

Из вопросов следователя было видно, что он кое-что знает. Кое-что. Ровно столько, сколько может знать шпик, случайно подслушавший разговор подпольщик.

Вера морально подготовилась к пыткам. Она заранее представляла себе, что придется вынести в застенках полиции. На деле все оказалось тяжелее. Боль от побоев не утихала ни на минуту. К исполосованной крово-

точащей спине прилипало и присыхало белье. Лицо заплыло. Но она ничего не отвечала врагам. Ничего. Что она партизанка, было уже бесполезно скрывать, это они знали и без нее. А вот с кем связана, что делала в городе, ее настоящие имя и фамилия для полиции оставались неизвестными. И остальные арестованные, кроме Васильевой, ничего не говорили. А Васильева знала немного.

Полиция за пять дней ничего не добилась. Потом всех вызвали во двор и втолкнули в машину. Агафью Максимовну притащили на носилках — она после пыток была без сознания. Когда их подвезли к нынешней конторе завода заточных станков, одни с трудом вылезли из машины, других просто вышвырнули. Тех, кто держался на ногах, поставили лицом к стене. Ждали долго. Приехали немцы — следователь и переводчик. Следователь приказал посадить семью Воробьевых отдельно от партизанок.

Первым вызвали на допрос Василия Семеновича Воробьева. Лицо его опухло от побоев. В волосах, которые еще неделю назад были черными, густо рассыпалась изморозь. Выходя из камеры, он сказал своим:

— Пусть убьют, но не сознаваться ни в чем. Смотрите, как Анна Сергеевна держится. Если женщина так может, то и я буду терпеть...

Обратно он вернулся, шатаясь, и в камере сразу же рухнул на пол.

— Сволочи, — простонал, выплевывая кровь, — все равно ничего не добились. Будем держаться...

Агафью Максимовну и бабушку Машу с допроса притащили замертво. Долго они не приходили в сознание.

Меньше всех били Васильеву. Она выложила фашистам все, что знала, и дала подписку работать на них. Ее вскоре выпустили. Остальных продолжали пытать. Иногда не трогали по нескольку дней, зато потом вымещали свою злобу так, что узники по многу часов лежали без сознания.

В камере с Клавой Болдачевой сидела одна женщина, которую впоследствии фашисты отпустили: муж ее был их верным слугой. Она рассказывала потом, что Клаву много раз вызывали на допрос и приносили оттуда еле живую. Очнувшись, она с гордостью твердила:

— Все равно они от меня ничего не добились...

Встречаясь на очных ставках, подпольщики брали пример со своей руководительницы Веры Захаровны Хоружей.

...Это все, что удалось установить о пребывании Веры Захаровны и ее друзей в застенках СД. О дальнейшей их судьбе ничего точно не известно. Та женщина, которая сидела с Клавой Болдачевой, утверждала, что однажды Клаву и арестованных вместе с ней на рассвете вызвали во двор, посадили на машину и увезли куда-то, а вскоре эта машина вернулась с их одеждой.

Есть предположение, что Василия Воробьева повесили, а остальных расстреляли.

Каковы были последние часы подпольщиков — ничего достоверного пока установить не удалось. Со временем, возможно, станут известны последние дни и минуты жизни пламенной советской патриотки, народной героини Веры Захаровны Хоружей и ее друзей: Софьи Сергеевны Панковой, Евдский Саввишны Сурановой, Клавдии Демидовны Болдачевой, Марии Игнатьевны Воробьевой, Василия Семеновича Воробьева и Агафьи Максимовны Воробьевой.

Сейчас мы знаем лишь одно: герои-подпольщики погибли, до последнего дыхания сохраняя верность любимой Родине.

*

...В Москве, недалеко от Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, стоит небольшой домик. Он ничем не примечателен внешне, но почтальоны редко проходят мимо него. Со всей страны приносят они сюда сердечные письма советских людей.

Здесь живет семья Веры Захаровны Хоружей. Дочь ее, Анна, получила высшее образование и работает научной сотрудницей, у нее уже есть дочурка, которую в честь бабушки назвали Верой.

Сын Веры Захаровны, Сергей, унаследовал от матери способности к языкам, но его увлекла и физика, и он стал научным сотрудником одного из физических институтов.

Василий Захарович, Любовь Захаровна, Надежда Захаровна, Аня и Сергей свято хранят память о сестре и матери — Вере Захаровне.

Помнят ее не только в семье. Имя Веры Хоружей, славной дочери белорусского народа, теперь хорошо знают в нашей стране. Молодежь учится у нее, как строить свою жизнь, чтобы она была полезна народу.

Однажды из московской средней школы № 192 к Хоружим пришли пионеры. Они сказали, что создают школьный музей женщин-героинь, собирают материалы о них. Попросили фотографии Веры Захаровны.

С тех пор завязалась дружба между московскими школьниками и семьей Хоружих. Василий Захарович постоянно бывает в 192-й школе, помогает ученикам вести поиск героев Великой Отечественной войны. Пионерской дружине этой школы присвоено имя Веры Хоружей.

Как-то пионерская дружина 192-й школы пригласила в гости представителей пионерских дружин, носящих имя Веры Хоружей из Белоруссии. Пионеры и комсомольцы поделились опытом патриотической работы в своих школах.

Потом такие встречи состоялись в Телеханах, снова в Москве, в Бобруйске. Коллективов, которым присвоено имя Веры Хоружей, много: в Минске и на Балхаше, в Бресте и Караганде, в Бобруйске и Гродно, в Быхове и Пинске, в Могилеве и Тульчине, в Мозыре и Вольске, в Гомеле и Новогрудке, в Витебске и Коссово, в Телеханах и Бычихе Витебской области.

Имя Веры Хоружей живет в названиях пионерских дружин, комсомольских организаций, улиц в ряде городов страны. Ее памятники-бюсты стоят в Мозыре, Бобруйске, Пружанах, Балхаше, в пятидесяти школах, на предприятиях, в вузах. Ей посвящены стихи и поэмы, песни и кантаты, два документальных фильма.

Человек, отдавший жизнь за народ, навсегда останется в памяти народной. Таков закон нашего общества.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В памяти народной	3
Навстречу грозе	5
Романтика борьбы	7
Честь смолоду	9
И в учебе, как в бою	13
Голоса боевых друзей	17
Тяжелый день	20
На пути к цели	21
Начало	25
Вожак молодежи	29
С большой трибуны	47
За тюремной решеткой	50
«Процесс тридцати одного»	55
Никто не сломит волю революционера	60
«Процесс ста тридцати трех»	65
В тюрьме «Фордон»	75
Дружба подруг боевых	85
Снова на земле Советской	95
Пылающая земля	103
Сердце зовет в бой	117
Бить врага в его тылу	121
Смелость берет города	127
Сколько хороших людей!	140
Нет, не согнешь таких!	154

Вера Хоружая.
1923 год

В. Хоружая (во втором ряду первая справа)
среди комсомольского актива Мозыря. 1921 год

В. Хоружая (крайняя слева) среди активистов Минского клуба молодежи. 1923 год

В. Хоружая (третья слева во втором ряду)
среди воспитанников Минского Дома юношества. 1923 год

Обложка книги
«Письма на волю»

В. Хоружая в белостокской тюрьме. 1932 год

**Слева направо: Романа Вольф, Вера Хоружая,
Людвиг Янковская (Люба Ковенская)**

Вера Хоружая и Оля Тихонова. 1934 год

**В. З. Хоружая
и С. Г. Корнилов**

Семья Хоружих. Справа налево: Вера Захаровна с дочерью Аней; брат Василий Захарович; мать Александра Иеронимовна; сестра Надежда Захаровна с дочерью Лилией

Дети В. З. Хоружей — Аня и Сергей (1948 год)

Иван Григорьевич НОВИКОВ
ВЕРА ХОРУЖАЯ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. И. Стебакова*

Младший редактор *М. С. Анисимова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *А. Г. Виноградова*

Ответственный корректор *Г. В. Савелова*

Сдано в набор 4 апреля 1973 г. Подписано в печать 12 июля 1973 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 8,82. Учетно-изд. л. 8,74. Тираж 200 тыс. экз. А 04640. Заказ № 2300. Цена 31 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

31 коп.

